

П.С.ИСАЕВ

МЫ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ
(воспоминания)

О Г Л А В Л Е Н И Е

Аннотация

Глава 1. Моя родина. Из чего складывалось мое мировоззрение

Глава 2. Родители

Глава 3. Мы защищали Родину

Глава 4. После войны

Послесловие

АННОТАЦИЯ

«... Военная история и без вымысла богата событиями, которые не только интересны и важны, но и достойны правдивого отражения в литературе...»

И.С.Конеv. «Записки командующего фронтом. 1943-1944»,
Изд-во «Наука», Москва, 1972, с.288.

«... Общая широкая картина войны может сложиться только из многих воспоминаний. Ее составят воспоминания командующих фронтами и армиями, командиров дивизий и полков, комбатов, командиров рот, младших командиров и солдат. Только все это, вместе взятое, может дать полное представление о войне, увиденной с разных точек. И едва ли стоит пытаться сводить в чьих бы то ни было воспоминаниях все эти точки в одну...»

И.С.Конеv. «Сорок пятый», Изд-во Министерства
обороны СССР, Москва, 1966, с.270.

«... Я принимал участие во многих крупнейших событиях войны, много видел и знал, но даже если бы я рассказал обо всех четырех годах войны, пережитых мною, все равно это были бы только некоторые страницы той огромной летописи Великой Отечественной войны, которую всем нам коллективно необходимо создать в интересах нашей страны и в интересах истории»

И.С.Конеv. «Сорок пятый», Изд-во Министерства
обороны СССР, Москва, 1966, с.279.

«Времени прошло много, а солдатских мемуаров – очень, очень мало...»

К.Симонов. Из телепередачи «Солдатские мемуары».

ГЛАВА 1

«МОЯ РОДИНА. ИЗ ЧЕГО СКЛАДЫВАЛОСЬ МОЕ МИРО- ВОЗЗРЕНИЕ»

Родился я в селе Коршево Бобровского района Воронежской области 17 апреля 1924 года. Духовная атмосфера жизни жителей села Коршево была продуктом образа жизни предков ближних и далеких, отражала историю поколений, живших безвыездно столетиями на своей земле – все это незримо витало в воздухе днем и ночью, жило в речах и поведении старших поколений и полностью соответствовало словам русских сказок: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». И вследствие необъятности и величия России, вследствие традиционного характера жизни, «русский дух», впитанный в детстве, практически не выветривался из человека в течение всей его жизни. Влияние «далеких стран и народов» из-за ничтожно малого притока в село «пришельцев» из этих стран практически не меняло традиционный образ жизни. В этой атмосфере сельской жизни и русских обычаев развивалось и созревало мое мировоззрение.

После Великой Отечественной войны мне понадобилось новое свидетельство о моем рождении. Пошел я в Коршевской сельский Совет, назвал секретарю свою фамилию, имя, отчество, как зовут моих родителей, назвал дату своего рождения... А секретарь, копавшийся в документах, говорит мне, что на самом деле я родился 15 мая 1923 года и показывает мне соответствующие записи. И сколько я не убеждал его, что я родился не 15 мая 1923 года, а 17 апреля 1924 года, я не мог его переубедить. Тогда я попросил его все-таки посмотреть документы за 1924 год, и он, к моему удивлению, обнаружил мое свидетельство о рождении 17 апреля 1924 года с теми же родителями. В конце концов, я получил именно это свидетельство. И только дома мой отец рассказал, что у него с мамой был еще один сын –

Петр, который родился 15 мая 1923 года, но вскоре умер. И так как папе очень хотелось иметь сына по имени Петр¹, то вскоре я появился на свет. А до нас, двух Петров, у моих родителей была еще дочь Ольга, она родилась в 1921 или 1922 году, но так же, как и Петр (первый) рано умерла. Так я оказался в семье старшим ребенком.

После меня родились еще брат Сергей (26 мая 1932 года) и сестра Александра (9 сентября 1939 года). Они прожили достойную жизнь, но скончались раньше меня. Брат умер 11 мая 1996 года в городе Торжке Калининской области (ныне – Тверской области), сестра Александра умерла 8 ноября 2004 года в том же городе. Они похоронены на городском кладбище города Торжок.

Итак, родился я в селе Коршево 17 апреля 1924 года. Село Коршево стоит на высоком берегу реки Битюг, левого притока Дона.

Спуск к реке Битюг из села Коршево. Видно, что село располагается на границе леса и степи.

¹ Папа часто говорил, что Петр – любимый ученик Иисуса Христа, и у Петра хранятся ключи от рая.

Длина Битюга около 400 км, протекает он по Окско-Донской равнине. Кстати, «битюгами» называлась порода тяжеловозных лошадей, выведенная в 18 веке крестьянами Воронежской губернии, проживавшими в селах, расположенных вдоль реки Битюг. Об этой породе можно прочитать в «Энциклопедическом словаре», изданном в 1963 году Государственным издательством «Советская энциклопедия» (см. слово «битюг»). Вниз по течению Битюга, южнее, примерно в 10 км от Коршева, стоит город Бобров, районный центр. О Боброве в словаре написано совсем мало: «Город в Воронежской области, РСФСР, на р. Битюг. Железнодорожная станция, 7,6 тыс. жителей (1961), сушильно-консервный завод, маслозавод и др. предприятия».

Больше сведений о моей родине приведено в Большой энциклопедии (четвертое издание), С.-Петербург, Типо-литография книгоиздательского товарищества «Просвещение», 7 рота, 20, 1904 г.: «Коршево, село Бобровского уезда, Воронежской губернии, в 12 верстах к северу от уездного города, на р. Битюге. Жителей около 8 тысяч, земское училище, 8 лавок, крупная ярмарка. Селение тянется по берегу реки на 6 верст² в длину». Об уездном городе Боброве в той же энциклопедии написано: «Бобров, или как его прежде называли Бобровск, уездный город под 51°6' северной широты, 46°4' восточной долготы, на правом возвышенном берегу реки Битюг, основан в XVIII в. ». Река (Битюг) была пограничной с поселениями ногайских кочевников³. Прилегающие места славились изобилием бобров, рыбы и прочим, и тут с XVII в. возникло несколько дворцов⁴, слобод, самой знаменитой из которых был Бобровск. Когда в 1711 г. Азов был вновь

² Верста – мера длины, применявшаяся в России до введения метрической системы мер, 1 верста = 500 сажень = 1.0668 км.

³ Ногайская орда – татарское феодальное государство с кочевым населением, образовавшееся в южно-русских степях в конце XIV века в результате распада Золотой Орды. В XIV-XV веках Ногайская орда кочевала по территории от реки Волги до рек Эмбы и Иртыша. В середине XVI века распалась на Большую и Малую орды. В конце XVI века Большая орда перешла в русское подданство. В 30-х годах XVII века большая часть Большой и Малой орд под давлением калмыков ушла в Предкавказье и приняла подданство Крымского хана, остальные ногайцы подчинились калмыкам (Изд-во «Советская энциклопедия», т.2, с.1076 Москва, 1964 г.)

⁴ Дворец – небольшой двор

захвачен Турцией, то выходцы из него были поселены вблизи Бобровска, названном городом. В 1799 г. он объявлен уездным городом Воронежского наместничества...

История присоединения Азова к России сложнее той, которую нам излагали в советское время в средней школе. Нам говорили, что Петр I создал в Воронеже судостроительные верфи и на построенных судах, спустился по реке Дон к Азову, где при поддержке сухопутных войск Азов был завоеван русскими войсками. На самом деле все было не так просто. Азов переходил из рук в руки два раза.

Первый поход русских войск был в 1695 году. Он был неудачным. Второй поход, через год, был удачным: 19 июля 1696 г. турецкий гарнизон Азова капитулировал. В 1711 году, в результате провального Прутского похода, армия Петра I дошла до реки Прут, но здесь была окружена превосходящими силами турок. 12 июля 1711 г. Россия была вынуждена заключить мирный договор, по которому Азов возвращался Турции, русские крепости на побережье Азовского моря (Таганрог и др.) подлежали сносу, азовский флот русских был уничтожен. Это тот самый исторический момент переселения русских из Азова в район Бобровска, о котором я упомянул в моих воспоминаниях выше.

Но русско-турецкие войны на этом не закончились. Война 1735-1739 гг. была успешной для России. Русская армия одержала победу при Ставучанах в 1739 году и заняла Хотин и Яссы. Белградский мир, завершивший войну, вернул России Азов. С этого момента Азов навсегда остался русским.

Война 1768-1774 гг. ознаменовалась блестящими победами русской армии под командованием П.А. Румянцева на реках Ларге и Кагуле в 1770 г. В том же году турецкий флот был уничтожен в Чесменской бухте. 21 июля 1774 г. между Россией и Турцией в деревне Кучук-Кайнарджи (вблизи г.Силистрия) был заключен мир, завершивший победоносную войну России с Турцией (1768-1774 гг.). Согласно мирному договору, Россия получила Керчь, Еникале, Кинбурн и территорию Кабарды, Крымское ханство

признавалось независимым от Турции, а русским торговым кораблям предоставлялся свободный проход через Босфор и Дарданеллы...

Возвратимся к Большой энциклопедии (С.-Петербург, 1904 г.). «...С проведением Харьковско-Балашовской железнодорожной линии Бобров был соединен с общей рельсовой сетью. Население по переписи 1897 года составляло 3891 человек (1932 мужчин, 1959 женщин). Браков в 1898 г. заключено 21, родилось 96 детей (49 мальчиков, 47 девочек), умерло 84. Прирост 12 душ. Ярмарок – 3, на которые свозится товаров до 1/2 миллиона рублей. Самая значительная – Крестовоздвиженская⁵. Фабрик и заводов 7 с 11 рабочими и производством 8600 рублей. Земская больница, мужская прогимназия, школ – 3, богадельня – 1. Благотворительное общество оказывает пособие 47 семьям в размере 774 рубля...».

Конечно, жители моего села Коршево в начале XX века вряд ли хорошо знали историю, но, несомненно, от дедов и прадедов до них доходили «отголоски» истории тех лет в виде какой-то культуры, строительства домов и приусадебных построек, обычаев, оборотов речи, отдельных слов и их значений. Название села «Коршево» всегда вызывало желание узнать его происхождение. Мой сын, Алексей, был особенно настойчив и просил ответить на этот вопрос деда, моего отца. Наконец, в одном из своих писем дед ответил Алеше: *«В средней полосе России бытовало слово «Корчъ», означавшее вывороченную корягу, ветвистый обломок дерева или целое дерево, стоявшее на берегу реки, подмытое рекой, снесенное водой и затонувшее в реке, мешающее рыболовству. От него образовалось прилагательное «корчеватый» или «коршеватый». Места в водоемах, где часто встречались коряжник, затянутые в песок пни и деревья, назывались коршеватыми. Таким коршеватым был и остался Битюг до наших дней в районе нашего села. От слова «коршеватый» и пошло название села».* Действительно, вдоль Битюга, **вплотную к берегу, так, что из черноземных**

⁵ Праздник Воздвижения креста относится к особо торжественным, Дванадесятым праздникам, и отмечается 27 сентября.

подмытых берегов реки торчали корни деревьев, нависших над водой, стоял красивый дремучий лес. Деревья подмывались водой и падали в реку, образуя корчеватые места. Символично, что в Тверской области, недалеко от Дубны, где я живу сейчас, существовал уездный город с названием Корчева, затопленный при строительстве Иваньковского водохранилища в 1935 г.

Река Битюг в районе села Коршево.

Далее мой отец писал: *«Для исследования восточной части реки Дона по царскому указу в 1685 году была организована экспедиция под руководством Ивана Желобова. Иван Желобов приблизился к нашим местам. Что здесь увидел он? О нашем селе он написал несколько слов: «Осьмой Коршев юрт⁶ начался от Красного липяжка. В избе здесь оказались добренцы. В соседнем,*

⁶ «Юрта» означает переносное жилище кочевых и полуоседлых народов. Вот одно из доказательств влияния соседства русских поселенцев с ногайцами, о чем говорилось выше.

девятом, Бобровском юрту – изба, в которой также проживали добренцы». Выходит, что в 1685 году от верховьев реки Битюг до наших мест Коршево было восьмым по счету поселением, в котором была всего одна изба, и жили в ней выходцы из большого населенного пункта Добринка, находящегося недалеко от истока Битюга, теперь станция на железной дороге Липецк-Борисоглебск. Добринцы получили на откуп землю на Битюге у хозяина здешних мест – архимандрита Троицкого монастыря из города Козлова (ныне Мичуринска). Юрты по Битюгу свидетельствуют об освоении этого края русскими людьми еще в XVII веке. Как видишь, история нашего села уходит в сравнительно отдаленные времена. Здешние места на картах России в XVII веке назывались «Диким полем», ненаселенной пустыней⁷.

Говорят, что одними из первых поселенцев Коршева были семьи Романовых и Утопленниковых, которые жили на самом берегу реки. Они пользовались несметными богатствами леса, рыбными угодьями, охотились на бобра, куницу, белку, ездили в степь на промысел, занимались земледелием. Богатая природа края привлекала людей и вскоре село увеличилось. Во второй половине XIX века село было сравнительно небольшим. Сразу за селом начиналась степь.

В Коршеве не было крепостного права. Наши крестьяне были государственными и не являлись собственностью какого-либо помещика, как это было, например, в Березовке, Шишовке, Чесменке и многих других соседних селах. Село Чесменка принадлежало Орлову-Чесменскому. В селе Чесменка был большой конный завод, в котором выводились замечательные орловские рысаки».

В 1699 году по указу царя были переселены на реку Битюг крестьяне из Ярославского, Костромского и других уездов северной части России. Это

⁷ Из вышеприведенных исторических отрывков очевидно, что освоение земель «Дикого поля» русскими поселенцами происходило уже после 30-х годов XVII века, когда Большая и Малая орды ушли в Предкавказье, а часть ногайцев подчинилась калмыкам.

было продолжение освоения «Дикого поля» Россией. Мой замечательный школьный друг, уроженец села Коршево, позднее профессор Воронежского государственного университета, заведующий кафедрой русского языка и литературы Торопцев Иван Степанович, в своих исследованиях местных диалектов утверждал, что разговорный язык в Коршеве максимально приближен к московскому диалекту, что подтверждает версию о переселении

**И.С.Торопцев (25.08.1947). Профессор, зав. кафедрой
русского языка Воронежского университета**

людей из окружавших Москву районов в окрестности Битюга. Во многих окрестных селах был распространен южно-русский диалект, приближающийся к украинскому языку. Укрупнялись села: Анна, Тишанка, Старая Чигла, Новая Чигла, Мечетка. Кстати, лауреат Нобелевской премии Павел Алексеевич Черенков родился в селе Новая Чигла, расположенном вдоль Битюга, в 20 км севернее села Коршева (смотри карту). Далее в письме было: *«... В первой половине XIX века в Коршеве была построена каменная церковь. Строительство церкви велось под руководством приезжих мастеров. Крестьяне на своих лошадях подвозили кирпичи, песок, известь.*

*К концу XIX века к церкви была произведена дополнительная пристройка – расширение ее **нижней** аудиторной части. Деревянной церкви в Коршеве не было.*

Первый престол в церкви был построен в честь религиозного праздника «Вознесение» отсюда и церковь наша и поныне называется Вознесенской, а

после дополнительной пристройки к церкви, появились еще два престола, один в честь святого Димитрия Страстотерца и второй престол в честь Иверской Божьей Матери».

Вид на церковь в селе Коршево (начало 70-х годов XX века).

К этому письму мой отец приложил «родословную» по прямой линии. Мужская ветвь выглядит следующим образом:

1. Исаев Алексей Петрович (мой сын) – родился в 1957 году.
2. Исаев Петр Степанович (я) – родился в 1924 году.
3. Исаев Степан Васильевич (мой отец) – родился в 1899 г.
4. Исаев Василий Егорович (мой дед) – родился в 1872 г.
5. Исаев Егор Петрович (мой прадед) – родился в 1845 г.
6. Исаев Петр Савельевич – родился в 1813 г.
7. Исаев Савелий Федорович – родился в 1775 г.
8. Исаев Федор Матвеевич – год рождения неизвестен.
9. Исаев Матвей – отчество и год рождения неизвестны.

Отмечу, что правильное, православное, нареченное священником имя моего отца было Стефан. Однако в советское время ему поменяли церковно-славянское имя «Стефан» на «современное», **простонародное** имя –

«Степан», так он и числился по паспорту до самой своей кончины 11.02.1980 г. Еще папа говорил мне, что в селах попы давали новорожденным мальчикам и девочкам из простых крестьянских семей «неблагородные» имена: Егор, Макар, Савелий, Федор, Матвей и др., или Марфа, Аграфена, Прасковья, Авдотья и т.д., выделяя «благородные» имена Александр, Владимир, Алексей, Елизавета, Екатерина и др., которые давались богатым селянам и дворянам.

Если предположить, что разница в возрасте между отцом и сыном, как следует из родословной, равна, приблизительно, тридцати годам, то можно считать, что Исаев Матвей родился в промежутке 1715-1725 годов, т.е. в период царствования Петра I. Все поколения Исаевых жили в одном селе, женились на девушках из этого села, все похоронены в с. Коршево.

Мой дед, Василий Егорович, в конце XIX века принимал участие в работах по дополнительной пристройке к церкви, которые велись под руководством московских мастеров. Его умение работать плотницкими и столярными инструментами производило на приезжавших в Коршево москвичей сильное впечатление, а умение придавать изделиям из дерева художественную форму было таким, что москвичи просили Егора Петровича, отца Василия, послать сына в Москву, в художественное училище. Но Егор Петрович сына не отпустил, сказав: «Ты это выбрось из головы... Они тебе наобещают..., а кто дома землю пахать будет!?...»

«Художественная карьера» моего деда на этом, однако, не окончилась. Он не мог отказаться от своей любви вырезать из дерева и делал игрушки детям. Но не только это. В реставрируемой сегодня церкви села Коршево, как одна из выдающихся ее реликвий, до сих пор находится деревянная скульптура «Распятие Христа», вырезанная моим дедом, Василием Егоровичем, на которой с удивительной четкостью выточены все детали: пальчики и ногти на руках и ногах, шляпки от гвоздей, вбитых в кисти рук Христа, ступни ног, кровавые следы на руках и ногах. Эта скульптура производила столь сильное

впечатление на сельчан, что многие женщины плакали, глядя на страдания Христа.

В июле 2009 года я посетил родное село, побывал на могиле своих родителей на сельском кладбище, заходил в нашу церковь, реставрация которой будет продолжаться еще довольно долго, и своими глазами видел «Распятие» - оно имело заброшенный, неочищенный от пыли и грязи вид – но оно цело!

Я помню, когда мне было не более 4-х лет, дед вырезал мне красивую птичку из дерева. Была весна, светило солнышко, по улице бежали ручьи от тающего снега. Я от радости побежал на улицу, пустил эту птичку в ручеек, кое-где покрытый корочками льда, она поплыла, поплыла... Я шел вслед за птичкой, а она вдруг юркнула под лед, и я потерял ее. Слез моих было много, я боялся идти домой. На улицу вышла мама, успокоила меня и увела домой. Деда в доме не было – он был где-то во дворе и занимался своими делами. Все для меня окончилось моими детскими страданиями и слезами.

В одной большой избе с сениями и крыльцом жила вся семья деда Василия Егоровича и его жены, моей бабушки, [Анастасии Васильевны \(в девичестве – Сажениной\)](#). Семья, кроме самого деда и его жены, состояла из трех взрослых сыновей и их семей: мой отец – Степан (со своей женой, моей мамой, Марфой Андреевной, и мной – единственным, пока, их сыном), брат моего отца – Иван (с женой Дарьей и их сыном) и младший брат моего отца Дмитрий (с женой Полиной и маленьким ребенком). В семье также жили двое уже взрослых «племянников»⁸ папы, Иван Тихонович и Евдокия Тихоновна, дети убитого во время первой мировой войны брата моего деда – Тихона Егоровича. [У отца была еще старшая сестра – Прасковья Васильевна, по мужу Трофимова, но она жила отдельно, в семье своего мужа Ивана.](#)

В избе стояла обыкновенная русская печь, были полати, вдоль стен избы стояли длинные во всю стену деревянные лавки, а в «красном» углу стоял

⁸ Их называли племянниками, а они обращались к моему отцу – дядя Стеша, хотя приходились ему двоюродными братом и сестрой. Дело в том, что они были лет на 15 моложе моего отца.

большой обеденный стол. В том же углу, под потолком, были три иконы, и перед центральной из них горела лампада. Завтракали, обедали и ужинали вместе за длинным деревянным столом, к которому приставляли длинные лавки по бокам так, чтобы уселись все сразу. Ели из одной большой деревянной чашки деревянными ложками. Хлебали из этой чашки по очереди, первым начинал дед Василий, за ним – кто как сидел, так и задевал своей ложкой щи, суп или кашу. Кто пытался задеть ложкой раньше, получал от деда удар ложкой по лбу – другой раз не поспешишь. Длинными осенними и зимними вечерами вдоль лавок ставились прялки и женщины пряли на них пряжу из овечьей шерсти или конопли. Из конопляной пряжи делали холсты на домашних ткацких станках, из холстов шили рубашки, штаны, постельное белье и другую одежду, а из шерстяной – вязали чулки, варежки, одежду, шерстяные шарфы, теплые рубашки и т.д. Село жило на самообслуживании. В свободные вечера играли в карты – играли не только члены своей семьи, но и соседи, пришедшие на «огонек». Ставкой в игре, как правило, были семечки от тыквы (денег не было).

Отец мой Стефан Васильевич (впредь я его буду называть только Степаном Васильевичем) считался на селе грамотным человеком, «грамотеем». Он с отличием окончил двухклассную церковно-приходскую школу⁹ (3+2 года), стоявшую недалеко от сельской церкви, примерно, в 2-2,5 км от нашего дома.

Отец обладал отличным музыкальным слухом, пел в детстве в церковном хоре, был одним из лучших в этом хоре, а когда подрос, ему купили гармонь.

⁹ Проект о введении всеобщего начального образования в Российской империи был впервые поставлен в 1907 г., но так и не был решен. 19 марта 1911 года Дума проект одобрила и передала его в Государственный совет. Государственный совет потребовал исключить из законопроекта обязательство завершить введение всеобщего начального обучения через 10 лет. Эту и ряд других поправок Госсовета Дума опротестовала. 28 января 1912 года была создана согласительная комиссия. По ходу её работы Госсовет сделал встречный шаг, увеличив ежегодные ассигнования на 5% против истребуемых (500 тыс.руб.). Однако к компромиссу согласительная комиссия не пришла. Доклад согласительной комиссии был заслушан Думой 21 мая 1912 года. 6 июня 1912 года, учитывая, что «Дума осталась по всем принципиальным вопросам при своём первоначальном решении», законопроект о введении всеобщего начального обучения Государственный совет отклонил, и более этот вопрос в Российской империи официально не поднимался.

На гармошке он играл много народных песен, много танцевальных сельских мелодий (страдания, барыню, гопак, краковяк, цыганочку, светит месяц, различные польки, вальсы), которые подбирал на слух. Любовь к музыке он сохранил до самой смерти. Уже выйдя на пенсию, после 1960 года, он организовывал из сельской молодежи, пожилых женщин различные сельские хоры. На конкурсах в Боброве и Воронеже (все это – в советское время) его хоры занимали призовые места, о нем писали районная газета и областная газета «Коммуна».

В молодые годы (1920-1934 гг.) на селе папу приглашали практически на все сельские свадьбы, он часами мог играть на гармошке и одновременно (не часами, конечно!) плясать «в присядку». Его любовь к музыке привилась и мне. Говорят, что в 3^х-летнем возрасте я садился в избе на пол, брал гармошку и «играл» («пиликал») на ней до тех пор, пока не надоедал женщинам в избе, после чего меня выпроваживали на улицу. К 8-ми годам я относительно хорошо играл на гармошке и струнных инструментах: балалайке, мандолине и гитаре. Когда мне было 10 лет, мне была доверена покупка в Боброве струнных инструментов для колхозного оркестра. Позднее (в 1953-1956 гг.), после окончания физического факультета МГУ, работая в Дубне, я руководил струнным оркестром в составе 25 человек, участвовал в Дубне в художественной самодеятельности и имею почетные грамоты за эту музыкальную деятельность. Хорошую музыку (и классическую, и эстрадную) люблю и сейчас.

Я плохо помню своего деда Василия и бабушку Настасью. Есть фотография моего деда, сделанная в Боброве, примерно в 1915 году, есть фотография моей семьи (на фото папа, мама, бабушка Настасья и я, втиснутый между мамой и бабушкой), сделанная 26 мая 1929 года.

На первой фотографии слева мой дед - Василий Егорович Исаев (43 года), рядом, справа, его брат Тихон Егорович Исаев. На второй фотографии я, мои родители и моя бабушка – Анастасия Васильевна Исаева (Саженина) - мама моего отца.

Дед Василий умер относительно молодым, не дожив до 60 лет. Он любил выпить и в пьяном виде дебоширил, всех выгонял из избы во двор и иногда бил бабушку. В пьяном виде он мог зубами поднять полное ведро воды, грыз толстые стеклянные стаканы. Когда мой отец и его брат Иван подросли и окрепли, они эти дебоши деда остановили. Брат Иван любил охотиться и имел охотничье ружье. Однажды дед Василий, будучи сильно «навеселе», решил покуражиться. Мой папа и его брат Иван связали деда, положили в избе под лавку. Иван, сняв со стены охотничье ружье, наставил его на моего деда (своего отца) и отчаянно и зло сказал: «Я сейчас застрелю тебя... Ты надоел нам...». Неожиданно дед поверил в это, заплакал, и виновато и жалостно произнес: «Не стреляй, сынок... Я больше не буду...» Мой отец рассказывал, что после этого события дед сник, осунулся, заболел и вскоре умер. Папа говорил, что перед смертью дедушка лежал на лавке, долго кашлял, а потом повернулся к стенке и произнес: «Вот и пришел мой

курпьяк...». «Курпьяком» у нас на селе называли снятую с зарезанного молодого ягненка шкуру.

В годы НЭПа, но не позднее 1928 года, мой отец купил какое-то количество кубометров леса и построил два дома: один – для своей семьи, крытый под железо, а другой, крытый соломой – для младшего брата Дмитрия (см. ниже фотографии братьев Ивана и Дмитрия). В 1928 г. или 1929 г. брат Иван, смелый, отчаянный охотник, уехал со своей женой Дарьей в Сибирь, в Барабинские степени. Там, в конце двадцатых годов XX столетия, советская власть давала бесплатно землю, не облагая ее налогами, чтобы люди могли «поднять хозяйство». Иван вскоре писал моему отцу, что он хорошо обустроился, заимел дом, лошадь, корову и другую скотину, и стал хорошо жить. Судьбу его детей – Григория и Александра я не знаю. Начиная с этого момента, каждая семья имела свой дом.

Дом, крытый железом и построенный моим отцом в годы НЭПа. Вид со двора.

Слева мой дядя Иван Васильевич Исаев (сибиряк), справа мой младший дядя Дмитрий Васильевич Исаев (умер в Москве).

Дошкольные годы проходили у всех детей в сельской местности одинаково – свободно и безалаберно. К пяти годам отец научил меня читать, писать, считать (даже считать на счетах), простым арифметическим действиям, таблице умножения. Я не помню, что я читал в те годы. Папа много рассказывал мне о своей школьной жизни. Особенно у него выделялись рассказы об уроках закона Божьего. Надо было наизусть учить некоторые молитвы и некоторые места из Библии. В школе поп (так на селе звали священников) требовал от учеников повторения молитв и отдельных мест Библии слово в слово, а не знавших бил по голове длинной деревянной линейкой. Папа говорил, что ему часто приходилось по ночам до рассвета учить эти молитвы при свете керосиновой лампы. Зато на уроках закона Божьего его ставили в пример другим нерадивым ученикам – у папы была отличная память. Во время Пасхи поп брал 2-3 подводы и объезжал своих прихожан, заходил с молитвой в каждый дом, а детский хор, сопровождавший попу, пел молитвы и каждый прихожанин должен был давать попу подаяние – кто что мог: меру пшеницы, пшена, десяток яиц,

мясо, коровье масло, курицу и т.д. Если попу казалось, что ему дают мало, он сердился на прихожанина, ругал его, грозил божьими карами. В течение дня он отвозил домой несколько телег, нагруженных такими подаяниями.

По праздникам взрослые играли на улице тряпичными мячами (резиновых не было) или деревянными шарами, в городки и другие игры, а в будние дни работали в поле и на огородах. Весной и в летние дни взрослые «не вылезали» из своих огородов. По вечерам наша улица, единственная, соединявшая половину села с полем, наполнялась облаками и запахом пыли, запахом коров и коровьего молока. – Это стадо коров возвращалось домой с поля. Коров в Коршево было очень много. Мама, подоив корову, каждый раз звала меня: «Петя, иди выпей парного молочка». И я пил его, пил много и с удовольствием, оно было теплым и душистым. Летом молоко бывало иногда горьким, и тогда мама говорила, что корова где-то нашла полынь и ела ее. Я вырос на молоке. После ужина дети из всех домов снова выходили на улицу, играли дотемна в свои игры, пока родители не загоняли их домой спать. Спали либо на полатах, либо на русской печке, либо на лавках, стоявших вдоль стен, либо на полу, летом – иногда в сарае, на сене – кроватей дома не было.

Для меня в риге сделали качели. Рига у нас была высокая, и сегодня мне кажется, что ее верхушка была на высоте, примерно, 10 метров. К самой высокой перекладине привязывали вожжи, а внизу – деревянное сиденье. Я бесконечно долго мог взлетать на этих качелях под самую верхушку риги. Скучно было осенью – дождливая погода мешала играть на улице. Я любил осенью из подсолнечных стволов делать ловушки для синичек. Внутри ловушки, под крышку ставилась приманка для синичек – подсолнечные семечки, и когда синичка прыгала на подставку для семечек – крышка свободно захлопывалась. Вечером я ставил эту ловушку в саду, а утром бежал смотреть – попалась синичка в ловушку или нет. Так, за один сезон попадалось 8-10 синиц. Когда я брал в руки синичку из ловушки, сердечко ее

громко стучало. Одни синички спокойно вели себя, а некоторые – сердились, щипали клювом руки. Насмотревшись на синицу, я выпускал ее на волю.

Однажды я со своими товарищами попробовал закурить. Табака не было, но кто-то сказал, что вместо табака можно сигарку набить сухой крапивой. Взяв спички и газетную бумагу из дома, я с товарищами пошел в свой огород – там за плетнем было много сухой крапивы. Сделали мы сигарки из газеты, набили их сухими листьями крапивы, зажгли спичку и стали прикуривать – и в этот момент появился мой отец: «Ах, вы, чертенята, что затеяли! Вы же подожжете весь мой двор!» Мы побросали свои сигарки и разбежались. Вечером папа меня не ругал, а спокойно и рассудительно сказал: «Ты так больше не делай. Если хочешь курить – я тебе буду давать деньги на табак и спички и кури на улице. Не прячься – ты можешь поджечь и дом, и сарай...». И я больше не смог закурить, и не курю до сих пор. Мой отец не курил.

Зимой мы очень много времени проводили на улице, катались на лыжах и деревянных коньках. К деревяшкам, подструганным под коньки, снизу набивалась железная полоска, коньки привязывались к валенкам веревочками, так и катались на этих коньках по наезженной санной дороге, проходившей по середине улицы. Я не помню, сколько мне было лет, когда отец купил мне настоящие стальные коньки. И когда я первый раз стал на эти коньки и попытался прокатиться по дороге, то сначала с трудом мог на них стоять – они были непривычно скользкие, ноги разъезжались. Но я довольно быстро привык к ним. Одевались мы в овчинные шубы, на ногах валенки, на руках – домашние, связанные из шерсти, рукавицы или сшитые из овчины. Лаптей у меня никогда не было.

В 1930 году, в сентябре месяце, когда мне исполнилось 6 лет и 5 месяцев, я был записан в 1-й класс Коршевской семилетки. На своей улице я был самым молодым из своих товарищей – все они были на год или два старше меня. Меня не хотели брать в школу по возрасту – «по закону» в школу записывали с 8 лет. Мама говорила: «Куда ты такой маленький, зимой не дойдешь до школы – замерзнешь. И действительно, наше село очень

большое, до 7 км в длину вдоль берега реки Битюг, а в ширину – выход в поле – около 4 километров. До школы от нашего дома надо было идти около двух с половиной километров – наш дом стоял на краю села у выхода в поле, а школа была недалеко от Битюга. Когда я увидел, что все мои товарищи с моей улицы идут в школу, а я остаюсь один дома, я сильно и долго плакал, потом залез под амбар и не вылезал оттуда, пока отец с матерью не сдались. Наша улица Самарка была широкой, и по ней шло движение из села в поле: повозки, запряженные лошадьми, стада коров, отары овец – все, что связывало село с полем. По обеим сторонам Самарки, впереди каждого дома, в 10-15 метрах от дома стояли амбары – вроде второй параллельной улицы. Расстояние между амбарами с одной стороны улицы и амбарами противоположной стороны было около 40 метров шириной. Полы в амбарах были высокими – над землей возвышались на 30-40 см – в амбарах в течение года хранилось зерно: рожь, пшеница, овес и т.д. и было важно, чтобы мыши не могли залезть в амбар. Под полом такого амбара я сидел до тех пор, пока папа не сказал: «Вылезай... я отведу тебя в школу».

Село Коршево, улица Самарка (начало 70-х годов XX века).

Учителем начальных классов была Дарья Иосифовна Калачева, а муж ее был, по-видимому, офицером царской армии, вскоре его арестовали и он больше на селе не появлялся. Ходил он всегда в каком-то военном френче защитного цвета. После ареста мужа Дарья Иосифовна осталась одна и жила в доме при школе, который еще в царское время предназначался для учителя.

Учился я легко, знал всю школьную программу начальных классов, мог полностью повторить все, что говорилось на уроках, домашнее задание успевал делать на уроках в школе. Так что, когда я приходил из школы домой, мне домашнее задание делать было не нужно, и я выходил на улицу или играл дома на балалайке или гармошке, разучивал различные пьесы или исполнял домашние задания мамы по дому или огороду.

Школа была, как мне тогда казалось, большой, классы – просторными и светлыми, а в длинном коридоре стояли круглые, до потолка печки из кирпича, обитые железом – зимой было тепло. При школе был огромный, красивый сад, и дом Дарьи Иосифовны стоял в этом саду. От школы до церкви было не более 300 метров. Я думаю, что эта школа была построена Сувориным (о нем – ниже). Когда я шел в школу по своей улице, Самарке, (так улица называется и сегодня), то проходил центр села – он был, примерно, в 2-х километрах от нашего дома. «Центр» был образован тремя домами: 2-этажным зданием сельского совета, с одной стороны улицы, магазином – с другой, и домом Суворина, стоявшим на той же стороне Самарки, что и сельсовет. Между сельсоветом и магазином, с одной стороны, и домом Суворина, с другой стороны, проходила улица «Большак», которая была перпендикулярна Самарке и пролегала параллельно реке Битюг через все село Коршево – семь километров. По Большаку шло движение из соседнего села Шишовка и других сел в город Бобров – наш районный центр. Суворин дом, сельсовет и магазин окаймляли центральную площадь, диаметром около трехсот метров, на которой раньше, по церковным праздникам, проходили сельские ярмарки и ставились карусели. Празднества обычно продолжались около недели. После кулацкого восстания 26 марта

1930 г. (о нем я буду писать ниже) на этой площади похоронили 15 убитых **сельских** коммунистов, поставили деревянный памятник, напоминающий небольшую часовенку, и ярмарки прекратились.

Площадь в центре села Коршева и памятник погибшим во время кулацкого восстания (начало 70-х годов XX столетия).

Далее путь от Суворина дома до школы занимал около полукилометра и от Суворина дома до школы располагался большой, «суворинский» сад. Может быть, в царское время он был огороженным и ухоженным, но в мое время заборов уже не было, и по дороге в школу или из школы мы частенько забирались теперь уже в бесхозный и разоренный сад.

Когда, спустя почти сто лет, в 2007 году мне подарили «Дневник» А.С. Суворина¹⁰, старая жизнь моего села обрела для меня особый исторический интерес. Из этого дневника я узнал, что А.С. Суворин, издатель известной в царское время газеты «Новое время», родился и жил в моем родном селе Коршево – он «мой односельчанин». И «суворинский дом» – действительно дом издателя Суворина. Ниже я сделаю несколько выписок из «Дневника» Суворина. Издательство «Дневника», серия «Голоса истории», представляет

¹⁰ Изд-во «Новости», Москва, 1992 г.

А.С. Суворина следующим образом: «Алексей Сергеевич Суворин (1834-1912 гг.) – многолетний издатель крупнейшей и самой влиятельной русской газеты «Новое время», записывая в свой дневник и не рассчитывая на опубликование своих записей, как бы отводил душу после своей повседневной службы. Очень наблюдательный, много знавший, бывший в близком знакомстве и переписке с выдающимися политическими, общественными и культурными деятелями России и Запада, А.С. Суворин преклонялся только перед немногими избранными. Благоговейные записи мы находим в его «Дневнике» лишь о Толстом, Достоевском и Чехове...». А вот что о Суворине написано в «Энциклопедическом словаре в двух томах»¹¹: *Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912) – русский буржуазный журналист и издатель. Выступив в 50-х годах¹² как либеральный журналист, впоследствии стал реакционером и черносотенцем. С 1876 г. владелец и издатель газеты «Новое время» (выходила в Петербурге с 1868 г. по 1917 г.). В 1911 году учредил издательство «Новое время».*

Несомненно, семейство Суворина, жившее в Коршеве вплоть до Октябрьской революции 1917 года, наложило свой духовный и интеллектуальный отпечаток на жизнь односельчан. В процессе моего обучения в Московском государственном университете (1946-1951 гг.) мне попадались сведения о некоем издателе Суворине, как о черносотенце и реакционере. Иногда я вспоминал эту фамилию, совпадающую с коршевской фамилией Суворина, но что это – одно и то же лицо, я не знал. И только из подаренного мне «Дневника» Суворина я убедился в том, что издатель Суворин – действительно является выходцем из села Коршево.

В том же, 2007 году, я прочитал сборники статей «Вехи» и «Интеллигенция в России» (1909-1910 гг.). Эти сборники появились в печати после революционных событий 1905-1907 гг. в России. В «Приложении» к

¹¹ Изд-во «Советская энциклопедия», Москва, 1964 г.

¹² Речь идет о XIX столетии.

этим сборникам есть отзыв В. Ильина (В.И. Ленина) о «Вехах»¹³, для которого А.С. Суворин, если и не был черносотенцем, то, по меньшей мере, был их единомышленником, духовно примыкая к ним. Ленин писал о первом сборнике статей «Вехи»: *«В русской интеллигенции «Вехи» бранят то, что является необходимым спутником и выражением всякого демократического движения. <...> Словечки, вроде «народопоклонничество», так и кишат в «Вехах». Это не удивительно, ибо либеральной буржуазии, испугавшейся народа, ничего не остается, как кричать о «народопоклонничестве» демократов. Отступление нельзя не прикрыть особенно громким барабанным боем. <...> «Вехи» - сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию. Понятно, что публицисты «Нового времени»¹⁴ Розанов, Меньшиков и А.Столыпин бросились целовать «Вехи». Понятно, что Антоний Волынский пришел в восторг от этого произведения вождей либерализма...».*

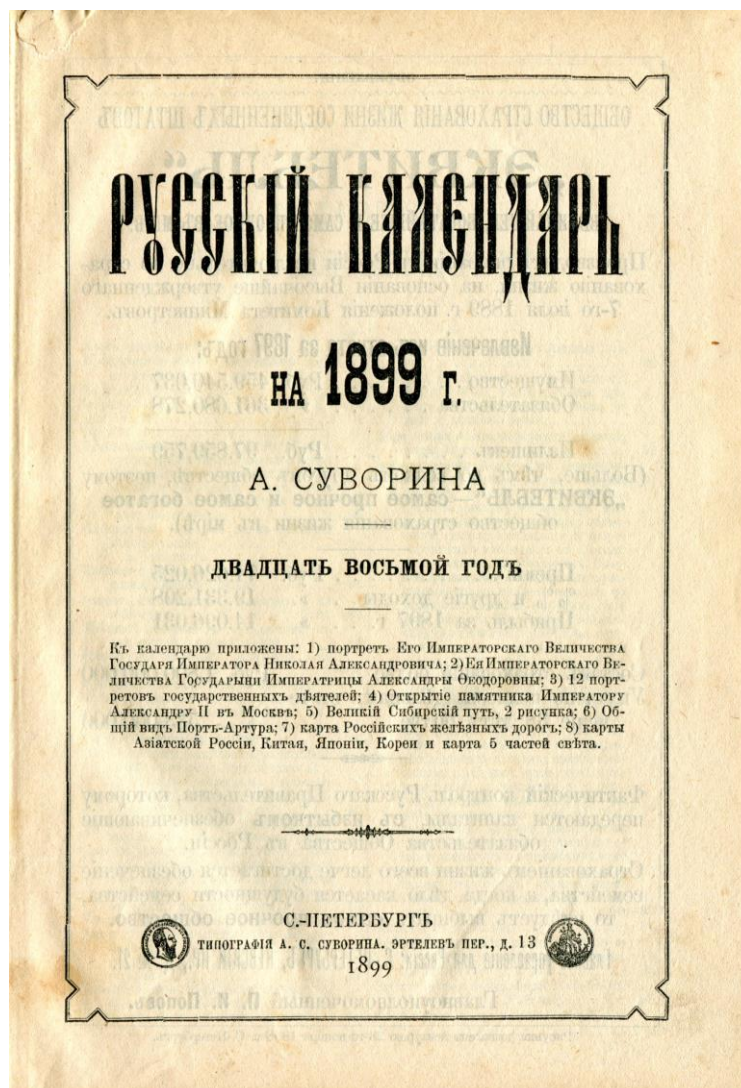
Сборники статей «Вехи» и «Интеллигенция в России» вышли вскоре после бурных, революционных событий в России 1905-1907 гг. и по своему содержанию и полемике очень похожи на то, что происходит у нас в России сегодня, после распада Советского Союза. Ознакомление со статьями этих сборников и «Дневником» А.С.Суворина удивительно обогащает духовно и исторически каждого их читателя, а исторические параллели начала XX в. и начала XXI в. в России несомненно поучительны.

Я не буду придерживаться хронологии записей А.С.Суворина, а просто сделаю некоторые выписки из его «Дневника». Запись 10 сентября 1899 года.

«Завтра мне 65 лет. Вот сколько живу. Очень много. Сегодня получил от брата Петруши письмо, в котором он говорит, что в церкви села Коршево метрические книги существуют с 1781 года. ... Прадед мой умер 65-ти лет. Отец мой умер 69-ти лет. Если мне жить как прадеду, то умереть мне очень скоро, а если как отцу, то еще ничего. Почудим!...»

¹³ «Новый день», № 15, 13 декабря 1909 г.

¹⁴ Издателем «Нового времени» был А.С. Суворин.

Пример издательской деятельности А.С.Суворина. Знаменитый ежегодный «Русский календарь», который содержал всю краткую статистическую и другую информацию о России к указанному году.

Запись из дневника А.С.Суворина 25 октября 1900 г.

«... Недолго мне осталось держать перо в руках. В этом периоде умирания, когда никому не хочется говорить, что действительно умираешь, когда все это хорошо видят, но молчат и не подают признака, что они готовы встретить смерть мою, дарование не бывает злобно. У Некрасова:

*Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит,
Горько ты, стариновское дело!..*

Воистину горько. И в старости чувствуешь себя таким одиноким, что не будь у меня театра, не владей я пером, я бы пропал...».

Запись 13 февраля 1902 г.

«Бессилье старости – что хуже может быть. Желанья есть, есть мысль – нет сил для исполнения».

Запись 25 ноября 1903 г. (за 9 лет до смерти).

«Сплю днем, а ночью бодрствую, вот уже несколько дней. Все мне противно и тяжело, и я не могу разобраться в самом себе...». Эту запись я «примеряю к себе. Сегодня мне идет 88-й год, и я повторяю «поведение» Суворина, которому было 65 лет... Сколько времени мне еще осталось «чудить»?

Согласно дневнику Суворина, метрические книги церкви села Коршева существуют с 1781 года. А в моей родословной Исаев Савелий Федорович родился в 1775 году, раньше на 6 лет до того, как они появились. Однако, даты рождения отца Савелия, Федора Матвеевича, уже нет. Как мог мой отец узнать дату рождения Савелия Федоровича? Видимо, по рассказам своих дедов и прадедов, которые как-то считали, кто и сколько лет после кого прожил на белом свете.

Запись из «Дневника» Суворина от 15 июня 1907 года.

«... Когда мне было 19 лет¹⁵ я ехал из Москвы после окончания курса в Дворянском полку. В Москву отец прислал мне 5 рублей, я справил себе валенки и поехал в Воронеж с обозом, с извозчиками, которые везли товар в Елец. Извозчик взял с меня 75 копеек и устроил мне на передней части воза вроде маленькой кибитки. Дорогой извозчиков на постоянных дворах очень хорошо кормили. Я ел с ними, и очень мне нравилось макать булку в конопляное масло и есть. Я до того времени не едал этого. В Ельце я сел за 50 копеек на порожние дровни извозчика, который возвращался в Воронеж. Там ждала меня маменька, и с ней я приехал в Коршево. Папенька меня встретил: «Не в этой шинели думал я тебя встретить». Он был огорчен тем, что я вышел в статские. Это было в Рождественский пост 1853 года...».

Эта запись для меня интересна тем, что, оказывается, в 1853 году не было железной дороги между Москвой и Воронежем. Первая железная дорога

¹⁵ 1853-й год.

общего пользования в России была открыта в 1837 году между Петербургом и Павловском, 27 километров, а первая железная дорога большого протяжения Петербург – Москва, около 650 км, была открыта в 1851 году. Для меня интересно то, что я родился в 1924 году, и всего за семьдесят лет до моего рождения в России не было железной дороги от Москвы до Воронежа.

Запись из «Дневника» 14 июня 1907 года.

«Декаденты плодят похабщину. Есть журнал, печатающий исключительно порнографию, историю проституции, Маркиза де Сада, Казанову и т.п. Новые беллетристы собаку съели на женском теле...».

А что мы видим сегодня, через 100 лет, после распада СССР? – то же самое! Зачем и кому нужен духовный разврат в нашей стране? Почему молчит интеллигенция современной России? Тогда, 100 лет тому назад, все началось с 1-ой империалистической войны, а кончилось революционными событиями в России. Неужели начинается повторение тех же исторических событий, спустя сто лет?

Сегодня российское общество, вся страна, идет дорогой уже пройденной Россией в 1900 – 1917 годы. Какой рок влечет все господствующие в стране силы старой дорогой, ведущей к потрясениям и революции?

Я приведу еще несколько записей из «Дневника» А.С.Суворина, характеризующих социальное и моральное содержание жизни России начала XX века.

Запись 19 июля 1900 г.

«... У японцев флот прекрасный, и они могут уничтожить нас живо... Морской министр живет в Петергофе со своей любовницей и ничего не делает. Пока генерал-адмирал – великий князь, никакого флота у нас не будет. Великие князья никогда ничего не делают, а министры все: «Как бы не обеспокоить великих князей». Воровство колоссальное...».

Запись 10 февраля 1902 г.

«Скучно. Идем ли мы в политике внешней вперед? Едва ли! Во внутренней? И подавно! Черт ногу сломит! Бездарность непроходимая. Известия о Толстом неутешительные...».

Запись из «Дневника» 16 июня 1907 г.

«Стахович Жилину на московском съезде говорил: – Вот мое продуманное, проверенное и убежденнейшее мнение о политике: можно участвовать, но нельзя успевать – заметьте, нельзя успевать, – добром – на войне, честному – в торговле, правдивому – в дипломатии и чистому в политике. Нельзя чистому преуспевать в политике. Для этого есть слово «компромисс»...».

Запись 22 февраля 1902 г.

«Говорят, были рабочие беспорядке в Туле. Губернатор позвал войска. Но войска отказались стрелять. Дважды будто стреляли в воздух, а когда им скомандовали стрелять в рабочих, они отказались...».

Запись 31 июля 1904 г.

«Сегодня мебельщик Михайлов говорил мне: «Еду сюда с дачи по железной дороге. Разговор о новорожденном наследнике. Радуются. Вдруг какой-то господин очень громко говорит: «Странные какие русские. Завелась новая вошь в голове и будет кусать, а они радуются. Все разом так и притихли. До чего вольно разговаривают, так просто удивительно...».

Думаю, о Суворине хватит. Кто желает узнать о Суворине больше – пусть сам читает его «Дневник».

Мне все эти выписки были нужны для того, чтобы рассказать моим читателям о своем односельчанине – дворянине, приближенном к власти, и показать через его дневниковые записи какими были Россия, ее духовная и интеллектуальная жизнь – пусть только через восприятие одного человека. Мне кажется, это не только интересно, но и важно. Пусть и отдаленно, но мое мировоззрение формировалось и той духовной атмосферой.

Суворин, как видно из его дневниковых записей, вовсе не был таким уж черносотенцем, каким его представляли нам Ленин и советская пропаганда.

А теперь вернемся в мое детство. Я не помню, в каком классе я учился – в первом или втором, но мы, дети, уже в советское время ходили по крестьянским дворам (вероятнее всего с учителем) и агитировали крестьян: «Дядя! Записывайтесь в колхоз! В колхозе вам будет хорошо!.. А не запишитесь – у вас заберут и лошадь, и корову, и все...». Только теперь я могу представить себе, что тогда думали взрослые крестьяне, пахавшие и сеявшие много лет на своем родном поле, своими лошадьми, своими руками о советской власти. Нам же они говорили: «Спасибо, ребята! Подумаем» или «Идите, идите дальше, шпингалеты», и вежливо выпроваживали нас из своих домов. Помню, как мой отец часто повторял народную поговорку в моем присутствии об этом периоде коллективизации, сатирически, со смешком: «Ну и сильна советская власть! Руки связали и корову увели!». Коллективизация сопровождалась раскулачиванием. Лозунг партии, провозглашенный Сталиным, был однозначным: «Коллективизация на основе ликвидации кулачества, как класса».

Я помню, как раскулачивали нашего соседа по фамилии Панков. Он жил в доме, в 50 метрах от нашего дома, но на другой стороне улицы, наискосок. У него была хорошая изба, пятистенка, хороший двор, сараи, были 3 или 4 лошади, были коровы, овцы, свиньи – как у всех других крестьянских дворов. Но он пользовался наемным трудом – своей семьей он был не в состоянии вести все хозяйство, обрабатывать свое поле.

Дело было зимой. На 2-х или 3-х повозках-санях складывалось его домашнее имущество, усаживались женщины и дети. Местные активисты его торопили. Соседские женщины, сбегавшиеся поглядеть на раскулачивание, громко плакали, знали или чувствовали, что больше никогда не увидятся с Панковыми. Потом Панковых усадили в сани и в сопровождении то ли местных активистов, то ли милиции повезли в Бобров, на железнодорожную станцию. Одни говорили, что их сослали на Соловки, другие говорили – в Сибирь – толком никто ничего не знал. Больше о них никто, ничего, и никогда не слышал...

Суровые меры по коллективизации села и раскулачиванию привели к тому, что 26 марта 1930 года в нашем селе поднялось «кулацкое» восстание. По рассказам отца и моим собственным воспоминаниям оно началось рано утром. – Раздался церковный набат, по дворам стали ходить озверевшие кулаки и сгонять всех в центр села к сельсовету и дому Суворина. Они искали активистов и избивали их. Коммунисты собрались в сельском совете на втором этаже здания. В активисты попал и мой отец, хотя ни до восстания, ни после, коммунистом он не был. Он было пошел в сельский совет, но там, вокруг сельсовета, уже собралась большая толпа с вилами и топорами. Кругом кричали «Бей коммунистов»! Отец вернулся домой и спрятался в риге в стоге сена. Ходившие по дворам кулаки зашли к нам, протыкали вилами стог сена, но в моего отца не попали и ушли.

Вокруг сельского совета разыгралась кровавая трагедия. Среди коммунистов был партийный представитель из Боброва. У него был наган и он грозил наганом, но не стрелял, а когда он открыл окно и стал призывать восставших разойтись, его забросали снизу кирпичами и разбили голову. Потом восставшие ворвались на второй этаж в здание сельсовета и топорами и вилами убили всех бывших там коммунистов и активистов. Тогда были убиты 15 сельских коммунистов и активистов, агитировавших за создание колхозов. Все это произошло до 10 часов утра.

После расправы с коршевскими активистами восставшие двинулись по Большаку (название улицы) в соседнее село Шишовку. Из двора нашего дома была видна лента двигавшихся на Шишовку людей с топорами и вилами. Но там у восставших произошла «осечка». В Шишовке уже знали, что случилось в Коршеве. Туда, из соседнего села Чесменка, на лошадях прискакали коммунисты и активисты с охотничьими ружьями, и вместе с шишовскими вооруженными коммунистами они разогнали восставшую толпу, которая к вечеру в беспорядке вернулась в Коршево. В тот же день к вечеру в Коршево приехал из Боброва вооруженный винтовками и пулеметом отряд. Зачинщиков восстания арестовали. Главарь восстания бежал в поле, и

спрятался где-то под береговыми льдинами небольшой речки, которая летом местами пересыхала, но его нашли и там. Говорили, что его фамилия была Исаев, но он не был нашим родственником. Исаевых на селе было много. Других зачинщиков арестовали на дому и ночью увезли в Бобров. На том восстание и закончилось. Убитых коммунистов похоронили в центре села, на площади перед домом Суворина. С тех пор деловая жизнь в Коршеве фактически прекратилась – уже не было никаких ярмарок, а на площади, у памятника убитых коммунистов и активистов, стали проводить советские праздники.

Окраина села Коршево. Вид с улицы Самарки на колхозные поля (начало 70-х годов XX века).

Помню, в детстве, когда я выезжал с отцом из села в поле на телеге, запряженной лошадью, издали было видно, как позади дворов колыхались молочным цветом бесконечные сады. Но вскоре сады были вырублены. После коллективизации все сельские дворы обложили налогами. Налогом облагалась даже каждая яблоня в саду – и крестьяне вырубали сады. Налогом облагалась каждая овца, каждая курица. С каждой овцы полагалось сдавать шерсть в государство, сдавалась кожа зарезанной овцы и свиньи, сдавалось

определенное количество яиц с курицы. «Учет в период социализма решает все»! – говорил тов. Сталин. Все шло на индустриализацию страны.

Колхозы облагались планами сдачи урожая. Осенью тянулись обозы с зерном в Бобров. Во время уборки урожая некоторые женщины, чтобы дома накормить детей, набивали карманы своих юбок колосками ржи, пшеницы. Колхозные бригадиры ощупывали женщин, лезли под юбки и отбирали эти колоски. Одну из наших соседок, у которой не было мужа и было трое детей, осудили и посадили в тюрьму, а детей отдали на воспитание родственникам.

В колхозе работали за трудодни. После сдачи урожая государству и засыпки семенного фонда, остаток делили по трудодням. В хорошие урожайные годы некоторые дворы получали по несколько мешков ржи, пшеницы, проса, гороха, подсолнуха и жили неплохо. У кого трудодней было мало, получали мало из колхоза и кормились в основном за счет приусадебных участков со своих огородов, на которых выращивались картофель, кукуруза, помидоры, огурцы, лук, морковь... Участки были большими – по 15-20 соток. С этих огородов собирали достаточно для того, чтобы прожить год и еще вырастить одного-двух поросят, прокормить 2-3 десятка кур. В каждом дворе были корова, теленок, 10-15 овец. Лошадей, естественно, не было, они были колхозными.

В принципе, жить было можно, но трудно. Денег не было и заработать их можно было лишь продавая мясо, молоко, яйца, шерсть и другую продукцию, выращенную в своем домашнем хозяйстве. Все это скупалось либо государственными организациями, либо продавалось на колхозном рынке в Боброве.

Коллективный труд в колхозе (прополка, сенокос, уборка урожая), выезд женщин в поле на телегах сопровождался смехом, песнями, веселыми шутками – люди хотели жить по-человечески...

После длительного отсутствия в родном селе (после окончания Великой Отечественной войны, учебы в университете в Москве и работы в течение многих лет в Дубне) в 2006 году я посетил родное село Коршево. Оно стало

неузнаваемым. Остались редкие дома и торчали они из земли как редкие зубы во рту старухи. Мой родной дом (см. фото), как сказали соседи, был продан, разобран по бревнышку и увезен в Бобров – на его месте выросла

Вид на мой родной дом со стороны улицы Самарка (фото начала 70-х годов прошлого века).

крапива в рост человека. Вокруг памятника убитым коммунистам в центре села выросли большие деревья и кусты, и место это заросло высокой травой, но какое-то подобие памятника осталось.

Рядом с памятником стоит доска, на которой перечислены имена сельчан, погибших в Великой Отечественной войне. Среди этих имен есть имя моего дяди Исаева Ивана Тихоновича, сына Тихона Егоровича, погибшего в первой мировой войне. (У Ивана Тихоновича мы нашли приют во время «раскулачивания» нашей семьи).

Красивый дом Суворина совсем развалился, а сады у дома Суворина и во дворе моей школы вырублены. На их месте – пустыри, заросшие травой...

Удивительный символический финал сельского образа жизни моей ветви поколений Исаевых прозвучал крапивным аккордом на земле, на которой в течение более трех веков стояли дома-избы десятков семей Исаевых. Сегодня от них осталось лишь одно духовное наследие в образе деревянной

скульптуры – иконы «Распятие Иисуса Христа» в реставрируемой православной церкви села Коршево, скульптуры, созданной по велению сердца и души крестьянскими руками моего деда – Василия Егоровича Исаева, да пока еще не исчезнувшие два скромных памятника с фотографиями за железной оградой на могиле моих родителей на кладбище села Коршева с надписями:

Исаев Степан Васильевич

(20.07.1899 – 11.02.1980)

Исаева Марфа Андреевна

(20.06.1898 – 15.12.1974).

В годы Великой Отечественной войны я (и другие) защищал Россию, какой она была до 22 июня 1941 года.

Заключительные страницы этой главы пишутся с болью в сердце и слезами на глазах...

Суббота, 6 ноября 2010 г., 7 часов утра.

ГЛАВА 2

Родители

Удивительно, что о маме, вложившей в меня всю свою любовь и заботу вплоть до последнего вздоха своей жизни, мне почти нечего сказать. В детстве все было просто: «Петя! Оденься теплее...», «Я сварила тебе.., поешь...», «Я сделала для тебя...». Я не понимал важность этих слов, этой заботы. Я был отличником в школе, и мама гордилась мной. Она была неграмотной, понимала, что мало знает и, может быть, поэтому как-то отстранялась в этом смысле от меня, а я хотел много знать и тянулся к папе, который, по моим представлениям, знал все и отвечал на все мои вопросы. Мне интересно было быть с моими школьными друзьями-отличниками: Торопцевым Иваном Степановичем и Трофимовым Иваном Васильевичем,

И.В.Трофимов, 10.08.1947. Директор средней школы г.Калач Воронежской обл.

мы могли часами быть вместе, и нам не было скучно, нам всегда не хватало времени для общения. Они часто приходили к нам, папа и мама встречали их как родных детей.

Мама всегда была в домашних делах и семейных заботах. Папа был «лидером» в семье, а маму вполне устраивало ее положение жены, устраивала жизнь за «широкой спиной мужа», она была довольна судьбой и счастлива в своей семейной жизни. Ей завидовали соседки, и ей это льстило.

Папа был «двигателем» в семье – он это знал и хорошо это делал. Мама была хорошей исполнительницей, хорошим советником папы, умелым его критиком, и иногда подшучивала над ним. Мне кажется, что они искренне любили друг друга. Я не помню случая, когда бы они скандалили или ругались.

Папа был знаменит на все село, и считался образованным по сельским меркам: он с отличием окончил 2-х классную церковно-приходскую школу, в советское время закончил школу бухгалтеров, был замечательным гармонистом.

По сельским меркам наша семья была благополучной и по-средняцки обеспеченной.

Мама родилась 20 июня 1898 года. Ее отца (моего деда) Андрея Григорьевича Рыкова и ее мать (мою бабушку) Анну Ивановну Рыкову (в девичестве Шустову) я совсем не помню. Мама рассказывала, как через два года после свадьбы, которую отпраздновали 31 октября 1917 года, папа был призван в Красную Армию, и она ходила с другими молодыми женами пешком в Задонск, чтобы повидаться со своими мужьями. Папа позднее удивлялся, как они, неграмотные, смогли дойти пешком из Коршева до Задонска и не заблудиться – напрямую от Коршева до Воронежа около ста километров, и от Воронежа до Задонска еще километров 150. В Гражданской войне папа принимал участие 3 года – с октября 1919 г. по октябрь 1922 года. Был стрелком в составе 35-ого стрелкового полка. О гражданской войне он рассказывал мало и неохотно и не любил, когда его о ней расспрашивали.

В архиве папы я нашел «Справку», выданную ему 8 июня 1933 года Коршевским с/советом, Бобровского р-на, ЦЧО¹⁶: *«Дана сия гр-ну с.Коршево, Бобровского р-на, ЦЧО Исаеву Степану Васильевичу в том, что он по социальному положению колхозник-крестьянин, по имущественному положению середняк, избирательных прав не лишен, твердо не облагался.*

¹⁶ ЦЧО – Центрально-черноземная область, в которую входили сегодняшние Воронежская, Липецкая, Тамбовская, Курская и Белгородская области.

Выдана на предмет представления в колхоз Плоды или в колхоз Победа Октября, что Коршевский с/совет удостоверяет».

Печать.

Подписи: Председатель с/совета

Секретарь.

А уже в зимний период 1933-1934 гг., моего отца «раскулачили» и посадили в бобровскую районную тюрьму на 4 месяца, а маму с двумя маленькими детьми (мне было 10 лет, а брату Сереже – 2 года) выселили из нашего дома на улице Самарка. Нас приютил Иван Тихонович, двоюродный брат папы, который жил на «задней» улице, параллельной Самарке, в стареньком саманном домике. Я тогда ничего не понимал в политике «классовой борьбы» с кулачеством на селе.

Кулаком папу объявили из-за того, что в период НЭПа он выписал лес для постройки двух домов, построил эти два дома, и покрыл один из них не соломой, как обычно покрывались все дома на селе, а железными листами. В доме, крытым железом, как я уже писал выше, поселилась семья папы, а в другом, крытом соломой, – семья его младшего брата Дмитрия с женой и ребенком. (Средний брат папы, Иван, к этому времени уже уехал с семьей в Сибирь, в район Барабинска).

Мой отец С.В.Исаев, 1937 г.

Через пять домов от нас, на нашей же стороне улицы по направлению к центру села, жил почти что в землянке, местный активист – Пастухов. Он-то и написал донос в Бобров, по которому папу арестовали, посадили в тюрьму, нас «выгнали» из дома, а в наш дом вселилась семья доносчика Пастухова, жившая до этого в полуразвалившейся маленькой хатенке. Через три месяца следователь, приехавший из Москвы в Бобров, разбираясь с массовыми арестами «врагов Советской власти на селе», не усмотрел «кулака» в моем отце, освободил его из тюрьмы, и мы вернулись в свой дом, а доносчик – Пастухов вернулся в свою разбитую хатенку. В эти зимние месяцы без отца, я ходил в школу, а что делала мама, чтобы прокормить нас, пока мы жили у Ивана Тихоновича, я не помню. Я не помню, чтобы у меня были тогда какие-то неудобства, кроме тесноты в домике Ивана Тихоновича. Мама и наши родственники избавили нас, детей, от всех проблем.

По-настоящему трудные дни для мамы настали в годы Великой Отечественной войны. Папа был призван в армию в декабре 1941 года, ему было 42 года (он родился в 1899 году). Военную присягу принял 20 февраля 1942 года. С 28 января по 20 марта 1942 года он находился в составе 43 запасного стрелкового полка в звании красноармейца. С 20 марта по 24 апреля 1942 года находился в составе 51-ой стрелковой бригады, которая 24.04.1942 г. была переформирована в 119 стрелковую дивизию (сд). 24 апреля 1942 г. папа был переведен в 4-ый отдел штаба 119 сд. Видимо, в штабе дивизии у него появилась возможность хранить письма из дома от мамы и от меня в боевых условиях фронтовой жизни. Хотя хранение такой переписки категорически запрещалось.

Первое из сохранившихся писем датировано 10 августа 1943 года. Мой брат Сережа (ему тогда было уже 11 лет) под диктовку мамы писал:

«Дорогой Стеша!

(я сохраняю полностью стиль и ошибки письма)

Мы живы и здоровы, ты пока об нас не беспокойся, мы были очень рады о том, что ты послал нам деньги первый раз 150 рублей, а второй раз 300

Дуся продала дом еще в ноябре, сын был и говорил, что выхлопотал там ей одну комнату, не далеко от него. Обещался к Новому году забрать, потом пишет до марта, а теперь пишет в апреле заберет, но она пока живет в своем доме. А хозяева ее ходят, беспокоют, время выбираться из него, весна не за горами, а вот ее никак не заберут. Но деньги за дом у нее пока.

За тем до свидания. Постарайтесь, пожалуйста...».

В июле 2007 г., через четверть века, после смерти папы, мне удалось побывать в Коршево, на «своей родине». Жуткое впечатление произвело на меня некогда цветущее село. Дома на селе стояли поодиночке и в беспорядке, как зубы в выщербленном рту старухи, садов не осталось.

Место, где стоял дом, мой и моего папы, было пустым, заросшим густой крапивой. Дом был продан и перевезен в г. Бобров.

На кладбище мне с трудом удалось найти могилу папы и мамы – два часа искал. Кладбище заросло крупными высокими деревьями и трудно проходимым густым кустарником. Но могила папы и мамы, с памятниками и фотографиями, сохранилась хорошо.

Очень хочется съездить на их могилу еще раз. Не знаю почему, но меня туда тянет. Но где теперь моя «родина», «родной дом»? Эти понятия заменены в моей голове картиной, **на которой густая**, в рост человека, **крапива, выросшая** на том месте, где когда-то был мой дом, где жила моя семья, где остались мое детство, отрочество и юность.

ГЛАВА 3

МЫ ЗАЩИЩАЛИ РОДИНУ

Предисловие

Я был свидетелем всего, о чем написано в этой книге. В книге нет вымысла. Но это – не автобиография. Это – фронтовая солдатская жизнь, какой я жил сам и какую видел вокруг себя. За давностью лет могли позабыться очень важные детали, факты и впечатления. Но многое я вижу, слышу, ощущаю и теперь так же ясно, как будто это происходило совсем недавно: голоса и тембры голосов людей, шелест снарядов и визг приближающейся мины, звуки разрядов и сернистый запах пороха, краски и прелые запахи осеннего леса, краски вечерней зари, температура воздуха, ощущение тепла от костра, разложенного на снегу в еловом лесу... Я вижу упирающееся в меня дуло фашистского «Фердинанда» в бою под Лебединым, вижу блеск, вспышку огня от выстрела, слышу звенящий звук направленной в меня, приближающейся ко мне «болванки», ощущаю град осыпавшихся на меня комьев земли, и снова переживаю свое возвращение к жизни!..

Очень многого я не помню. Я не помню, когда впервые надел солдатские погоны (они были введены 6 января 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР), за годы войны со мною рядом жили и воевали сотни солдат, десятки командиров, но я в лучшем случае могу вспомнить сейчас лишь десяток фамилий.

Я не помню (а то и просто не знал) названий сел, деревень и других мест, где воевал или проходил без боя – их были сотни! Озеро Велье, река Ловать, Старая Руса... - названия, оставшиеся в памяти с зимы 1942-1943 гг. Я помню, что стоял в обороне на озере Велье, я помню, что вышел с боями к реке Ловать, что где-то близко была Старая Русса. Но я не могу сказать, были ли те бои, в которых принимал участие, боями за освобождение Старой Руссы или мы должны были бы где-то форсировать Ловать... Либо я забыл

боевую задачу, либо я ее просто не знал! Солдаты многого не знали, а дневники вести нам запрещали.

Теперь, спустя более шестидесяти лет, я могу в кабинетной тиши читать мемуары выдающихся полководцев, переписку Сталина с Рузвельтом и Черчилем, шеститомную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза в 1941-1945 гг.», другие военно-исторические сочинения, могу попытаться приблизительно угадать, в составе какой армии или, в лучшем случае, какого корпуса я воевал (про дивизию или полк почти нигде не пишут!). Из мемуаров и исторической военной литературы видно, как часто менялся состав армий и корпусов, можно понять, как часто дивизию, в которой я состоял, переводили из одной армии в другую, из состава одного фронта в состав другого, как часто из резерва вводили в бой, а из боя выводили в резерв или на отдых и пополнение.

В мемуарах и исторической военной литературе я с трудом угадываю места боев, участником которых был, начиная с осени 1942 г., боев, из которых складывались великие исторические события. Контрнаступление на Курской дуге, форсирование Днепра, защита Киева в ноябре 1943 г., возвращение к государственной границе Родины, форсирование Вислы, Сандомирский плацдарм, бои за Губен и Коттбус, форсирование Одера и Нейссе, бои под Берлином, поход к Праге – вот те крупные военные события, участником и творцом которых пришлось стать мне молодому (осенью 1942 года мне было 18 лет) юноше из воронежской деревни.

Часто сантиметры отделяли жизнь от смерти, сотни, тысячи солдат рядом со мной или в окрестности, которую я мог окинуть взглядом, погибали или оставались на поле боя искалеченными. Кто они? Я не знал их имен и фамилий, но я **до сих пор** помню их застывшие, неестественные позы, **страшные в своей реальности. Для меня они герои и мученики, погибшие во имя будущих поколений!**

Боже, какие гадости о них сегодня пишут саморекламируемые писатели или делают фильмы **отдельные** кинематографисты. Это о них Иван Бунин писал:

Родина

Они глумятся над тобою.

Они, о Родина, корят

Тебя твоею простотою

Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,

Стыдится матери своей –

Усталой, робкой и печальной

Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой сострадания

На ту, кто сотни верст брела

И для него ко дню свиданья,

Последний грошик берегла.

Часть фамилий тех, кто погиб, осталась в надписях на памятниках и надгробных одиночных и братских могил. Могил многих героев мы уже никогда не найдем. Оставшиеся в живых после войны солдаты теперь умирают дома и в больницах, и на их могилах никто уже не пишет, что они защищали Родину с оружием в руках. Только иногда по датам рождения и смерти человека, написанных нестойкими красками на могильном кресте, можно догадаться о том, что этот человек мог участвовать в боях Великой Отечественной!

Герои-солдаты уходят в вечность. Слава тем, кто пал в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Народ свято чтит память о своих героях, но никогда героический подвиг отдельного воина или труженика не создавал величие Родины. Величие

Родины создавалось массовым героизмом и напряженным трудом миллионов людей, сконцентрированным в определенный исторический отрезок времени.

История Великой Отечественной войны – это история массового подвига всех советских людей на фронте и в тылу, в Ставке Верховного Командования и на переднем крае, на заводе у станка и на колхозном поле.

Рассматривая в мемуарах выдающихся полководцев схемы боевых действий Красной Армии против немецко-фашистских полчищ, начинаешь со всей полнотой чувств переживать заново те события, участником которых пришлось стать в те незабываемые дни.

Можно понять гордость полководца, по замыслу которого был осуществлен прорыв фронта противника, можно понять нетерпение Верховного в связи с тем, что войска 13-й армии замедлили движение вперед и что нужно как можно быстрее форсировать Вислу в районе Сандомира, можно понять донесение в Генеральный штаб о том, что «войска несут большие потери и без подкрепления не могут решить в срок поставленной задачи».

Но кто возьмет на себя смелость описать переживания солдата, поднявшегося из окопа с противотанковой гранатой в руке на смертельный поединок с фашистским танком? Кто возьмет на себя смелость передать чувства артиллериста, который через ствол орудия ищет цель, загоняет снаряд в казенную часть орудия, и этим последним снарядом останавливает бронированное чудовище у своих ног?

Кто возьмет на себя смелость рассказать нам о мыслях солдата, который на маленьком плоту, сколоченном из полугнилых бревнышек, начал форсировать Днепр, не умея плавать, который в ста метрах от вражеского берега был обнаружен немцами, освещен ракетами и на которого обрушился град пуль и ураган артиллерийско-минометного огня?

И кто же был этим солдатом? Тот восемнадцатилетний юноша из воронежской, ярославской, черниговской, ... деревни, не выдавший любви?

Или молодой мужчина с уральского завода, у которого дома осталась жена с двумя маленькими детьми, еще не ходившими в школу и не помнившими лицо своего папы? Или молодой студент из консерватории, которому профессора прочили блестящее музыкальное будущее?

Кто он, этот безымянный солдат, возложивший на себя всю полноту ответственности за судьбу Родины, когда степень ответственности измеряется жизнью?

Генерал в случае неудачи может быть понижен в должности, разжалован и лишь в исключительном случае погибнет в бою или будет отдан под суд военного трибунала и расстрелян. Солдат в неудачном бою бывает убит или ранен и, только в исключительном случае, остается жив! А ведь жизнь у всех одна...

Только теперь, когда есть возможность проследить по военно-исторической литературе путь солдата и сопоставить его личному подвигу крупномасштабные выигранные или проигранные военные сражения, только после этого солдатская жизнь и его жертвенные подвиги возвышаются до огромной общечеловеческой, общегосударственной значимости! Становится ясно, что замысел Верховного или замысел командующего фронтом был бы абсолютной бессмыслицей, если бы не было рядового воина, способного пойти на смерть ради выполнения этих замыслов!

Только тогда, когда генерал и солдат живут одними стремлениями, одними желаниями, одними мыслями, только тогда они или вместе победят или вместе погибнут. В Великой Отечественной войне мы вместе победили!

Жизнь простого солдата на фронте не менее богата по содержанию, чем жизнь генерала – ибо он, солдат, не только реализует замыслы высшего командования, но и, как правило, понимает высший смысл целей, ради которых идет в бой. И поэтому рядовой воин имеет право на мемуарную литературу не в меньшей степени, чем генерал. И солдатская мемуарная литература может быть так же захватывающей и содержательной, как и воспоминания крупных генералов и полководцев.

Фронтовая жизнь солдата, полная тревог, лишений, веры в правое дело, героизма и величия, должна быть достойна не только могильных памятников, но и светлых литературных памятников. Настоящая книга и есть попытка создать светлый мемуарный, причем не только автобиографический, но и собирательный, литературный памятник, посвященный правдивому описанию солдатской жизни времен Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В заключение этого Предисловия хочу подчеркнуть, что я не смог бы так полно и достоверно описать свой воинский путь в годы Великой Отечественной войны, если бы не большая работа моего сына Алексея, проведшего значительное время у компьютера в поисках в интернете архивных и исторических материалов о пути тех воинских подразделений, в которых мне непрерывно пришлось служить с момента моего призыва в Красную Армию осенью 1942 г. и до победных весенних дней 1945 г.

1. Как начиналась война

«...В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и Наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

- Надо срочно позвонить в германское посольство. Принять посла было поручено В.М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков Северо-Западного и Западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

- Германское правительство объявило нам войну.

И.В.Сталин опустился на стуле и глубоко задумался. Наступила тяжелая пауза...»³⁹

«... В 12 часов дня 22 июня Советское правительство обратилось к народу по радио с заявлением, в котором были изложены обстоятельства вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз...»⁴⁰

22 июня 1941 года...

Этот день все дальше уходит в историю. Уже больше половины населения моей Родины родились после 22-го июня 1941 года и не знают, каким был этот день для тех, кто навсегда ушел. Но среди тех, кто остался жив, тех, кому в этот день было больше семнадцати, вы не найдете ни одного человека, кто не рассказал бы вам, каким он был утром и каким он стал к вечеру.

В субботу 21 июня 1941 года (мне недавно исполнилось семнадцать лет) я принимал участие в выпускном вечере Битюгской средней школы по случаю окончания 10-го класса. Я получил аттестат отличника и передо мной открылись необозримые горизонты. Советская власть, которая в 1941 году была почти ровесницей семнадцатилетних, вырастила молодых людей в духе высокого патриотизма, любви к Родине, партии, закрепила веру в непогрешимость Сталина, веру в могущество нашего первого в мире социалистического государства, веру в возможность достичь всего, что может пожелать молодой энергичный человек. Молодежь наивно верила в мир и социальную справедливость. Молодежь верила Сталину и Климу Ворошилову. «... Нам не надо чужой земли, но и своей земли, ни пяди своей земли мы никогда и никому не отдадим»; «...если враг нападет на нас, то мы будем бить врага на той территории, откуда он пришел» – с такими лозунгами мы начинали свою жизнь и знали эти лозунги наизусть.

³⁹ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во АПН, Москва, 1969, с.248.

⁴⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.». Москва, 1961, т.2, с.20.

Со страниц газет, журналов, с полотен киноэкранов на нас смотрели смелые, энергичные, решительные командиры и солдаты – пехотинцы и летчики, моряки и танкисты.

Мое родное очень большое село Коршево⁴¹, расположенное в центре Воронежской области, привольно раскинулось на богатом черноземе на семь километров вдоль высокого берега спокойной и удивительно прозрачной реки Битюг, притока Дона. В водах реки в знойный летний день как в зеркале отражалась бархатная зелень лесов, стеной стоявших вдоль обоих берегов этой изумительно красивой речки. В этих лесах, сказочно красиво, чистыми голосами, куковали кукушки, а деревья росли так, что их корни торчали из берегов, повисая над водами Битюга, и на эти корни садились у самой воды изумрудные птицы с длинными носиками (мы называли их рыбаками), выслеживая неосторожную уклею, резвившуюся у поверхности теплой-теплой прозрачной воды, сквозь которую до самого песчаного дна просматривались темно-зеленые водоросли и усатые, бесцветные, как сама вода, пескари. А иногда на коряжистые пни, торчащие из воды, выползали погреться на солнце маленькие пресноводные черепашки — увидеть их было большой удачей. Так вот, в этом сказочном месте, в нашем селе, люди в последнее время часто говорили «о войне с немцем», с которым многие жители села воевали еще в 1914-1918 гг., но говорили об этом как-то вяло, так, что не верилось, что война может прийти сюда и коснуться своим ледяным дыханием этого красивого, теплого, редкого места Земли!

Колхозники говорили, что ежедневно через станцию Бобров, расположенную в десяти километрах от села, проходят эшелоны с войсками с востока на запад – и это тревожило людей. Война шла в Западной Европе и вплотную подошла к границам нашей Родины. Но Сталин заверял народ, что мы не допустим войны, что если капиталисты развяжут войну против Советского государства, то она будет для них последней, ибо рабочий класс

⁴¹ Мой папа, тоже участник Великой Отечественной войны (я похоронил его в родном селе в феврале 1980 года), говорил мне, что село отличается от деревни тем, что в селе есть церковь, а в деревне – нет. Может быть отсюда пошла поговорка: «Эх ты, деревня!» (т.е. у вас нет даже церкви).

капиталистических государств не будет сидеть сложа руки, а поднимется на революцию в защиту первой в мире страны социализма и вместе с доблестными войсками Красной Армии сметет с лица Земли всю капиталистическую нечисть.

Недавнее заявление Советского правительства, неожиданно для всех опубликованное в газетах на самых видных местах, подчеркивало мирные намерения Советского государства и волю нашей Родины строго выполнять все обязательства, принятые нами по договору с фашистской Германией.

- Возим этому ироду хлебушек, а он запасется нашим хлебом да и пойдет на нас... - говорил пожилой колхозник, доставая кисет и сворачивая самокрутку.

- Умник какой нашелся! – возражал ему кто-нибудь. – Что ж, по-твоему, Сталин этого не понимает?!

- Понимать-то понимает, - не унимался первый скептик. – Только веры Гитлеру нет никакой...

- Это-то верно, - соглашался с ним второй, прикуривая от самокрутки первого свою сигарку.

Я знал об этих разговорах, слышал сам их часто. «Ну и пусть Гитлер попробует! – думал я про себя. – Наши его так долбанут, что он не опомнится до самого Берлина», и вспоминал Егора Чеботарева, который в составе боевых частей Красной Армии помогал воссоединению Западной Украины с нашей Украиной и рассказывал, как в 1939 году танковые и пехотные части немцев попробовали, якобы «по ошибке приняли нас за поляков», напасть на регулярные части Красной Армии. Егор красочно описывал как развернутые в боевом порядке бронетанковые и пехотные части Красной Армии наголову разгромили немцев и гнали их километров тридцать по польской земле до тех пор, пока те не подали опознавательные знаки немецко-фашистской армии. На селе знали, что Егор любит похвастаться тем, чего не было, но все верили ему. Мне хотелось самому скорее пойти в армию. Но увы,... мне еще

было слишком мало лет – только семнадцать! Не берут таких молодых в армию. Да и со зрением у меня было не все в порядке – школьная близорукость «минус два» на оба глаза, хотя очков я не носил – откуда в деревне взять их, эти очки? У меня оставалась одна дорога – в университет, на физико-математический факультет. Учителя средней школы убедили меня в том, что у меня большие способности к физике и математике, и теперь я мечтал об учебе в Воронежском университете – о Московском и не помышлял, ибо Москва казалась бесконечно далекой, недостижимой даже в мыслях для сельского паренька, отец, дед, прадед, прапрадед... которого жили в одном и том же селе и были всегда привязаны к своей Земле!

Выпускной 10-ый класс Битюгской средней школы, май 1941 года. Учителя сидят во втором ряду, четвертая справа - учитель истории Дарья Иосифовна Калачева. Стоит 3-ий слева – Исаев П.С.

А Воронежский университет рядом, мой дед, Василий Егорович, ходил в Воронеж пешком. Ходок он был отменный: летом выходил из дома рано утром и с заходом солнца приходил в Воронеж – расстояние напрямую было не менее девяноста километров. Как только я получу аттестат на руки, сразу же поеду в Воронеж, и это будет моя первая самостоятельная поездка в большой город!

С этими мыслями я лег спать в субботу 21 июня. С ними я проснулся в воскресенье 22 июня 1941 года. Раннее утро было изумительным: яркое, светлое, солнечное, тихое, небо было удивительно чистым и голубым, в открытое окно дома заглядывали кусты сирени, а во дворе неистово чирикали воробьи. Сегодня мать не пошла в колхоз на работу, она до рассвета, как всегда, подоила корову, отогнала ее в стадо, напекла блинов со сметаной, накормила отца, ушедшего на работу с раннего утра, и сейчас работала на нашем огороде. Женщины-колхозницы – это великие труженицы, на которых держались тогда и крестьянские семьи, и колхозы и Советская власть на селе. Мать любила меня, немного баловала, гордилась тем, что сын у нее отличник. Но я был не только отличником – много помогал матери по дому, занимался с двенадцатилетним братишкой – Сережей и совсем маленькой сестренкой – Шурой, много работал на огороде. Мой отец был главным бухгалтером МТС и пользовался большим уважением на селе.

Еще вчера вечером я договорился со своими друзьями сегодня с утра идти на Битюг купаться. Около девяти утра за мной зашли друзья, и мы веселой стайкой в пять человек пошли на речку – селом надо было пройти свыше двух километров. На берегу реки к нам присоединились еще несколько ребят с лодками-долбленками, и маленькая флотилия из четырех лодок с гомоном и шутками направилась к любимому месту купания – к бухточке подковообразной формы, по краям которой росли две высокие ольхи, так наклоненные над рекой, что с их нижних и верхних сучьев удобно было прыгать в воду с любой высоты – и вниз головой, и вниз ногами. Место здесь было глубокое, бухточка усыпана мелким, чистым бело-желтым песочком, солнце жаркое, вода теплая, бархатная, а кругом летают бабочки и стрекозы, в лесу кукуют кукушки, над самой водой стремительно носятся ласточки и стрижи.

Река Битюг в районе с. Коршево. Лодка-долблёнка.

Около трех часов дня стали собираться домой. Солнце нещадно палило сверху, на голубом небе – ни облачка, река застыла, тонкие стрекозы, расправив бирюзовые слюдяные, сверкающие крылышки, сидели на зеленой осоке, росшей вдоль берегов реки, жаркий день начал медленно клониться к вечеру. Утренний молодежный гомон затих, уступил место спокойному разговору.

- Куда махнешь – в Воронеж? –спросили меня.

- А ты знаешь, какие документы надо подавать вместе с заявлением?

- А какие планы у тебя, Вася?

- Я думаю поступить в военное училище...

- Во, дает! Что же ты раньше не сказал мне? Я бы тоже с тобой пошел...

В то время учеба в военных училищах влекла к себе молодежь с неодолимой силой.

- А ты куда, Коля?

- Я, наверное, дома останусь... Мать больная, тяжело ей. Пойду в колхоз – тут тоже работники нужны...

- Ну и правильно, Коля! Эти интеллигентики и офицерики еще приедут к тебе сало есть...

Все дружно рассмеялись.

По дороге от реки к дому вышли к центру села. Здесь, в деревянной ограде стоял невысокий деревянный памятник четырнадцати коммунистам и сельским активистам, зверски убитым во время кулацкого восстания в селе 26 марта 1930 года. Отец раза два говорил мне, проходя мимо того памятника, что он должен был бы лежать в могиле пятнадцатым, но счастливая случайность спасла его от смерти.

От того памятника отделился мужчина в военной гимнастерке и качающейся походкой крепко выпившего человека пошел навстречу молодым ребятам. Это был наш учитель по военному делу – Ляпин Михаил Николаевич. Для нас эта встреча показалась дикой – Михаила Николаевича мы никогда не видели не только пьяным, но даже слегка выпившим.

- Гуляете? Веселитесь?.. – издали произнес учитель. – Вы извините меня за то, что я перед вами стою пьяным, - произнес он, подойдя вплотную к нам. – Вы ничего не знаете? Вы с реки? Германия объявила нам войну! Посмотрите вокруг...

Это было страшное известие. Только теперь мы увидели тревожные кучки людей на улицах. Отчаянно весело играла гармошка и плясал молодой колхозник.

- Теперь и этих заберут, - услышал я голос одной из колхозниц, рядом с которыми нас остановил учитель.

- Поубивают всех наших ребяток, - добавила другая.

- Давай, режь, Костя, - кричал плясун гармонисту и неистово топтал землю сапогами...

День из радостного, ясного, тихого мгновенно превратился в злой, тревожный, напряженный до предела, с красноватыми бликами приближающегося вечера... Так для меня началась Великая Отечественная война.

Может быть, на К.Симонова этот день и не произвел большого впечатления⁴². Симонов был известным и влиятельным человеком, жизнь его была насыщена большими событиями, и начало войны в ряду этих событий могло не произвести на него впечатления страшного грядущего. Он много знал, мог давно догадываться о приближающейся войне, привыкнуть к этой мысли, и вероломное нападение фашистской Германии для него не было столь неожиданным и поэтому не потрясло его. В частности, обыденное внешнее поведение окружающих его людей, могло явно не соответствовать крушению их замыслов и их внутренним переменам. Но сельского юношу, воспитанного на идеалах революции, справедливости, честности и добра, верившего искренне, как и многие миллионы простых людей нашей Родины, Сталину, нападение фашистской Германии на нашу страну потрясло страшно, до основания, перевернуло весь духовный мир. В сознание молодого юноши война вошла как величайшее несчастье, нахлынувшее на родную Землю. И первым его желанием было желание немедленно пойти на фронт и разгромить фашистов.

Но все случилось иначе. С фронтов приходили известия, одно тяжелее другого, совершенно не укладывавшиеся в сложившиеся ранее представления. Потянулись тяжелые, однообразные дни, наполненные работой в колхозе, ощущением постоянной тревоги и беспомощности, наполненные надеждой на скорую победу Советской Армии. Задержка немецкого наступления на 2-3 дня будоражила мое воображение и рисовала в измученном мозгу сцены подготовки наступления наших войск. Но проходили дни, и под ударами превосходящих сил противника наша армия вновь начинала отступать. «Где же наши танки? Где наша авиация?» - спрашивал я себя. Стали приходять «похоронки». Женщины, изматываясь, с потрясающей безысходностью, голосили по убитым мужьям, сыновьям, братьям, отцам, родным и близким и выворачивали душу наизнанку у тех, кто слышал этот плач. Ничего подобного раньше на селе не было.

⁴² К.Симонов. Собрание сочинений в 2-х томах, т.8 «Разные дни войны».

В первые дни войны я со своими ребятами ходил в Бобровский райвоенкомат, чтобы заявить о своем желании пойти добровольцами на фронт. Измученный военком, с почерневшим лицом и лихорадочным взглядом, вышел во двор к толпе юношей и сказал: «Вот что, ребята, чтобы через пять минут вашего духа тут не было – вы мешаете работать! У нас есть кому воевать и без вас. А вас еще надо учить и учить...».

- Вот и пошлите нас в военные училища ... - хором закричали ребята.

- Там и без вас хватает кому учиться... Шагом марш по домам и давайте ударно трудиться в своих колхозах! Когда надо – позовем, никого не забудем... А теперь – быстро по домам... Ну, кому я сказал? Марш, марш отсюда...

Съездил я в Воронежский университет и был очень удивлен, с каким вниманием, даже с радостью у меня приняли документы. Мне пообещали прислать вызов на учебу, и я уехал домой.

В начале августа я получил извещение из Воронежского университета о том, что я зачислен студентом на 1-й курс физико-математического факультета. Но к тому времени я решил, что не могу уехать из семьи и должен взять документы обратно. Приехал в Воронеж. Город жил тревожной жизнью военного времени гораздо заметнее, чем село. Я приехал с твердым намерением получить в канцелярии университета документы обратно. Однако это оказалось очень трудным делом. Воронежский университет эвакуировался, кажется, в Ташкент, студентов было очень, очень мало. Мое заявление ценилось «на вес золота», и мне никак не хотели возвращать документы и говорили, что надо обязательно ехать в Ташкент и учиться. Наверное, именно так и надо было поступить. Но я решил по-своему, и в конце концов моя настойчивость победила. Лишь на второй день я получил свое заявление обратно и вернулся в родное Коршево.

Вскоре на селе остались лишь женщины, старики и молодые ребята моложе восемнадцати лет. В декабре 1941 г. призвали в армию и папу. Теперь я стал в семье старшим и работал с утра до вечера...

Однажды вечером ко мне прибежала дочка председателя колхоза – Ерохина Катя. Она меня знала, потому что мы учились вместе в одном классе. Она принесла записку от своего отца: «Завтра в семь утра зайди ко мне в правление». Село Коршево было огромным, и в нем до войны было девять колхозов. В одном из колхозов председателем был Ерохин Никита Иванович, старый приятель моего отца, вместе с которым они воевали против Колчака в гражданскую войну.

- А зачем меня вызывает Никита Иванович? – спросил я.

- Не знаю... Придешь – узнаешь – и Катя, сверкнув улыбкой, исчезла.

Рано утром я пришел в правление колхоза. Никита Иванович, окруженный со всех сторон женщинами с раскрасневшимися недовольными лицами, сидел злой и не выспавшийся. Воспользовавшись моим неожиданным для женщин появлением, он сказал по-простецки:

- Ну, все, все, бабоньки. Давайте расходитесь по делам... Поговорили и хватит. Сами видите – мужиков нет, лошадей нет, план большой. Хлеб надо дать Родине, как можно больше хлеба... Нашим же мужчинам на войне...

- А чем детей кормить будем? Чем скотину кормить? Что остается на семена? – наперебой заговорили женщины.

- Я сказал – все, значит, все! Идите работать. Немец нас ждать не будет! Когда женщины вышли, Никита Иванович, обращаясь ко мне, сказал:

- Устал я... Женщины меня упрекают за то, что их мужья на фронте, а я – здоровый мужчина – околачиваюсь здесь в тылу, я не могу смотреть им в глаза. Райком партии ругает за то, что медленно идет уборочная, не выполняется план поставки хлеба государству, что колхоз сверх плана собирает дать меньше, чем хотелось бы, что медленно идет зяблевая пахота... Дома жена пилит, что совсем отбился от семьи, ничего по дому не делаю... Пошел в военкомат, говорю: «Берите меня на фронт, я еще с Колчаком воевал, устанавливал Советскую власть на селе. Я готов отдать

жизнь за Советскую власть!» А мне говорят, что у тебя – бронь, и твоя жизнь нужна здесь, в колхозе. Здесь ее и отдавай...

Я почувствовал, что Никите Ивановичу, действительно, очень трудно, и готов был сделать для него сейчас все, о чем бы председатель меня ни попросил.

- Я тебя вызвал вот зачем. Ты ведь школу кончил на «отлично»? Твой отец работал в МТС главным бухгалтером, и ты знаешь, что такое «дебет», «кредит»?

- Да, - улыбнулся я в ответ. – Папа мне говорил: «Дебет» - должен, «кредит» - имеет. Я еще знаю, что такое «сальдо».

- А разноской документов по счетам ты, случаем, не занимался?

- Папа давал мне эту работу раза два, но это сложно. Надо много знать, - я еще не чувствовал, что от меня хотел Никита Иванович и не догадывался, что судьба моя на ближайшие несколько месяцев уже решена.

- Ну, вот что, Петя, - удовлетворенно произнес Никита Иванович. – Я назначаю тебя счетоводом колхоза.

Это решение ошеломило меня. Я вскочил и горячо и взволнованно заговорил:

- Да вы что, Никита Иванович! Я же ничего не знаю. Я не буду счетоводом. Я ничего не умею делать. Чем назначать меня счетоводом, лучше пошлите меня на самую тяжелую работу в колхоз, а счетоводом назначьте свою дочку – Катю...

Тут уже взорвался Никита Иванович:

- Это Катюку надо посылать на самую тяжелую работу: коров доить, косить, пахать. Вымахала вон какая здоровая, а ума не набралась. Сколько раз ей говорил, чтоб училась, все условия ей были созданы. А она – с тройки на четверку... Да ты подумал, что говоришь? Она же сразу все запутает, под суд меня подведет...

- Я тоже все запорю и под суд подведу...

- Я тебе «запорю», я тебе «подведу под суд»! – снова вспыхнул Ерохин. – Если бы тебя сейчас услышал твой отец, он тебе никогда не простил бы этих слов. И потом спросил:

- Ты комсомолец?

- Да, - ответил я.

- А я – коммунист! И вот как коммунист приказываю тебе, комсомольцу, по партийной и комсомольской линии – садись и работай счетоводом! И чтоб был у меня лучшим в районе счетоводом. Все... Мне некогда с тобой разговаривать...

Он достал ключ из кармана, открыл шкаф, достал большую пачку документов, накопившихся за последние три-четыре недели, положил их на стол, сказал коротко: «Садись, разбирайся и работай – а я пошел», хлопнул дверью и ушел. Я со злостью посмотрел на бумаги, на мутное оконце, сквозь которое светило раннее утреннее осенне-зимнее солнышко 1941 года, на поблекшие, давно некрашенные стены маленького колхозного правления и, сделав глубокий вздох, сел за стол и стал копаться в документах...

Большая радость пришла в село в первых числах декабря, когда наши войска разгромили немцев под Москвой. Впервые за всю войну народ вздохнул легко, полной грудью и с верой в окончательную победу над фашистами. В эти декабрьские дни судьба столкнула меня с деревенским священником. Церковь не работала, но все знали, что он был когда-то сельским попом. Зачем ему надо было зайти в правление колхоза – сейчас вспомнить трудно. Но этот высокий, благообразный старик с замечательной бородой и редкими седыми волосами на голове, сквозь которые легко просматривалась чистая розовая кожа головы, с умными, внимательными глазами сразу приковал к себе мое внимание. Одет он был в гражданское, но облик священника проступал у него слишком явно. Священник вызывал к себе огромное доверие.

- Добрый день, юноша, а где Никита Иванович? Скоро ли будет в правлении?

Меня поразила мягкая, человеческая манера обращения ко мне. Я впервые в жизни так близко встретился с местным духовником. Нет, нет, я, конечно, видел его раньше издали, но вот так, чтобы священник обращался ко мне с вопросом, на который хотелось ответить хорошо – этого не было никогда. Мой отец, который в детстве (в 1911-1912 гг.), пел дискантом в церковном хоре, потом, после революции, стал «безбожником» и это безбожие привил и мне. Я предосудительно относился к служителям церкви. И вот – первая уникальная в моей жизни встреча.

- Я не знаю, где он, не знаю, когда он придет в правление, - ответил я.

Несмотря на воспитанную во мне неприязнь к служителям религии, я не мог побороть в себе желание ответить вежливостью на мягкое обращение священника.

- Жаль, жаль... А вы давно здесь работаете?

- Пару месяцев...

И вдруг мне захотелось узнать, что думает этот благообразный старец о войне, о Родине, и я обратился к нему с вопросом, который прозвучал неловко и грубо:

- Скажите, пожалуйста, за кого сейчас стоят попы – за нас или за Гитлера? Священник, который до этого вопроса молча стоял и рассматривал патриотические плакаты, развешанные на стенах правления, спокойно повернул ко мне лицо, присел на скрипящую табуретку и потом спокойно ответил:

- Не попы, молодой человек, а священники... Русская православная церковь всегда защищала интересы России...

- Почему вы говорите – «России»? Вы ведь знаете, что у нас Союз Советских Социалистических Республик! И потому надо говорить о стране в целом и защите социалистического строя...

- Это я знаю, - мягко возразил священник. – Когда вы станете старше, мудрее, будете понимать больше, тогда вы будете вкладывать больше смысла в свои слова и лучше поймете мой сегодняшний ответ...

Этот уклончивый ответ меня не удовлетворил и я снова спросил:

- А скажите, вы верите в нашу победу?

Для меня, конечно, ответ был однозначен. И я ждал от священника вполне определенный ответ: раз он за Россию, значит, он за нашу победу. Однако и на этот раз священник ответил словами, над которыми я порой размышлял в течение всей войны, да и после войны часто вспоминал их:

- Война, молодой человек, есть проверка существующего строя...

Ответ не удовлетворил меня: «А если бы фашисты выиграли войну – это означало бы, что их социальный строй более справедлив? Но это же абсурд!» А священник добавил еще несколько слов, плохо связанных с предыдущей фразой:

- Народ искупает свою вину кровью...

- Но в чем же виноват наш народ, если на него напали фашисты? Ведь объединенные силы всей Европы брошены на Советский Союз, и он в одиночку воюет за свою свободу, за новое коммунистическое будущее!

- А разве я говорил, что это наш народ искупает свою вину кровью?

Для меня этот разговор был первым в жизни политическим диспутом. Священник казался неуязвимым в своих утверждениях. Для меня высказанные мысли были новыми, неожиданными, нестандартными. Нас этому не учили. Беседовать со священником стало интересно. Но меня настораживали фразы: «искупление вины кровью», «война – проверка существующего строя» - они звучали двусмысленно для того времени, когда наша Родина терпела военное поражение, а жертвы были так велики. Неужели этот добрый на вид человек, с умными глазами и успокаивающими манерами желает поражения нашей Родине?

Моя решимость защищать Советскую власть была велика, и мой вид стал ершистый и агрессивный. Священник понял, что я собираюсь сказать что-то страстное и, может быть, лишнее и неприятное для него и поэтому, приподнявшись с табуретки, произнес:

- Извините, молодой человек, у меня нет времени ждать председателя. Я зайду в другой раз. До свидания...

Священник ушел, а я, выбитый из колеи непривычными утверждениями, продолжал мысленно дискутировать с воображаемым оппонентом. Но это была уже не дискуссия. Это была цепочка непогрешимых утверждений: «Наш общественный строй – самый справедливый, а потому мы – непобедимы. Жертвы, которые мы несем в этой войне – это не искупление вины, они принесены в защиту свободы и независимости нашей Родины, в защиту социалистического строя. Искупительные жертвы несет народ Германии. И в первых рядах бойцов нашей армии – коммунисты и комсомольцы. И это – правда! Они ведут наш народ к победе. И еще Сталин сказал, что рабочий класс капиталистических стран будет нам помогать, поднимется на защиту революции и тогда число социалистических стран в Европе будет больше, а война закончится скорее...».

Откуда мне было знать, что немецкая коммунистическая партия перед войной была разгромлена, что ее руководство и ее вождь Тельман брошены в концентрационные лагеря, что коммунистические партии других капиталистических стран Европы загнаны в подполье и не в состоянии оказать большой поддержки в нашей борьбе с фашизмом?

Недели через две после Нового 1942 года Ерохин снова заглянул ко мне.

- Ну, как дела? Когда поедем с годовым отчетом?

- Стараюсь, работаю, Никита Иванович. Я составляю свой первый в жизни годовой отчет.

- Знаю, знаю! Когда кончишь?

- Думаю, что послезавтра можно ехать с ним в Райзо.

- Хорошо, послезавтра поедем.

Январским морозным утром Никита Иванович и я, оба в тулупах и валенках, со старыми портфельчиками выехали на санях-розвальнях в Бобров. Алая заря полыхала в полнеба – солнце вот-вот должно было появиться из-за горизонта. Острый пряный запах сена, подостланного на дно

саней, свежий морозец, чистая утренняя заря, поездка в районный центр – все создавало атмосферу мирного, невоенного приятного дня.

- Бери вожжи, а я подремлю, – сказал Ерохин и завалился на сено, на дно саней, укрылся получше тулупом и решил не вылезать из саней до Боброва.

Я завязал ушанку под подбородком, поправил рукавички, взял вожжи в руки и слегка хлестнул лошадь вожжой. «Председателев» жеребец покосился взглядом на незнакомого кучера, взмахнул хвостом и ленивой трусцой побежал по дороге. Выехали из села в поле. Потянул легкий утренний ветерок, мороз начал щипать нос и щеки, Никита Иванович неподвижно лежал в санях. Ни спереди, ни сзади никого не было видно. Кругом белый, чистый снег. Сани поскрипывали на снегу и слегка разъезжались по накатанной дороге. Бока жеребца покрылись инеем, он стал бежать более резво – видимо, ему самому стало холодно, а может быть он понял, что они едут в Бобров, и ему захотелось побыстрее добраться до места?

Я привязал концы вожжей к саням, сказал жеребцу: «Ну, давай, давай, приятель, беги...», завернулся в тулуп и тоже лег на дно саней, решив помечтать под мерный лошадиный бег... Со дна саней меня поднял мощный топот копыт и сильный окрик: «Эй, посторонись!» Ошалевший от неожиданности, я с трудом выправил вправо своего жеребца и в то же мгновение увидел тройку орловских рысаков из Чесменки, впряженных в легкие сани. Рысаки бежали легко, размашисто, быстро. Кучер в большом черном тулупе блеснул белозубой улыбкой: «Что, парень, испугался?» На заднем сиденье расположились два пассажира, укрытые в такие же черные тулупы, как и кучер. Я был ошеломлен. В одно мгновение все промелькнуло мимо и вскоре сани были уже далеко впереди. До меня по-прежнему доносился мощный топот копыт удалявшейся тройки, и из-за спинки легких саней я все еще видел силуэты трех красивых конских голов, грациозно и гордо раскачивавшихся в такт стремительному бегу. А «председателев» жеребец по-прежнему не спеша бежал по дороге. Ерохин привстал:

- Что, чесменские задавалы прокатали?

- Наверно, - ответил я.

Я знал, что в пятнадцати километрах от села Коршево было расположено село Чесменка, в котором находился известный с давних пор Чесменский конезавод, основанный в 18-ом веке графом А.Орловым-Чесменским. Но кто были эти люди — я не знал.

- Они всегда так... с форсом... Им бы наших колхозных лошадок впрячь в оглобли..., - сказал Ерохин и весело рассмеялся своим мыслям.

В Боброве в Райзо (районный земельный отдел) я и Ерохин разошлись каждый по своему делу, но около трех часов дня Ерохин заглянул в комнату, где старый опытный бухгалтер принимал мой годовой отчет.

- Ну, как наш молодой счетовод? — поинтересовался Ерохин.

- Да ничего, - ответил старый бухгалтер. — Все сошлось..., даже удивительно удачно получается. Ты можешь идти, - обращаясь ко мне, сказал бухгалтер Райзо.

- Подожди немного в коридоре, - попросил меня Ерохин.

Я вышел и сел на крашеную скамейку. Сквозь немытые, запыленные окна в коридор, стены которого были покрашены в темно-синий цвет, тускло пробивался зимний дневной свет. В полутьме крашеная скамейка блестела как стекло, вытертая юбками, брюками и полушубками сотен посетителей, побывавших здесь за десяток лет. Этот блеск мешал понять, краской какого цвета была покрашена скамейка: коричневой или зеленой? Из резко открывшейся двери с шумом вылетел Ерохин и набросился на меня:

- Что ты со мной сделал? Ты меня оставил без копейки денег! На что я куплю теперь гвозди, веревки и другую необходимую для колхоза мелочь?!

- А в чем дело, Никита Иванович? У меня же все сошлось, и бухгалтер меня похвалил.

- У тебя всё-ё-ё сошлось, - зло проговорил Ерохин, протянув слово «всё» и сделав ударение на букве «ё». — Только у колхоза после тебя дела не сойдутся!

- У меня все верно, - я возразил в отчаянии.

- Верно, верно, - заверил меня Ерохин. – Но ты все заработанные колхозные деньги вогнал на счет «Капитальное строительство». А с него мне в новом году не дадут снять ни копейки! С этого счета деньги можно взять только на строительство детского сада, МТФ – загибал пальцы Ерохин, - или еще какого-либо крупного колхозного объекта... А на какие шиши я куплю гвозди, топоры и другую мелочь? Может быть, ты мне из своего худого кармана дашь сотню?

- Но я же старался, Никита Иванович...

- Твой отец никогда бы не оставил колхоз без денег...

- А у меня иначе не сходилась...

- А вот у твоего отца сошлось бы...

- Ну и позови его в счетоводы, - огрызнулся я.

- Я тебе позову, я тебе позову, - сердито, скороговоркой ответил Ерохин. – Я не подписал твой годовой отчет и просил бухгалтера Райзо поправить дело. Он обещал наскрести сотни две-три... А знаешь ли ты, что нам со счета «Капитальное строительство» банк денег ни за что не даст, а в конце года перечислит их в государство как неиспользованные... Вот и получается, что по твоей милости колхоз ничего не заработал.

- Но ведь деньги-то пойдут в государство! Может, на них пушки, пулеметы, танки будут делать...

- Пушки, танки... - передразнил Ерохин уже спокойнее. – А вот завтра бабы опять придут и опять начнут просить деньги и для молочно-товарной фермы, и для овцеводческой, и для полива овощей, и для садоводства, и для полевого стана – и такие мне пушки, танки устроят... Придет кузнец... А-а-а... - застонал Ерохин, махнул рукой и в отчаянии закончил:

- Кругом бабы и детский сад...

«Детский сад» возмутил меня, и я язвительно сказал:

- Назначили бы счетоводом свою Катюху – теперь бы не ругались на меня.

- Помолчал бы ты..., - выругался Ерохин. – И без тебя тошно... Раз тебе доверили большое дело, его надо делать хорошо.

- Ладно, - я решительно, сердито ответил. – Завтра пешком пойду в Райзо и сделаю все, что могу.

- Зачем – пешком? Я тебе своего жеребца дам. Ты попробуй перетащить со счета «Капитальное строительство» тышченки две-три...

Лето 1942 года для села оказалось более тяжелым, чем лето 1941 года. В конце июня 1942 года немцы начали наступление на Воронеж и Сталинград. В середине июля немцы вышли к реке Дон и теперь были в 40-50 км от моего родного села. По ночам была слышна артиллерийская канонада. Колхозы стали готовиться к эвакуации, назначали ответственных для сопровождения колхозного имущества, намечали маршруты следования. Женщины и дети были в панике: одни собирались отступать вглубь России, вязали узлы, готовили тележки, другие никуда не хотели уходить, зарывали в ямы свое добро, чтобы не досталось немцам, копали индивидуальные окопчики в садах и огородах на случай, если фронт пройдет через село. Однажды, около десяти часов утра, над железнодорожной станцией Бобров, расположенной в десяти километрах от Коршева, появились пять немецких бомбардировщиков. Они образовали круг и начали пикировать, сбрасывая бомбы на станцию и нефтехранилище. Гул самолетов, мощные взрывы бомб, пулеметные очереди были четко слышны в селе. Казалось, что земля колеблется под ногами людей, наблюдавших издалека за бомбардировкой. Над станцией взвились в небо клубы черного дыма – видно, попали в нефтехранилище. Женщины и дети в испуге бегали по селу, ожидая прилета немецких бомбардировщиков. Казалось, что смерть кружит уже над их головами. От страха у меня холодок пробежал по спине.

Через два дня я погнал колхозное стадо коров и десятка три овец на восток. Ответственным был назначен пожилой колхозник Панков Дмитрий Васильевич. Кроме меня и Панкова стадо сопровождали еще несколько женщин. В сутки проходили 20-30 километров. Было жарко. Не хватало

воды. На третий день кончились запасы еды, взятой из дома. Вечером, на остановке, Дмитрий Васильевич распорядился зарезать на ужин овцу. Меня возмутило это распоряжение – ведь овца – колхозная, и Панков не имел права по своему усмотрению транжирить колхозное добро.

- Ты помолчи, счетовод-недоучка! – возразил Панков. Его гусарские, поседевшие и порыжевшие от времени усы топорщились на загорелом, с красноватыми прожилками, лице.

- Молод еще указывать мне... Я с немцем еще в германскую воевал, а ты тут лезешь со своими советами. Овцы все равно подохнут, до места не дойдут...

- А подохнут – ты под суд пойдешь...

- Никуда я не пойду... Вот налетит немец, постреляет наше стадо, и конец будет всему. Ты овцу бережешь, а люди голодают.

- Если налетит – это другое дело. Это – война, - настаивал я. - А просто так резать, для своего питания – это нарушение...

- А-а... пошел ты... Чем я вас кормить буду? Воровать мне, что ли? – сказал Панков, взял нож и с двумя колхозницами пошел выбирать овцу.

Злой и голодный, возмущенный вопиющим произволом, я весь вечер сидел рядом с котлом вкусно пахнувшего бараньего мяса, но так и не взял от котла ни одного куса...

24 июля 1942 года у села Верхний Карачан меня призвали в ряды Красной Армии.

2. В запасном стрелковом полку

«...Большая работа по подготовке пополнения для действующей армии и формированию новых частей и соединений осуществлялась военными

округами в тылу страны... Личный состав обучался также в запасных полках, где сосредотачивалось новое пополнение и военнослужащие, возвращавшиеся из госпиталей...»⁴³.

«... Доблестная оборона Сталинграда глубоко взволновала в Америке всех, и мы уверены в ее успехе»...⁴⁴ (Из письма Ф.Рузвельта И.В.Сталину, 9.10.1942 г.).

«... Начались наступательные операции в районе Сталинграда, в южном и северо-западном направлениях... В северо-западном секторе фронт немецких войск прорван на протяжении 22 километров, в южном секторе – на протяжении 12 километров. Операция идет неплохо...»⁴⁵ (Из личного и секретного послания премьера Сталина президенту Рузвельту, 20.11.1942 г.).

Как из села Верхний Карачан я попал в 108 запасной стрелковый полк в г.Муром – я не помню. Скорее всего, привезли меня туда поездом вместе с другими призывниками.

Как следует из записей в моей красноармейской книжке, я был призван в армию 24 июля 1942 г., на военной службе в Красной Армии числился с 7 сентября 1942 г., с 15 октября числился в 362-м запасном стрелковом полку (СП), а с 30 ноября 1942 г. – в 6-й роте, 2 батальона 108 запасного СП. Но я ничего не помню, что я делал в период с 24 июля до середины ноября 1942 г. Какой-то провал памяти! А дневники нам запрещали вести.

За время пребывания в запасных полках я, конечно, имел контакты со многими людьми, но сегодня, спустя семьдесят лет, я не могу вспомнить ни одной фамилии и не помню, как эти люди выглядели.

Запомнилось только лицо высокого, смуглого, черноволосого, лет 28-30 старшины роты. Старшина всегда был подтянутым, веселым, бодрым, сытым, требовательным. Новобранцы, наоборот, были слегка угнетенными

⁴³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.», Москва, 1961, т.3, с.222

⁴⁴ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Изд-во Политической литературы, Москва, 1976, т.1, с.94; т.2, с.32, документ № 42. (Далее это издание дипломатических документов для краткости будет называться «Переписка»).

⁴⁵ «Переписка...», т.2, с.36-37.

духовно, невеселыми, всегда голодными и старались быть исполнительными. На солдатах запасных полков лежала очень тяжелая обязанность: обучиться и подготовиться к будущим боевым действиям на фронте в сжатые месячные сроки.

Месторасположение запасного полка – окраина города Муром. От одного названия города веет седой стариной, родной теплотой.

Время было очень трудное: немцы подошли к Сталинграду, рвались на Кавказ, наши войска вели тяжелые бои, ни одного военного успеха в течение всей летней кампании 1942 года.

Новобранцам выдали поношенное обмундирование, разбили по ротам, взводам, отделениям. Распределили по казармам. И началась солдатская жизнь: подъем, физзарядка, завтрак, боевые и политические учения, обед, снова боевые и политические учения, ужин, немного свободного времени, отбой.

Говорят, что на службе солдат после завтрака ждет обед. А после обеда – ужин. Есть доля правды в этой шутке. С подъема до отбоя солдат живет по команде, самому думать ни о чем не надо: что нужно сделать – прикажут. И только во время завтрака, обеда и ужина солдату ничего не приказывают, появляется ощущение личной свободы, тут и языки развязываются. А ведь в строю не поговоришь, все время слышен окрик командира: «Разговорчики в строю прекратить!», а потом окрик покороче: «Разговорчики в строю...», а потом еще короче: «Разговорчики...» и солдаты привыкают к одному этому слову из команды и молчат – иногда час, другой... Слышны лишь строевые команды. Вот уж за едой разговор становится свободным, а солдатский юмор неистощимым.

Да и как не смеяться, если гороховый суп давали таким жидким, что на полную алюминиевую чашку приходилось не более 10-15 горошин. Раскрутит солдат ложкой мутноватую теплую жижу и вылавливает горошину.

- Ты не спеши, спокойнее... Пусть она всплывет, тогда и лови ее...

Каши пшенной дают две-три столовые ложки, хлеба тоже давали мало – все шло на фронт. Вот и приходилось новобранцам терпеть и смеяться, и приспосабливаться. Были и такие, которые по ночам залезали под одеяло и плакали, вспоминая довоенную вольную деревенскую жизнь. Армейская действительность оказалась более жестокой, чем представлялась дома с куском хлеба в одной руке и кружкой парного молока – в другой.

Мы всегда жили с ощущением голода.... Тяжело было молодым ребятам привыкать к солдатской жизни. Ранним утром – подъем, физзарядка, завтрак. По команде садятся за длинный стол. Раздают завтрак – по команде. Подъем из-за стола – по команде. Чуть промедлил с едой – остался без завтрака. Обжигая губы, небо, язык горячей пищей глотает солдат быстро, быстро – все подряд. Раздается команда: «Встать! Выходи строиться!» - построились. Выходят с территории запасного полка, идут по окраине города. Окраина города похожа на большое село – деревянные домишки, полисадники, резные ставеньки на окнах, крылечки. Все это напоминает сельским новобранцам домашний уют, к которому они привыкли. Но они знают, что армии нужны настоящие солдаты, защитники Родины, они хотят стать ими. Раздается команда: «Запевай!», а кому хочется петь после полуголодного завтрака? Солдаты молчат. Еще раз раздается команда: «Запевай!» Теперь она более требовательная. Но солдаты топают ногами, но не поют. Команда «Запевай!» раздается в третий раз. Теперь в ней – сплошной приказ и угрозы наказания за не выполнение. Но солдаты идут и молчат. Неожиданно раздается команда: «Ложись!» Команда застаёт молодых солдат врасплох и они ложатся на том месте, кто где услышал ее. Кто был на сухом месте – тому повезло. А некоторые в это время расплескивали ботинками воду в мелкой лужице – в нее и плюхнулись. Холодные, грязные брызги плеснули в лицо и в рот. Кто-то угодил в самое грязное место на дороге. Солдаты оглядывали друг друга и счастливики хихикали над грязными неудачниками. Через две-три секунды – новая команда: «Встать! Бегом марш!» Через пятьдесят метров снова команда: «Ложись!» И снова испытание холодным душем и грязью.

«Встать!», «Бегом», «Ложись!»..., «Встать!»... «Ложись!», «Встать!»... Теперь ясно, что командир решил отыгаться на непослушных молодых солдатах, а заодно приучить их к дисциплине. Наверное, в другое время новобранцы не выдержали бы этих команд, взорвались бы. Но сейчас терпели – шла война. Снова раздалась команда «Запевай!» и кто-то, в конце концов, не выдержал – робкий дрожащий голос из середины солдатской массы начинает: «... Отцветали яблони и груши...». Этот неуверенный голос поддерживают еще двое-трое, песня ширится, солдаты подтягиваются в строю, забывается обида на командира и вот уже мощный хор молодых голосов уверенно и бодро подпевает «Выходила на берег Катюша»... Грязные лица солдат повеселели, измазанные шинели придают молодым ребятам форму выдавших виды солдат, бравая выправка создает впечатление несокрушимой силы. Повеселевший командир после окончания песни громко произносит: «Молодцы!» и солдатская служба идет своим чередом.

Конечно мы тосковали по дому. Вечерами писали письма домой, но не жаловались: «Дорогая мама! Вот уже почти месяц, как я нахожусь на службе в Красной Армии... Ты обо мне не беспокойся, служу я нормально, командир меня хвалит, еды хватает... Никак не дождемся, когда нас отправят на фронт, чтобы гнать фашистов с родной земли, бить их до последнего гада...» Вечерами получали письма и-з дому. Мамы писали своим сыновьям, что дома все хорошо, о доме пусть не беспокоятся, пусть хорошо служат в армии, братья и сестры ходят в школу. «... А у Киселевой Варвары убили мужа, прислали похоронку. Как она теперь будет жить дальше с такой оравой детишек никто не знает...». Отдельные счастливики в придачу к письмам получали посылки из дому: с яблоками, с салом, с шерстяными носками и варежками, с тыквенными и подсолнечными семечками. Какой же мерой можно измерить силу материнской любви, силу духа русской женщины, ее самопожертвование? Оставаясь дома в одиночестве, с двумя-тремя малолетними детьми, она работала в колхозе с раннего утра до позднего вечера, получая всего 100-200 граммов хлеба на трудодень, трудилась дома,

кормила, обувала, одевала своих малых детей и себя, и в то же время думала о сыне-солдате и посылала ему посылку, вспоминая любимую привычку сына грызть тыквенные семечки, жила днем и ночью мыслью о своем любимом муже, от которого вот уже второй месяц нет писем с фронта, сдавала весь колхозный хлеб государству и подписывалась на большие суммы на облигации государственного займа. Не было и не будет других женщин в мире, которые в годы великих испытаний могли бы отдать Родине столько, сколько отдавали советские, русские женщины!

Была у солдат строевая служба, ходили на стрельбы, учились ходить в атаку, колоть штыком. Иногда учения проводились на колхозном поле, на котором уже убрали свеклу, морковь, горох или еще что-нибудь съедобное. Учеба на этих полях доставляла нам, пожалуй, самое большое удовольствие. Мы постоянно ощущали чувство голода, а здесь, в поле, подбирая неубранную свеклу или морковь, мы досыта наедались этой сырой морковью или сырой свеклой – и никогда не болели.

Иногда выпадало счастье дежурить на кухне. Там, после того как начистишь на целую роту картофель, капусту, свеклу, повар может дать лишнюю миску каши.

Бойцам запасного полка, побывавшим на фронте и попавшим на долечивание в наш 108 запасной СП, обстановка казалась невыносимой. Они ходили по всем командным инстанциям в полку и настаивали на немедленной их отправке на фронт, они говорили, что запасной полк ничего им не дает – их место на фронте. Смерть на фронте их пугала меньше, чем голодная жизнь в запасном СП. Их просьбы часто удовлетворялись.

На боевых стрельбах у меня дело шло плохо. Мишень, отстоявшая от меня на 25 метров, еще как-то была видна, а на 50 метров – расплывалась, и я не видел «яблочка» мишени. Стрелял наугад и много мазал. Командир взвода удивлялся моей плохой стрельбе, ничего не понимал, а я не признавался в своей близорукости.

Красноармеец П.С.Исаев. Запасной стрелковый полк.

И только когда другие солдаты сказали ему о моей школьной близорукости, он махнул на меня рукой и произнес: «Ладно, потом разберемся!», но так до самой отправки на фронт со мной и не разобрались.

Большие физические нагрузки и недостаточное питание делали свое дело – молодые солдаты слабели. Не знаю, чем я привлек внимание старшины роты, но он стал присматриваться ко мне и однажды во время ужина подошел ко мне и сказал: «Исаев, после ужина задержитесь». После ужина я подошел к старшине и доложил: «Боец Исаев явился по вашему приказанию». Старшина скомандовал «вольно», а потом просто, по-человечески, спросил:

- Есть очень хочешь?

- Да, хочу – сознался я.

Видимо, эта моя черта – прямота и правдивость ответов – запала в душу старшине. Он отметил ее и оценил.

- Идем со мной – приказал старшина.

Мы подошли к раздаточному окошку и старшина, подмигнув раздатчице, сказал:

- Маша, подкорми-ка этого бравого солдата.

Молодая, румяная, красивая повариха лукаво улыбнулась нам, внимательно посмотрела на исхудавшего, но опрятного, и, как мне самому казалось, бравого солдата и спросила:

- Где твоя чашка?

- Нет у меня ничего...

- Подожди минутку.

Она зачерпнула ковшом большую порцию пшенной каши, положила ее в алюминиевую чашку, потом добавила в нее три столовых ложки топленого масла:

- Бери, солдат!

- А как же другие? Ведь им меньше достанется...

- Бери, бери, всем хватит, – мягко, ласково уговаривала Маша. – Сегодня на фронт отправили партию солдат. Осталась и каша, и масло...

Сказала она правду или соврала – я не знал, да мне сейчас было уже все равно. Она успокоила мою совесть – и этого мне было достаточно.

- Спасибо... Большое вам спасибо... - я отошел в сторонку, а старшина с улыбкой обратился к поварихе:

- Маша, я зайду к тебе сегодня...

- Заходи, что с тобой делать – просто ответила раздатчица по кухне.

Дальше я уже ничего не слышал из их разговора. Мне это было не интересно – я ел кашу, кашу вкусную, ел так, как давно не ел. Я доскребывал ложкой остатки каши в алюминиевой чашке, когда ко мне подошел старшина и прежним голосом командира сказал:

- Исаев, сдайте чашку и ложку Маше и марш в казарму.

- Есть сдать чашку и ложку Маше и марш в казарму...

В этот вечер я с трудом дождался отбоя – глаза слипались, и мне очень хотелось спать. Уснул я мгновенно, спал сладко, но среди ночи нас подняла боевая учебная тревога. На этот раз она не вызвала у меня раздражения или недовольства – я быстро оделся и раньше многих вышел на построение...

Прошли ноябрьские праздники 1942 года. Часть солдат нашего запасного полка была направлена на один из заводов Муром, где делали непонятную работу: в железных полосах, имевших длину 4-5 метров, ширину 5-6 сантиметров и толщину около сантиметра, сверлили на станках дырки через 15-20 сантиметров, диаметром около сантиметра. Был план – сколько полос надо изготовить за смену. Я старался выполнить план, но это мне не удавалось сделать. Вечерами измученные солдаты возвращались в казарму, в которых были установлены 2-х этажные нары. Почему-то в нашей казарме по вечерам всегда стоял водяной пар, из-за чего электрическая лампочка тускло светила под потолком: ни читать, ни писать было невозможно. Оставалось только одно – разговаривать. А поговорить было о чем: тревожная обстановка в Сталинграде, тяжелое положение на Кавказе, наше собственное неопределенное положение, непонятная работа, второй фронт, который наобещали нам союзники и который так и не открыли до сих пор. Был у нас заводила, с которого начинались наши вечерние разговоры.

- Зачем нужны эти дурацкие железные полосы? Исаев, ты у нас самый умный, ну, скажи: кому они нужны?

- Откуда я знаю... Они могут быть нужны где угодно. Может быть для «Катюш», а может быть для полозьев саней. Время-то зимнее...

- Ну, скажешь тоже – для «Катюш». Так тебе и дадут делать секретные детали для «Катюш». Полозья для саней – это в самый раз, подходящая работа для безграмотных сверлильщиков...

- А я сегодня сломал пять сверл. Чуть нажмешь на ручку станка – сверло «хруп», чуть нажмешь – опять сломалось...

- Да-а-а... с нажимом надо поаккуратнее, особенно вначале сверления...

- А знаете, ребята, - обратился я к солдатам. - Мне ни разу не удалось выработать сто процентов нормы. Я и так, и этак стараюсь, а норма не выходит. Теперь я думаю собрать сразу три или пять полос вместе, скрепить их, чтобы не расползались на станке и сверлить все сразу. Может быть получится? Будет какая-то экономия времени.

- А это здорово, - подхватили солдаты. Надо попробовать. И стали высказывать другие предложения.... Лишь в 2010 году, читая мемуарную литературу, я узнал, что наша работа на муромском заводе имела большой смысл. В нашей армии, в зимнее заснеженное время, тяжелую технику часто ставили на полозья и немцы были страшно удивлены мобильностью артиллерийских батарей и бронетанковых соединений на фронтах Отечественной войны. Мерецков в книге «На службе народу» писал⁴⁶: «... Зимняя кампания 1941-1942 гг. показала, что в ходе наступления наши войска нуждаются в достаточно подвижном и мощном орудийном сопровождении. К началу второй зимней кампании, уже имелся положительный опыт использования экспериментальных самоходок, и было принято решение о массовой их проверке. А в конце января 1943 г. Волховский фронт одним из первых применил в широких масштабах новое оружие: два полка самоходных орудий успешно содействовали пехоте и танкам при атаках на труднодоступные вражеские позиции со сложным профилем...». Таким образом, наша работа в Муроме с металлическими полозьями (ноябрь, декабрь 1942 г.) имела определенный военный смысл....

Постоянное обсуждение положения под Сталинградом было всегда страстным и горьким. До солдат доходили слухи, что Сталинград почти полностью взят немцами и остались две маленькие, разрозненные полоски у Волги, которые чудом удерживают наши войска. Почему же так много пишут о боях под Сталинградом, о защитниках Сталинграда? Разве нет других фронтов, других боев? Какое значение могут иметь эти полоски земли, обильно политые кровью советских и немецких солдат?

Но мы не знали «большой политики». Гитлер настаивал на том, чтобы Япония начала войну против СССР на Дальнем Востоке, но японцы, завязшие в тихоокеанских боях с США, выставили Гитлеру условие: возьмите Сталинград и тогда мы начнем войну против СССР на Дальнем

⁴⁶ К.А.Мерецков. «На службе народу». Изд-во политической литературы, Москва, 1961, с.333-334.

Востоке. Так, Сталинград стал символом прочности обороны Советского Союза, советского фронта.

- Вот бы дать немцам под Сталинградом, как в прошлом году под Москвой...

- А чем дашь? Ведь нет никаких намеков на то, что мы где-то готовим контрнаступление...

- А вы заметили, что в речи Сталина содержится уверенность в удачном исходе войны и есть намеки на наше зимнее наступление?

- Да-а-а... Зима – наше время. По-моему все ждут, что зимой мы опять начнем наступать...

- Эх, открыли бы союзнички второй фронт – сразу стало бы полегче...

- Сталин же сказал, что второй фронт откроется до конца 1942 года...

- Да ведь год-то уже почти окончился, а зимой через Ла-Манш не переправишься – погода не та, - сказал я.

- А может быть потому и не открывают! Им-то все равно.

- Ну да, все равно! Они ведь не хотят, чтобы Гитлер нас победил.

- Но, как видишь, и не спешат.

- Конечно, не спешат – хотят, чтобы и мы, и Гитлер ослабли в войне, а они потом стали бы командовать целым миром.

- Нечего на них надеяться.... Самим надо добивать Гитлера...

- Эх, поскорее бы на фронт...

Этими мечтательными, волшебными словами заканчивался почти каждый солдатский разговор.

Все затихли, каждый думал о своем. В коридоре слышались чьи-то шаги, репродуктор объявил о том, что сейчас будут передаваться последние известия. Послышалась команда «Отбой» и в эти тихие, напряженные минуты размышления солдат о судьбе Родины из репродуктора раздался голос Левитана: «От Советского Информбюро». Но на этот раз в голосе было столько торжественной уверенности, что нам показалось, что произошло что-то очень важное. Тревожное смятение, нетерпеливое ожидание захватило

всех. Но уже после первых слов об окружении немецко-фашистских войск под Сталинградом наступило небывалое ликование – то, что ждал весь народ нашей Родины – разгром немцев (и это не имеет значения – где, на каком участке фронта), наконец, сбылось! Так же, как это было год назад под Москвой, теперь под Сталинградом, одержана великая победа Красной Армии над ненавистным, упорным и страшным врагом! Такая великая, что с трудом укладывалась в воображении измученных ожиданиями людей! Радости не было предела. Казарма ликовала. Даже дежурные не настаивали на своей команде «Отбой». Радость победы и возникшее ощущение уверенности, свободы захватили полностью молодых солдат и они говорили, и говорили до тех пор, пока все таки команда «Отбой», «Спать! Всем спать немедленно!» не заставила их перейти сначала на шепот, а потом, в конце концов, заснуть.

На этот раз сон у всех был крепким и **спокойным!**

3. На фронт

В запасных стрелковых полках «... бойцы проходили необходимый курс обучения по специальности и затем отправлялись во вновь формируемые части и соединения или непосредственно на фронт...»⁴⁷.

Пришла моя очередь отправляться на фронт. Когда это случилось? В сохранившейся у меня до сих пор красноармейской книжке записано, что тридцатого ноября 1942 г. я был зачислен в 6-ую роту, 2-ого батальона, 108 запасного СП и тогда же мне были выданы ремень брючный, поясной, шапка, ботинки, обмотки, вещевой мешок («вещмешок»), две патронные сумки, фляга, чехол к фляге и т.д., а с двадцатого декабря 1942 г. я числился уже в артбатарее 333-его ОАПБ (отдельного артиллерийско-пулеметного батальона), 91-ого УР'а (91-го Укрепленного района). Вот в этот период с 1 декабря по 20 декабря я был переведен на фронт. Я не помню даты того

⁴⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.», Москва, 1961, т.3, с.222.

декабрьского вечера, когда наша колонна вышла из казарм запасного полка и пришла на железнодорожную станцию. Нас никто не провожал, не было ни гармошек, ни женских слез. Нас распределили по вагонам-теплушкам и через пару часов, около часа ночи, наш эшелон тронулся со станции к фронту. В пути нас не бомбили – повезло! На вторые или третьи сутки, около четырех часов утра, эшелон остановился. Не выспавшиеся, теплые ото сна, солдаты выпрыгивали из вагонов теплушек в ночную морозную темень, оглядывались вокруг, пытались хоть по каким-либо признакам определить, где они находятся, но рядом виднелись только разбитые пристанционные здания. Потом по солдатской массе прокатилось слово «Бологое», но так ли это было, никто толком не знал. Раздалась команда в «Две шеренги становись! Равняйся! На ле-во! Шагом марш!». И мы пошли. От станции шли полем. Яркие сверкают звезды в ночном небе. Зари еще не видно. Идем по широкой накатанной дороге. Полевая тишина, слышен только хруст снега под солдатскими валенками. Где, когда мы их получили – я не помню. Но то, что мы были в валенках, это отпечаталось в памяти. Идем, негромкие разговоры. Сколько времени мы шли – час, полтора? Ручных часов тогда ни у кого не было, время измеряется «на ощупь». В абсолютно чистом, снежном поле раздается команда «Привал!». А куда приваливаться? Только дорога и снег на обочине дороги. Солдаты, слегка распаренные от ходьбы, садятся или ложатся на снег. Кое-кто лезет в вещмешок за сухарями. Перед отправкой на фронт нам дали сухой паек: сухари, каша пшенная – концентрат, мясные консервы (американские), сахар, табак. Кое-кто закуривает. Никто не поет, никто громко не смеется. Говорят тихо. О чем?

Солдатская колонна очень разношерстна и по возрасту, и по семейному положению, и по образованию, и по гражданским профессиям. И разговоры идут обо всем. Рядом со мной оказался мужчина лет 35-40, «пожилой», по моим меркам.

- Ты откуда, солдат? – спрашивает он меня.

- Я из запасного полка...

- Это я и без тебя знаю. Родом откуда?

- Из Воронежской области. А вы?

- Я с Кубани...

- Так мы почти земляки?!

- Да-а-а, вот так... Э-э-эх, хорошо было до войны. Меня долго не брали – по состоянию здоровья. А тут немцы стали подходить – меня и взяли... Да-а, хорошо мы жили до войны. А ты чего глаза прищурил?

- Хочу вас лучше рассмотреть.

- Так ты, приятель, раскрой их пошире. А ты, наоборот...

- Так надо.

- Хм... Удивительно... Так надо! – передразнил он меня.

Этот человек из кубанской деревни не знал, что при близорукости человек прищуривает глаза.

Люди познакомились, ближе узнавали друг друга, заводили дружбу.

- Слушай, давай проситься вместе.

- Давай, я согласен. И чтоб на фронте в одном отделении.

- Давай...

Раздается команда: «Подъем! Стройся! Шагом марш!» - и солдаты снова зашагали по снежной дороге, по пустынному полю.

Предрассветная тишина. Стало светать. Впереди показались какие-то столбики. Это было необычное явление. Солдаты напряженно всматриваются.... И только тогда, когда подошли совсем близко, когда запахло гарью, солдаты поняли, что они подошли к деревне, к тому, что было когда-то деревней. По обеим сторонам дороги стояли полуразбитые русские печи с торчащими трубами. Стоят трубы двумя рядами. В предутренней мгле два ряда труб кажутся геометрически правильно расставленными вдоль двух параллельных линий. Суровеют лица солдат, более холодными и тяжелыми становятся взгляды. Жестокие впечатления врезаются в память навечно. Деревенька маленькая, одна улица длиной в полкилометра. Только трубы и снег...

- Ты посмотри, что сделали гады! – Не выдерживает кто-то и произносит эти слова громко, обращаясь ко всей колонне. Фраза, как спусковой крючок, вызвала бурю гнева.

- Все сожгли...

- Где же теперь люди? Как же они живут? Неужели всех поубивали?

- Ты посмотри... Ни одного домика...

- Пустыня...

- Я читал в газетах об этой пустыне. Но от печатных слов совсем другие чувства...

- А ведь здесь, наверно, и дети были...

Услышав последние слова, я вздрогнул. Я представил себе как горит зимой мое село, как женщины и дети, обезумев от страха, под звуки выстрелов разбегаются от своих домов, как моя мама, прижав к груди трехлетнюю всю в слезах рыдающую сестренку Шуру, старается спастись в море огня и пуль, как мой десятилетний братишка Сережа, ухватив мать за юбку, кричит «Мама! Мама-а-а! Скорей...» с такой надеждой и страстью в голосе, что сердце содрогается от нестерпимой жалости к брату...

- Что с тобой? – дернул меня за рукав сосед.

Я очнулся от своих мыслей, посмотрел на того, кто меня дернул за рукав, увидел глаза, полные сочувствия и желания прийти ко мне на помощь, и сказал:

- Да, так.... Вообразил себе, будто горит мое родное село, а мать с сестренкой и братом спасаются...

- А они что, под фашистом?

- Нет, немцы не дошли сорок километров. Остановились на том берегу Дона.... А теперь, после Сталинграда, немцам не до нашего села...

Когда совсем рассвело, колонна втянулась в лес Волшебный русский зимний лес, настоящая зимняя сказка. На рассвете все выглядит таинственно. На елях и соснах лежали красивые шапки снега. Хочется дотронуться до веток, чтобы снежная пыль посыпалась вниз с сухим шелестом. На

верхушках елей красивыми гирляндами висят продолговатые коричневые еловые шишки. Вывороченные корни деревьев, небольшие кустики, маленькие елочки так засыпаны снегом, что, кажется, вот-вот оттуда вылезет разбуженный сердитый медведь.

Слышен звонкий, утренний сочный голосок синицы «Тинь-тинь...». Сквозь сказочное волшебство настойчиво, назойливо стал пробиваться надрывный, прерывистый звук мотора приближающегося самолета. Раздалась команда: «Во-о-здух! Сойти с дороги!» Солдаты, утопая в снегу, побежали под прикрытие ветвей деревьев. Показалась «рама», летевшая над лесом на небольшой высоте. Почему-то именно эта первая «рама» заполнилась мне как первый, увиденный мною, враг. Этот немецкий самолет-разведчик с завывающим звуком мотора, с расщепленным на две палочки фюзеляжем у хвоста, был сейчас ненавистен всем. Было огромное желание стрелять и стрелять по этому первому встреченному нами врагу!.. Но была команда: «Не стрелять!» и колонна молчала.

Весь день солдаты шли к фронту. Сожженные села, угадываемые по рядам неразрушенных труб от печей, заснеженные поля, волшебный лес и большие поляны – все оставалось позади. Мы шли и шли. Вечерело. Мороз стал крепчать. Подул в лицо слабый ветерок. Солдаты подвязывали ушанки, закрывали нос варежками. Длительные переходы и привалы чередовались и слились во что-то непрерывное. Сколько мы прошли, километров 40? Больше? Меньше? Стемнело. Мы вошли в лес. Снова раздалась команда: «Привал!» Потом выяснилось, что здесь будем ночевать. Это было так непривычно, дико – ночевать в лесу зимой! Ни нар, ни матрацев, ни одеял.... А мороз – от пятнадцати до двадцати градусов. Да ведь здесь запросто можно околеть!

Стали рубить вековые ели. Лапы от елей пошли на подстилку на снегу, сучья и стволы деревьев – в костер. Стволы толстые, горят долго, угли горячие. Сели вокруг костра, натопили снег в солдатских котелках, сварили пшеничный концентрат и легли спать, здесь же, у костра. Сколько было сейчас

времени? Никто не знал. Лежали вокруг костра на еловых лапах, тесно прижавшись друг к другу. Как были в шинелях, так и легли в них, не раздеваясь. Снизу, вроде бы, и тепло. Но бок, обращенный к звездному небу, остывал с поразительной быстротой. Через 30-40 минут возникало непреодолимое желание перевернуться на другой бок. А как перевернешься, когда и спереди и сзади на одном и том же боку, плотно прижавшись друг к другу, спят твои товарищи! Их нельзя будить! Наконец, один не выдерживает. И сразу все, как по команде, поворачиваются другим боком к небу, и снова засыпают на 30-40 минут. Холоднее всего тому, последнему, кто дальше всех от костра. Этот, совсем заоченевший, солдат встает и, сделав несколько нелепых прыжков и движений, чтобы хоть немного размяться, ложится теперь ближе всех к костру, остальные сдвигаются, и теперь мерзнет уже другой.

Рано утром раздается команда: «Подъем!» Вконец замерзшие, плохо выпавшиеся солдаты, еле разгибая уставшие, остывшие на морозе ноги, руки, спины, встают со снега, делают фантасмагорические движения руками, ногами, головой, пытаясь приобрести нормальную человеческую форму движений. Разгораются костры, кто-то пытается умыться снегом, но его поднимают на смех:

- Тебе, что, блины со сметаной пообещали на завтрак?
- Нет, ребята, он на свидание с медсестрой собирается...
- Да у нас в колонне ее нет!
- Нет – так будет впереди... Видишь как старается...

И снова команда: «Становись! Нале-е-во! Шагом марш!» И опять солдаты идут целый день к фронту. Сзади колонны идут подводы. Отстающих становится все больше. Их сажают на подводы и везут, везут на Запад.

Подошла вторая ночь. Остановились в сожженной деревне, в которой на окраине, у самой опушки леса чудом уцелел домик. Группа солдат, в которой оказался и я, волею командования была остановлена у домика после команды «Разойдись!». Солдаты рванулись в дом, и каждый отвоевал себе кусочек

места на полу. Я был среди этих счастливых. Через три минуты вошел старшина, осмотрелся, потом скомандовал, указывая пальцем на пятерых: «Вы, вы, ... вы – освободить места! Остальные могут оставаться. На освободившихся местах вскоре расположились два командира и сам старшина.

Ночь была такой же беспокойной, как и предыдущая, проведенная на снегу в лесу. Теснота, возня солдат, богатырский храп уставших за день молодых ребят. Но было тепло.

Когда свет утренней зари стал пробиваться сквозь окна, три четверти стекол которых было выбито, а пустоты заполнены невообразимым тряпьем, раздалась команда: «Выходи строиться!». Солдаты вытянулись в две шеренги лицом к полыхавшей в полнеба утренней заре. Она была красной, чистого цвета. «Смирно!» Солдаты замерли. И в этой утренней тишине, сзади, без всякого эха, удивительно четко, но отдаленно, раздалась пулеметная очередь. Огромная война на огромном фронте приблизилась к нам на расстояние нескольких километров. Через мгновение раздалась еще одна такая же очередь – и все стихло. Солдаты не были ни поражены, ни потрясены – пулеметная очередь врезалась в них как еще одно напоминание о том, что они пришли на фронт, и пришла их очередь вступить в смертельный бой с врагом! Раздалась команда: «Кто не может идти дальше – на месте, остальные два шага вперед... Шагом марш!». Я вместе со всеми сделал два шага вперед – я мог идти вперед. Из большой колонны на месте осталось не более десятка солдат. «Шагом марш!» и солдаты по лесной дороге двинулись к фронту.

Через час я прибыл, наконец, в действующую часть на фронт.

Здесь меня и определили в артиллерийскую батарею 333 ОАПБ, 91-го УР'а. Этот день и зафиксирован в моей, сегодня уже старой и потрепанной, красноармейской книжечке с обложечкой серого мышиного цвета.

Впервые в жизни я переступил порог фронтовой землянки, вырытой кем-то для меня на переднем крае. Землянка в три наката – надежная защита от

немецких мин. Вход в землянку обращен к нам в тыл. Маленькое, крохотное оконце пропускает света ровно столько, чтобы днем не зажигать лампу. А лампа – не керосиновая – где ее взять во фронтовом лесу. Берут гильзу от снаряда 37 мм зенитной пушки или 45 мм – от противотанковой, сплющивают ее сверху, вставляют «фитиль», наливают керосин – вот вам и лампа. Коптит она здорово, но все же дает свет. Размер землянки, примерно, 4х4 м². Стены земляные, вдоль стен – нары земляные, покрытые то ли соломой, то ли сеном. Над нарами, чтобы земля не сыпалась на спящего солдата, иногда пристроены 1-2 доски. Рядом с нарами – стол на вбитых в землю березовых столбиках. В землянке могут жить 6-7 солдат. Кто ее сделал? Наши или немцы? Скорее всего - наши. Мы не любили немецкие землянки – в них всегда было полно вшей. А уж если и кормить вшей, то лучше своих! И поэтому, как правило, мы не пользовались трофейными, а делали свои землянки.

На какой срок стала эта землянка домом для меня? Да и дом ли это? Я впервые почувствовал, что теперь буду жить как-то по-походному – землянку домом не назовешь. Это было жилье, временное, не постоянное. Просто – место для сна и отдыха, какой-то угол, если подойти к этому жилью с гражданской меркой. Я понял, что переступив порог фронтовой землянки, я сделал еще один, невозвратный шаг по пути к фронтовой солдатской жизни. Эта жизнь была совсем не похожа на все то, что я знал и испытал до сих пор и уж, наверняка мое новое существование не было лучше казарменного.

- Проходи, солдат. Здесь свободное место. Вчера у нас убили хорошего парня – занимай его место.

Я подошел к говорившему, - это был мужчина лет тридцати, лицо его было рябым. Кроме него в землянке были еще трое. Я снял винтовку, вещмешок и сел на указанное место.

- Как тебя зовут?

- Петр Исаев.

- А меня – Македон. А этого – Коля Семенов. Этого – Михаил Лаптев, зови его просто «Лапоть».

В землянке засмеялись, Лапоть тоже улыбнулся, и я почувствовал, что здесь меня хорошо приняли.

- Этого, - указал Македон на последнего, - зовут тоже Михаилом, но фамилия его – Зверев.

- Вы его зовете «Зверь»? – в тон Македону спросил я.

- Зови как хочешь, мы его зовем «Миша». Еще двое в отлучке, ты их скоро увидишь.

Было заметно, что Македон в землянке за старшего и его все слушаются.

Наступал вечер, быстро темнело, лес становился мрачным, тревожным.

Македон распорядился:

- Миша и ты, - обращаясь ко мне, - сходите за ужином.

Мы взяли семь котелков и пошли к кухне. По дороге я спросил Зверева:

- Миша, а кто такой этот Македон? У него речь какая-то не русская, с акцентом...

- Он – украинец. Кажется, был бригадиром в колхозе, где-то за Днепром. У него погибла вся семья от немецкой бомбы и теперь он страшен как зверь. В бою ничего не боится, то ли немцам мстит, то ли смерть ищет. О фашистах не может спокойным тоном говорить – становится злым, начинает кричать.

- А где наш передний край?

- Видишь ли, его вроде и нет. Мы стоим на одном берегу озера Велье, а немцы – на другом. Расстояние от нас до немцев – около трех километров. У нас тут нет сплошной линии окопов и у немцев – то же. У нас – наблюдательные пункты на берегу, кругом ДЗОТ'ы (долговременные защищенные огневые точки) с пулеметами, есть артиллерийские и минометные батареи. Наверно, и у немцев так же. Смотрим в бинокли друг на друга, наблюдаем, изредка происходит маленькая перестрелка. А, в общем, тут тихо.

Я даже разочаровался от такого описания войны.

- А мы готовимся к наступлению? Ты ведь знаешь, что творится под Сталинградом?

- Да какое тут наступление, - разочарованно ответил Миша. – Тут сплошные озера и болота. Куда тут наступать? Танк пройти не может, человек даже зимой может провалиться в болото...

- Может наступление готовится, а ты не знаешь?

- А вообще-то местечко здесь «интересное», - словно не расслышав моего вопроса, продолжал Миша. – Мы стоим небольшой семикилометровой подковой вперед. Если немцы захотят срезать эту подкову под основание, то прямо через нас выйдут на КП (командный пункт) батальона.

- А есть тут какая-нибудь связь? Ну,... там – телефоны? Рации?

- Есть телефонная связь, есть и рации в отдельных ДЗОТ'ах.

- Это здорово! – восхищенно ответил я.

Обратно шли с полными котелками гречневой каши. Я, кроме каши, нес две замерзшие буханки хлеба. Когда мы возвратились в землянку с ужином, Македон, подмигнув остальным, сказал:

- Дели хлеб, Петр! Да так, чтобы всем поровну...

- Это на сколько же частей? Нас ведь семеро? – спросил я.

- Дели на восемь, так проще...

Я прикинул, что каждую буханку надо разделить на четыре части, взял столовый нож, взял первую буханку. Мне очень хотелось отличиться, я старался... Но при первой же попытке разрезать замерзшую буханку я понял, что происходит что-то не то: нож совершенно не резал замерзшую буханку.

- Ты плохо стараешься, - съехидничал кто-то.

- Да... нет, он ослаб на тыловых харчах – вот силенки-то и маловато!

Я чувствовал, что бывалые солдаты разыгрывают меня, потешаются над моим неумением разрезать замерзшую буханку...

- Да ее топором надо рубить, и то не разрубишь, – с отчаянием воскликнул я.

- О, догадливый! Топориком, Петя, топориком, - сказал Лапоть. – Во-он топорик в углу...

Я взял топор – лезвие топора блестело.

- Так, что, я попробую? – неуверенно спросил я.

- А ты дома-то рубил дрова? – опять съехидничал Лапоть.

- Конечно, рубил – ответил я без обиды. Мне самому стало интересно разрубить буханку на четыре части. – Но ведь в землянке тесно...

- А ты выйди на улицу – там есть деревянная колода, на ней и потренируйся...

Я, а за мной и Лапоть, вышли из землянки. Я положил буханку на колоду, прицелился топором на середину буханки, взмахнул топором и опустил его со всей силой на буханку. Топор вошел в буханку на один-полтора сантиметра, но она осталась целой. Я от такой неожиданности растерялся:

- А что теперь делать? Я ведь могу раскрошить так всю буханку.

Лапоть искренне заливался смехом.

- Все, Петруша, все! Урок окончен. Забирай хлеб и топор, и марш в землянку. Такой хлеб можно лишь распилить – ножовкой. Но мы это делать не будем. У нас к ужину есть мягкий хлеб. А этот к утру отойдет – ножом разрежем.

Впервые я ел фронтowej ужин. Впервые мне дали фронтowe 100 граммов водки. Ужин показался мне обильным, хлеба – досыта, горячий чай с сахаром.

- Ну, что, солдаты, освободим Петю сегодня от ночного дежурства у землянки? - спросил у всех Македон. Но это был скорее не вопрос, а предложение, отказать которому было нельзя. – Пусть отоспится эту ночь.

- Освободим, - хором ответили солдаты.

В землянке было тепло, и я проспал всю ночь как убитый. Утром меня ждал сюрприз. Проснулся я от ведерного стука, плеска воды, солдатских голосов. Открыл глаза – и страшно поразился: в землянке весь пол был залит водой, а Македон черпал ведром из угла, из ямы, как из колодца, воду.

- Лапоть, иди теперь ты поработай – у меня руки замерзли, - сказал Македон.

Лаптев по нарам прошел к выходу и сменил Македона. Вода стала убывать, и скоро пол очистился от воды.

- Что это у вас – всегда так? – спросил я.

- Всегда. Надо бы поискать для землянки более сухое место. Да вот, думаем, скоро пойдем в наступление.

- Да есть ли оно здесь, сухое место? У всех тут вода в землянках...

Принесли завтрак в котелках. Я с удовольствием ел гороховый суп с салом.

- Здорово вас тут кормят! – сказал я. – Так тут и поправиться можно.

- Это сейчас тут здорово, - ответил Лаптев. – А я на северо-западном фронте сижу с весны этого года, так тут такое было... - и он махнул рукой. А потом продолжал:

- Весна 1942 года, март-апрель. Снег растаял – кругом вода по пояс. Сидим голодные – а к нам никто с продуктами не может ни пройти, ни проехать. На самолете, «кукурузнике», сухари сбрасывали, так разве их в такой воде найдешь. Голод был страшный. Прилетит немец, начнет нас бомбить... Если не убьет ни одной лошади – так мы его ругаем на чем свет стоит: «Гад, бомбить не умеешь! Целишься плохо!». Зато если после бомбежки у кого-то убивают лошадь – то у всех настоящий праздник: мы этого «махана» и в суп, и мясо жарим... А сейчас, конечно, здорово, все есть. После завтрака Лаптев повел меня к переднему краю, к берегу озера Велье. В лесу протоптаны тропки, у самого берега на деревьях устроены замаскированные наблюдательные пункты. Сквозь деревья виднелось белое поле озера. Но только тогда, когда я взобрался по лесенке на наблюдательный пункт, когда Лаптев приложил к моим глазам бинокль – только тогда передо мной открылась необыкновенная красота. Яркое утреннее солнце искрилось на ровном снежном покрове озера. Противоположный немецкий берег был освещен восточным светом солнца, и каждая отдельная сосна на противоположном берегу четко просматривалась

в бинокль. Было красиво и тихо. Тишина была настолько обманчивой, что, казалось, здесь и войны-то нет. Это впечатление еще более усиливалось от того, что я видел в бинокль, как на том берегу, в немецком тылу, по дорогам едут одиночные немецкие автомобили, ходят «фрицы», одетые в тряпье. И наши не стреляют по этим целям. А «фрицы» спокойно ходят по нашей земле, и их машины нахально едут по дороге.

- Миша, чего же наши не стреляют по немцам?! – увидев немцев я не выдержал. – Их же надо бить везде, где бы они ни появились!

- Верно, Петр, верно! Но со временем ты привыкнешь к фронтовой обстановке и фрицы через бинокль не будут уже тебя так раздражать. А знаешь, Петя, я заметил, что ты ни разу не назвал немцев «фрицами». Почему?

- Не знаю, непривычно как-то. Фрицы, Гансы. Я люблю немецкую художественную литературу и Фриц для меня менее ругательное слово, чем фашист.

- Скоро начнет нас обстреливать, - сказал Миша. По утреннему расписанию в течение часа он должен выпустить два-три десятка мин.

Я не успел задать ни одного вопроса Лаптеву. Мне показалось, что что-то блеснуло в лесу, в глубине немецкой обороны, и почти сразу же донесся звук выстрела и звук приближающейся мины. Мне казалось, что мина летит прямо на меня, но она взорвалась метрах в двухстах правее.

- Это он просто так стреляет, по площади. Немец ведь ничего не знает, кроме того, что мы на этом берегу. Вот и стреляет вслепую. Вот так случайной миной был убит наш товарищ, на месте которого ты теперь расположился...

Исчез мираж красивой, мирной жизни на озере Велье. И война снова показала свой звериный оскал. Я понял, что на фронте нельзя забывать ни на одну секунду о том, что идет война!

- Слушай, Миша, а мы ходим к немцам ночью через озеро? Ну, в разведку или за языком?

- Ходим, но редко... Фрицы к нам тоже иногда ходят. Вот вас прислали к нам – пополнение. Если фрицы догадаются об этом, то могут послать к нам своих разведчиков за языком.

Солдаты помолчали. Немцы лениво, но методично постреливали в нашу сторону, а наши молчали.

- А почему наши не обстреливают немцев? Почему не заставят замолчать эту батарею?

- Наверно, берегут снаряды или мины. А может быть, фрицы дразнят нас и хотят выявить расположение наших минометных и артиллерийских батарей... А, вообще, не знаю... Мы очень редко стреляем в ответ.

Вечером меня и Лаптева Македон снова послал за ужином. По дороге к кухне мы увидели группу солдат, окруживших что-то накрытое брезентом. Предмет, находившийся под брезентом, был не высок, не более полуметра высоты.

- Что это? – спросил Лаптев.

- Это – секретное оружие! Теперь фрицам крышка.

Солдаты вокруг загоготали. Я почти поверил в грозное секретное оружие – так мне хотелось, чтобы у нас появилось что-нибудь еще более необыкновенное, чем «Катюша». Но когда заглянул под брезент, то испытал неловкость и разочарование – там, на резиновых шинах мотоциклетного типа, стояла не то пушчонка, не то крупный пулемет.

- ШКАС⁴⁸ это, братцы, - определил какой-то солдат-специалист.

- Что, что? – переспросили его.

- Ну, ШКАС – это пушечка такая, на самолетах истребителях или на бомбардировщиках устанавливается, - я не знаю...

После ужина Македон исчез на полчаса. А потом, возбужденный, появился в землянке.

- А ну, братва, одевайсь! Пойдем испытывать это «грозное» ОРУЖИЕ...

⁴⁸ Шпитального - Комарицкого авиационный скорострельный пулемет.

Македон привел всех солдат своей землянки к ШКАС'у. Приказал на руках выкатить ШКАС на опушку леса – тащить пушчонку надо было около полукилометра. Захватили ленту со снарядами, похожую на пулеметную, только вместо пуль здесь были маленькие снарядики, да и сами патроны были в несколько раз крупнее ружейных. Македон возбужденно хлопотал возле маленькой автоматической пушечки. Установили ШКАС на маленьком пригорке на опушке леса, направили ствол в сторону немцев, и раздалась четкая, оглушающая очередь. Огненные языки пламени вырывались из ствола вместе со звуками выстрелов.

- Здорово! – восхитился Македон. – Этого фрицы у нас еще не слышали. Пусть теперь гадают, что это такое.

- Да твои снарядики до немцев и не долетели!

- Ничего, долетели! – радостно и серьезно ответил Македон. – А теперь, ребята, катите ее назад...

Я думал, что немцы нас мгновенно обстреляют из минометов. Но прошла минута – другая, пятая, десятая, а немцы так и не ответили на пулеметную очередь, вели себя тихо.

В эту ночь Македон приказал мне дежурить у землянки с двенадцати часов до двух часов ночи. Ночь была лунной, светлой, видно было далеко – за пятьдесят-семьдесят метров. Но это там, где поляна, где нет леса. А землянка стояла у опушки, среди редко расставленных деревьев. И здесь я был особенно бдителен. Впервые почувствовал огромную ответственность за жизни доверившихся мне людей. Я пытался представить себе различные опасные ситуации. Вот крадутся немецкие разведчики в белых халатах, их трое-пятеро – я один. Увидел их, когда до них оставалось двадцать-тридцать метров. Что делать? Или немец неожиданно бросает гранату к входу в землянку? А если немец совсем рядом, в пяти-семи метрах? Тогда что делать?

Я зорко всматривался в окружающий лес. Ходил вокруг землянки, останавливался, прислушивался... Все было тихо. В ночном безмолвии

полная луна заливала таинственным светом поляну, лес, землянку. Искрился снег, мерцали звезды. Ни единая ветка не шелохнется, ни звука в лесу.

4. Бой в полуокружении. Первый бой

«... В ближайшее время думаем начать зимнюю кампанию. Когда именно удастся начать, это зависит от погоды, которая не в нашей власти...»⁴⁹.

«... В боях мужали военные кадры, приобретая необходимый опыт...»⁵⁰.

«... Преследуя отходящего противника, соединения Северо-Западного фронта к 1 марта вышли на реку Ловать, ликвидировав тем самым демянский плацдарм, который враг удерживал почти полтора года...»⁵¹.

«... Ознакомив Верховного командующего с обстановкой на реке Ловать, я доложил ему, что небывало ранняя оттепель привела к тому, что река стала труднопроходимой и, видимо, войскам Северо-Западного фронта временно придется прекратить здесь свои наступательные действия. Верховный согласился с этим...»⁵².

«...После того, как советские войска провели всю зиму в напряженнейших боях и продолжают их еще и сейчас..., нам особенно важно, чтобы удар с Запада больше не откладывался, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета...»⁵³. (Речь идет об открытии второго фронта в первой половине 1943г. – П.С.И.).

Я занимал низшую ступеньку в Красной Армии, никем не командовал – мною командовали многие. Но мое желание – наступать и изгнать фашистов из пределов моей Родины полностью совпадало с волей всего народа России,

⁴⁹ «Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Изд-во политической литературы, Москва, 1976, т.1, с.94 (Далее это издание дипломатических документов для краткости будет называться «Переписка...»).

⁵⁰ «История Великой Отечественной войны...», т.3, с.10.

⁵¹ «История Великой Отечественной войны...», т.3, с.143.

⁵² Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления», Москва, 1969, с.412.

⁵³ «Переписка...», т.1, с.127.

с замыслами Верховного командования. Таким образом, простой солдат превращался в творца великих исторических событий. Однако этот «творец» даже не всегда знал свое точное географическое месторасположение, не всегда знал полное содержание выполняемой им боевой задачи и лишь иногда мог догадываться, по передвижениям своей части, какая судьба ждет его в ближайшее время. Но судьба часто обгоняла приказы командования, ставила солдата в такие критические ситуации, когда необходимо было принимать решения и за ближайшего командира и за более высокое командование, когда приходилось творить чудеса и совершать такие поступки, из которых складывалась судьба Родины, творилась победа, создавалось величие Родины.

Судьба солдата.... Только теперь, спустя много лет, зная по опубликованным в печати воспоминаниям генералов и маршалов, в какие переплеты попадал солдат, выполняя приказ командования, можно удивляться его судьбе и восхищаться ею. Недавно я прочитал в Роман-газете повесть Владимира Карпова «Полководец»⁵⁴. Он пишет о том, что волею высшего командования в бои за Севастополь были вовлечены сотни тысяч советских солдат. К началу июля 1942 г. в Севастополе оставались лишь десятки тысяч. После второго июля у этих десятков тысяч солдат не осталось никакой надежды на эвакуацию из Крыма. Им был отдан приказ: «Биться до конца, защищая Севастополь. Если сможете прорваться из окружения – идите в партизаны!». Решением Ставки около пятисот человек высшего командования было эвакуировано из Севастополя. Рядовые бойцы остались без командования, и они это знали. Теперь судьба каждого солдата оказалась в его собственных руках. Казалось бы, чего проще: хочешь жить – сдавайся в плен! Но красноармейцы выбрали бой, они выбрали смерть взамен плена! В этот момент между солдатом и его совестью не было командования, контролировавшего его поступки. Высокий патриотизм, вера в то, что смерть окупится будущей победой, подвиг во имя величия Родины – такую судьбу

⁵⁴ В.Карпов. «Полководец». Роман-газета, №№ 7-9, 1985.

выбрали себе тысячи советских солдат под Севастополем. Память о героической обороне Севастополя будет жить в веках!

А вот что пишет Эрих фон Манштейн в своих воспоминаниях «Утерянные победы»⁵⁵ о последних боях защитников Севастополя.

«... То, что далее последовало, было последним боем армии, который не мог ни изменить ее судьбы, ни принести какой-либо пользы Советам с точки зрения общей оперативной обстановки. Даже для сохранения чести оружия этот бой был бы излишен, ибо русский солдат поистине сражался достаточно храбро! Но политическая система требовала продолжения бесполезной борьбы...».

«... Здесь дух немецкого солдата, его храбрость, инициатива, самоотверженность боролись против отчаянного сопротивления противника... усиленного железной системой принуждения советского режима...»⁵⁶. Манштейн явно разочарован тем, что защитники Севастополя не сдались в плен на милость победителя и боролись до последнего солдата. Поразительно, как этот завоеватель чужой земли не способен понять, что севастопольцы боролись против захватчиков, против будущих поработителей своих детей, что на последний бой, на подвиги, их вдохновлял патриотизм, дух свободы и независимости, любовь к Родине.

А вот что пишет тот же Манштейн о немецких солдатах, защищавших Сталинград в безнадежной ситуации в течение второй половины декабря 1942 г. и весь январь 1943 г. (речь идет о 6-й армии Паулюса, боровшейся в окружении в Сталинграде – обстановка для немцев под Сталинградом была похожа на обстановку под Севастополем...).

«... Своей несравненной храбростью, верностью своему долгу солдаты и офицеры этой армии воздвигли памятник духу немецкого солдата, который будет стоять на вечные времена, хотя он и не отлит из бронзы, и не высечен

⁵⁵ Эрих фон Манштейн «Утерянные победы», Москва, «Вече», 2010, с.209.

⁵⁶ Эрих фон Манштейн. Там же, с.212.

из камня. Это незримый памятник, на котором начертаны слова... о великой трагедии немецкого солдата...»⁵⁷.

И кто же этот немецкий солдат, о «великой трагедии» которого пишет Манштейн? Для нас очевидно, что он – фашист-захватчик, пришедший в Россию завоевать нашу землю и уничтожить наш народ.

«... Немецкая армия, чувствуя всегда свое превосходство над противником, выдержала тяжелые кризисы и своей храбростью и самопожертвованием свела на нет численное превосходство противника. Но нельзя забывать еще одно: 6-я армия своей преданностью долгу и борьбой до конца выбила из рук противника пальму победы – не дала ему разгромить южное крыло немецкого восточного фронта...»⁵⁸.

Ну, что тут скажешь?! Хоть вся морда в крови, а кричит «победа». Отметим, что везде, при всяком удобном и неудобном случае Манштейн выдвигает тезис о значительном численном превосходстве советских войск над немецкими.

Г.К.Жуков в книге «Воспоминания и размышления» пишет⁵⁹: «... К лету 1943 г. в составе нашей действующей армии было свыше 6,4 миллиона человек, почти 99 тысяч орудий и минометов, около 2200 боевых установок полевой реактивной артиллерии, более 9,5 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 8300 боевых самолетов...».

«... На советско-германском фронте на стороне противника действовало 232 дивизии Германии и ее союзников, около 5,2 млн. человек, свыше 54 тыс. орудий и минометов, 5850 танков и штурмовых орудий, около 3000 боевых самолетов...».

Итак, мы видим, что формально к лету 1943 г. силы у нас и немцев были сравнимы. Манштейн же в упоминаемой выше книге постоянно указывает, что соотношение сил, на тех участках фронта, где ему довелось командовать,

⁵⁷ Эрих фон Манштейн. «Утраченные победы», Москва, «Вече», 2010, с.373.

⁵⁸ Эрих фон Манштейн. Там же, с.443.

⁵⁹ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.467.

всегда было 1:7 или 1:8 «в пользу русских»! Видимо, он был прилежным учеником Геббельса, который говорил, что ложь должна быть огромной, чтобы в нее поверили.

В те, трагические для защитников Севастополя дни, погибли почти все – выжили единицы. Какие-то удивительно счастливые события сопровождают спасение воина, приговоренного обстоятельствами к казалось бы неминуемой смерти. Это и есть счастливая судьба солдата. Но очень часто судьба отворачивается от солдата. И даже если он был настоящим героем, его героический подвиг и имя остаются неизвестными потомкам. Есть лишь безымянная могила. А бывает и так, что солдат-герой и вовсе остается без упокоения и лежит до сих пор там где его застала смерть в бою!

Судьба солдата... Солдату повезло.... Солдату не повезло.... Я шел на наблюдательный пост, расположенный на той же сосне, на которой сидел с Лаптевым на второй день пребывания на фронте. По дороге мне встретился Македон.

- Ты куда, Исаев?

- Иду к Звереву.

- Ты помнишь маленькую елочку, которая растет на том берегу, на выступе?

- Да, мы вместе с тобой рассматривали ее...

- Вот, вот.... Кажется мне, что у немцев там появился наблюдательный пост. Ты посмотри это место, понаблюдай за ним...

- Надо утром наблюдать, когда тот берег хорошо освещен солнцем. Может быть, стекла от бинокля заблестят на солнце.

- Ты что же, немцев за дураков считаешь? Скорее всего, они сидят там после обеда, и к елочке ведет скрытый ход...

Поговорили не более минуты. А когда до нашего наблюдательного пункта оставалось пройти метров сто (та самая минута, которую я проговорил с Македоном) немецкая мина угодила в соседнее дупло и Зверев был тяжело ранен. Всего сто метров, одна минута.... А что было бы, если бы я в момент

взрыва мины уже сидел со Зверевым на наблюдательном пункте? Или только взбирался бы по лестнице на сосну? Это что: счастливый случай? Судьба? Когда высшее командование переводит воинскую часть с одного участка фронта на другой, то оно тем самым определяет, кому быть убитым или раненым на новом месте, а кто будет убит или ранен на месте тех, кто ушел отсюда. Это тоже судьба, воинская судьба. Как шахматист проводит комбинацию, с жертвами фигур и пешек с целью поставить мат противнику, так командующий фронтом во имя победы передвигает тысячи, миллионы человеческих судеб на фронтах войны, жертвует человеческими жизнями, не спрашивая фамилий погибших и раненых, интересуясь только конечным результатом, числом убитых и раненых («выбывших из строя»), интересуясь только соотношением сил своих и противника к концу боя. А то, что среди этих миллионов есть конкретный Петр Исаев, командующий не знает, это замыслов командования совершенно не касается. Петр Исаев или Михаил Зверев – какая разница? Они – взаимозаменяемы, они выступают как число, как абстрактные единицы. Понимали ли это солдаты? Да, конечно, прекрасно понимали! Могли ли они обижаться или протестовать? Нет, конечно. Оценивали ли они действия командиров? Да, конечно! Именно они были самыми строгими судьями происходящих боев. И именно в этом проявляется качество русского солдата, его готовность к самопожертвованию, готовность выполнить свой долг перед Родиной, перед своим народом.

В моей воинской судьбе решающую роль пока играли приказы командования. Меня готовили быть пехотинцем, а я попал в пулеметно-артиллерийский батальон. Каждый день был занят службой: то сидел на наблюдательном пункте, то строил запасные огневые позиции для батареи, то нес дежурство в землянке, то командир батареи посылал меня с донесением на КП батальона. У солдата много разных дел. Иногда поручения бывали «убийственные», например, достать к вечеру килограмм гвоздей! Их, этих проклятых гвоздей, в те времена и в магазине не всегда можно было купить. А тут, в лесу, нет ни деревеньки, ни даже захудалого старого сарая или

зброшеннага домишки, гдзе можна было бы надаргаць гэты кілаграмм старых гвіздей.

Відма Укрэпленыя Районы (УР'ы) іжывалі сябе пры пераходзе нашай арміі ад абароны да наступатэльных апэрацыям. 15 марта 1943 г. мяня разам з другімі салдатамі 91 УР'а перавелі ў 983 стрэльковы полк 253 стрэльковай дывізіі, якая ў канцы 1942 г. пачале 1943 г. панесла цяжэлыя пэтары. Да канца вайны ваінская судьба звязала мяня з гэтай дывізіяй і гэтым полкам.

То лі ў канцы марта 1943 г., то лі ў пачале апрэля акало 10 часав утра немцы адкрылі ураганнаы артылерыйска-мінэметнаы абстрэл нашых пазіцыяў. Буквальна, мінут за 10 да абстрэла, камандір батарэі адправіў мяня на КП батальона з донесеннем, і мне аставалось прайці не бале паўкіламетра. Абстрэл прадаляўся акало паўчаса, а пэтам сразу раздалась ружейная і пулеметная стрэльба. Затрэшалі немецкія аўтаматы. «Вот тебе і падкова», - вэпамніў я свой разгавор са Зверевым. Пад абстрэлам я перабэжкамі перадвІгался да КП батальона. Нарастаючая ружейна-пулеметная перестрэлка, эха ў лэсу, когда пуля, пэпавшая ў ствол дэрева сэаді тэбя, імітуіруе стрэльбу сэаді і вакаруг, і кажэцца, што ты акаружэн і ў тэбя стрэляюць отовсюду, вэе ваэнікло сразу, неажаданна. Паказалісь нашы рэдкія цэпі адступаюіх да КП батальона адстрэліваюіхся салдат. Вдалі замелькалі фігуры прыбліжаюіхся перабэжкамі немецкіх салдат. Стрэльба нарастала, мне казалось, што дэло ідэ да рукопашнай схваткэ. Я прысоедІніўся да сваіх і ўслышал каманду: «Отступать да КП батальона». Відма, надэ было прыкрыць каманднаы пункт ад наступаюіх немцав. Пэребэжкамі, прычась за стволы, адстрэліваўся, мы адходілі да КП батальона. В гэто врэмя я падумаў: «А как жэ там, впереді нашы ДЗОТ'ы? ОнІ жэ будуч акаружэны ілі ўжэ акаружэны?» Недалэка ад КП да нас падошло падкрэплэне, агонь нашых цэпéў ўсІліўся, немцы астанавілісь, залэглІ. Рядом са мной лэжал савам моладой лэйтэнант,

которого я видел первый раз. Неожиданно он вскрикнул, его лицо обагрилось кровью. Я подполз к нему:

- Товарищ лейтенант...

- Солдат, тащи меня в большую землянку, - еле проговорил он.

«Большая землянка» - это наш КП, я шел туда с донесением, до КП оставалось метров 50, землянка явно выделялась размерами в лесу. Тащить лейтенанта было неудобно и тяжело. Он стонал, но ничего не говорил. Кругом свистели пули, щелкало эхо, но огонь немцев ослабевал, и они начали отступать. В землянке было 5-6 командиров, медсестра, которая перевязывала раненых, радист у рации.

- Товарищ капитан, - громко сказал радист. – Они просят подкрепления... Радист вел переговоры с одним из ДЗОТ'ов.

- Скажи им – пусть держатся. Подкрепление уже пошло к ним, немцы начали отступать...

- Товарищ капитан! Они говорят, что их окружили, забрасывают гранатами... Слышу, как рвутся гранаты... Родионов, что там у тебя? Товарищ капитан! Их осталось двое в ДЗОТ'е... Остальные убиты... Остался только Родионов... Говорит: «Немцы ползут... много...». Родионов сказал: «Прощайте, товарищи».

Взрыв... Все... Рация молчит – радист растерянно смотрел на комбата...

Скоротечность боя потрясла меня. Комбат сказал:

- Эх, Родионов, Родионов...

Увидел меня, строго спросил: «Что ты тут делаешь?»

- Вот, раненого лейтенанта... Он просил его в большую землянку, - я отвечал нескладно. – А еще вот донесение от командира батареи.

- А-а, Иваницкий, - воскликнул капитан, беря донесение из моих рук.

- Как же он не уберется, - сказал командир батальона, глядя на молодого раненого командира, которого я перетащил в землянку.

- Да он сам выскочил из землянки, когда подходили немцы, - ответила медсестра.

- Марш к своим, - скомандовал мне комбат.

Я осторожно вышел из землянки. Бой уже отодвинулся от КП. Я осторожно возвращался в сторону своей землянки, продвигался перебежками, справедливо полагая, что мои ребята где-то там... Немцы быстро отходили, унося убитых и раненых. Стрельба затихала, и к обеду положение было полностью восстановлено. Вид вокруг нашей землянки был ужасный: из-за обстрела деревья были оголенными, сломанные пополам сосны, валялись отбитые сучья, чернели воронки от мин и снарядов. Все было искалечено и обезображено... Мои знакомые батарейцы все были живы и невредимы. Они также были рады видеть меня, вернувшимся с КП батальона. Я часто вспоминаю этот боевой эпизод. Такие эпизоды – неотъемлемая часть жизни солдата на фронте...

Вскоре меня перевели в оперативную часть штаба полка, где готовились приказы на оборону и наступление, писались боевые донесения в штаб дивизии, составлялись планы учебных занятий для нового пополнения, поддерживалась связь с батальонами и другими подразделениями полка. Причиной этому была моя школьная близорукость и законченное среднее образование. Но все это случилось немного позже.

А пока мою роту лесными дорогами, под пригревающим по весеннему солнышком, заставили совершить небольшой переход и остановили на отдых в лесу. Опять расположились в землянках.

- Македон, пойдی узнай, долго мы тут загорать будем?

- Что я вам посыльный что ли?

- Нам же не скажут, а тебе скажут...

Македон понял, что это правда – нам молодым ничего не скажут. Через пять минут он вернулся.

- Готовьтесь к бане, солдаты!

Это известие всех обрадовало. Я почувствовал, как у меня сразу зачесалась шея, под брючным ремнем, хотя я и до этого знал, что вши есть у

меня, как и у всех. Но пока не было разговора о бане, я не обращал внимания на эти ощущения.

Около двух недель назад я и Коля Семенов возвращались в землянку с наблюдательного пункта. Неизвестно почему Семенов залез правой рукой к себе за ворот гимнастерки, большим и указательным пальцами взял какую-то щепотку, а потом высыпал на ладонь левой руки, демонстративно вытянутой ко мне, несколько вшей. Копошащиеся крупные вши вызвали мое отвращение, и я с упреком сказал:

- Нашел чем хвастаться!

- А у тебя разве их нет?

- Думаю, что таких нет.

- А у тебя шея чешется?

- Иногда чешется, ну и что? Я же не мылся в бане, знаешь сколько времени.

- А ты, Петруша, сделай то же, что и я – увидишь ту же картинку, - с ехидной усмешкой сказал мне Николай.

- Ну, если бы они были, я бы их почувствовал...

- А ты сделай, сделай, прошу тебя... Слазай к себе за воротничок своими пальцами...

Я так, инстинктивно, на всякий случай, из интереса, залез к себе за воротничок двумя пальчиками, сжал свою щепотку, высыпал что-то на ладонь своей левой руки и к неописуемому своему удивлению увидел... тот же набор копошащихся вшей.

- Да откуда же они, гады, взялись, - воскликнул я, а Николай весело рассмеялся.

- А ты еще проверь свои кальсоны. Небось чешется?

- Да, но это от того, что я давно не мылся, да и брючный пояс все время затянут...

- Опять не мылся, - засмеялся Николай.

Я, не сходя с места, снял шинель, снял гимнастерку, снял нательную рубашку, вывернул ее и..., о, ужас! Это были они... Я отряс свою рубашку над снегом – я хотел глобально уменьшить их число. Снег был усыпан копошащимися тварями. С тех пор я регулярно проводил «гигиеническую чистку» своего белья. И вот теперь – баня!

На другой день нас повели в баню. В лесу на поляне стояла огромная зеленая брезентовая палатка – это была сама баня. Рядом стоял автомобильный фургон для прожаривания солдатской одежды. Внутри фургона температура была такой высокой, что все вши выгорали. Солдаты с наслаждением мылись горячей водой, и только вошедший последним, оказался без таза для воды – все тазы были разобраны. Неожиданно он воскликнул:

- Воздушная тревога! Все в укрытие!

Ошалелая голая солдатская масса не знала, что ей делать. Некоторые, оставив тазы, рванулись к выходу, а находчивый солдат, объявивший воздушную тревогу, взял первый попавшийся оставленный с водой таз, сказал «Спасибо, братцы!» и стал с наслаждением плескаться. Напряжение мгновенно спало, раздался громкий солдатский гогот, кто-то по-дружески хлопнул по спине «шутника», а те, кто оставил тазы и бежал из палатки, сконфуженно вернулись на свои места. Теперь уже над тем, кто остался без таза, незлобиво подшучивали солдатские весельчаки...

Так кончились у меня первые и последние солдатские вши. Больше они не появлялись до конца войны.

Вечером, на открытом воздухе, нам показали кинофильм. Мы были в 5-7 км от линии фронта. Днем изредка слышались взрывы снарядов и мин. Вечером было тихо. Проходили дни. По скоплению солдат вблизи фронта, по тому, как к фронту подходила артиллерия, по оживлению, возникшему в солдатской массе, чувствовалось, что идет подготовка к наступлению. И этот момент настал. Нас повели на передовую. Впереди, может быть, в километре, может быть, больше, в предутренней дымке виднелась небольшая

деревенька. Задача – взять эту деревню. Как она называлась?.. Озерное? Боровое? Высоково? Какая разница. Она – наша и стоит на нашей родной земле!

Говорят, что уже были две попытки взять ее – но это не удавалось сделать. Сейчас – третья попытка. Три – число счастливое, и солдаты верят в свою удачу. Если бы немцы не стреляли – тут, полем, по снегу, можно было бы пройти это расстояние пешком за 15-20 минут. Почему же раньше ее не взяли? Недооценили силы немцев? У меня было состояние смятения, которое я пытался скрыть. Напряжение перед первым боем, когда мне придется идти в атаку, опасность смерти – вот он тот бой с фашистами, о котором я часто думал. Все это отразилось на моем лице, я потерял уверенность...

- Не робей, Петр! Веселей! Не бойся! - рядом оказался Македон. – Делай все как я, не отставай...

- Да я не боюсь, - старался, как можно спокойно, ответить я. Но я не узнал своего голоса – получилось что-то хрипкое, и улыбки не получилось вовсе. Ноги отяжелели, руки плохо подчинялись голове.

- Это всегда бывает первый раз, - сказал Македон. – Сейчас начнется артподготовка, и ты успокоишься.

- Да я не боюсь, - я старался ответить бодрее. – А танки будут с нами?

- Нет, не будут, - ответил Македон.

- А как же мы прямо так и пойдём?..

- Так и пойдём. Пока будет наша артподготовка и пока фрицы разберутся, что к чему – нам надо как можно быстрее и ближе подойти к деревне.

Я осмотрелся – кругом меня были такие же солдаты, как я, ведут себя спокойно. Все впились глазами в недалекую деревеньку...

Мощный залп «Катюш» потряс воздух, и часто-часто, выбивая неправильную тяжелую барабанную дробь, раздались залпы пушек и минометов. Перед деревней, в самой деревне, где-то в лесу за деревней возникали и гасли снопы взрывов и огня. Раздалась команда «Вперед! Вперед!». Солдаты выбежали из опушки леса в чистое поле. Македон кричал

мне «За мной! Не отставай!». Я увидел совершенно незнакомое лицо Македона – оно было твердым и жестоким, взгляд его был неподвижным и сверкающим. Все это длилось мгновение. Я устремился за Македоном, а он уходил все дальше и дальше, вперед. Боязнь, страх потерять Македона, в котором я видел сейчас и своего командира, и свое спасение, боязнь, что после боя Македон упрекнет меня в страхе перед ненавистными фашистами, гнали теперь меня вперед. Я не сразу заметил, что немцы уже начали отстреливаться. И только тогда, когда кто-то рядом страшно закричал, когда до меня донеслись крики «Ура», я впервые осознанно осмотрелся и увидел, как часть солдат продолжала бежать вперед, часть залегла и стреляла из винтовок по деревне, а некоторые в странных позах застыли на снегу. Я услышал свист пуль вокруг себя, задыхался, почувствовал, что если лягу, то не смогу подняться. Вокруг меня – и спереди, и сзади, и с боков непрерывно взрывались мины, пули свистели, вспарывали снег – казалось, уцелеть невозможно. Деревня стала совсем близко, дома стали большими, сзади слышались стоны – я почувствовал, что ко мне возвращается способность воспринимать окружающее. Мне показалось, что стрельба стала меньше. Но непонятно, куда стрелять – я не видел ни одной цели. Вдруг совсем близко, с чердака одного из домов, ударил сверкающий фонтанчик пулеметной очереди, и в то же мгновение тот же чердак взлетел в воздух – откуда-то сзади наши артиллеристы с потрясающей точностью и оперативностью уничтожили это вражеское гнездо. Я увидел, что цепь наших бойцов продолжает атаку, солдаты были и справа, и слева, ближе к деревне ширилось и крепло «Ура», стало видно, как неуклюжие фигуры немцев отступают, перебегая от дома к дому, изредка отстреливаясь без всякой цели. Сильный немецкий минометный обстрел стал на глазах наших солдат заслоном, появились убитые и раненые, мы залегли в каких-то десятках метров от деревни и уже теперь старались вести прицельный огонь по немцам.

Я услышал команду: «Перебежками! Вперед!». Раздался еще залп «Катюш», но теперь снаряды улетели куда-то за деревню. Солдаты, как на учении в запасном полку, кто перебежками, кто ползком, продвигались к деревне. Сбоку, немного впереди, слышались стоны. Я решил подобраться к раненому:

- Тебя куда задело? Тебе помочь?

- Давай, давай вперед, - морщась от боли, сказал раненый. – Тут до деревни осталось близко. Со мной ничего не случится – санитары подберут. Давай, вперед!

Я услышал новые крики «Ура!», топот солдатских ног, тяжелое дыхание пробегающих бойцов, ружейные выстрелы. Сам вскочил и, уже не обращая внимания на свист пуль, бросился вперед к деревне. Я снова вписался в строй нападающих бойцов – я их видел справа и слева - бежал последние метры по деревне и вдруг понял, что немцы перестали стрелять. Потом увидел, что немцы бегут из деревни к лесу – их было немного. Цепь наших бойцов втянулась в деревню. Наши уже прицельно стреляли по немцам и с колена, и стоя. Было видно, как из убегающей немецкой цепи, неуклюже взмахивая руками, как бы спотыкаясь, роняя винтовки, падали убитые и раненые немецкие солдаты. Их никто не пытался подобрать. Странно вытягивая ноги из глубокого снега, бежали по целине немецкие солдаты. Это была первая моя победа в первом открытом бою с фашистами. Я почувствовал, как спадает напряжение боя, как радость победы и жизни охватило все мое существо, я искал взглядом Македона и вдруг у забора увидел труп немецкого солдата: обезображенное лицо залито застывшей на морозе кровью, немец лежал на левом боку с нелепо выгнутой назад левой рукой. Раздробленная винтовка лежала в двух шагах от немца. А чуть дальше чернела воронка от нашего снаряда. Подошел командир отделения – сержант. Сказал: «Молодец, Исаев! Хорошо воевал!». А потом спросил: «Ты Македона не видел?»

- В начале атаки видел, - ответил я. – Бежал за ним, а потом отстал и потерял из виду...

- Неужели его ранило? Или убило? – про себя рассуждал сержант. – И, вообще, - продолжал сержант, - кроме тебя я никого не вижу из отделения.

- Что дальше делать? – спросил я.

- Надо собрать отделение, доложить командиру, потом обедать... Кого увидишь из наших – пусть останутся с тобой...

Сержант ушел. Редкие разрывы мин и снарядов и затихающая ружейная трескотня уже не производили на меня впечатления. Мне казалось, что наступила тишина.

В пылу боя я не заметил, сколько прошло времени после начала атаки. Подъехала полевая кухня с обедом. Содаты потянулись к ней с котелками. Подал котелок и я. Повар, захватив громадный ковш горохового супа с салом, налил мне котелок доверху.

- Куда ты мне столько – я же не съем, - сказал я.

- А мне куда девать этот суп?! Вон сколько убитых и раненых. Все равно суп придется выливать. Ты – живой, вот давай и ешь за всех...

Неожиданно солдаты устали на дороге, проходившую по единственной улице занятой деревни – кто-то из наших вел пленного немца.

- Да ведь это Македон фрица сцапал! Как же ты его поймал, Македон?

- А бис его знаэ, - весело, с акцентом, отвечал Македон. – Ворвался я в деревню – смотрю, хрицы тикають. Прямо из деревни через поле в лес – здоровяки такие! А этот сморчок, - Македон показал на пленного немца, - як малая утя вытаскивает свои тонкие ножки из снега по очереди и страшно вэртить головою: то на своих посмотрит, то на мэне зыркне. Я бегу за ним, страшно так – он и поняв, что я его просто так уж не оставлю! Бегу за ним и думаю: «Если эта собака будэ стрелять в мени – заколю его як паршивую гадюку!» Пробежав я ишо немного, - смотрю он винтовку свою откинув як его ошпарило чем, сам став на колени, руки пидняв и бормочэ: «Гитлер капут! Гитлер капут!», а в глазах тоска. Пожалев я его..

Солдаты весело смеялись над рассказом Македона, все было так просто, так естественно, что стало даже странно: чего же можно бояться на войне!

Немец производил жалкое впечатление: обутый в большие резиновые женские боты, поверх которых было повязано тряпье, голова в каске, покрытой женским платком. Мы впервые чувствовали превосходство над немцами – кроме ощущения победы в нас просыпалось достоинство бывалого русского солдата, вера в наши неисчислимые силы. И это ощущение силы и достоинства влил в нас Македон, здесь, в эти мгновения. И из головы и сердца улетучивалась романтическая чепуха.

Реальность происходящих событий, жизнь и смерть, идущие рядом с молодыми солдатами, первая победа, первый пленный немец, добытый в бою, радость победы выковывали новый тип солдата: смелого, честного, веселого, жизнерадостного, опытного, которого уже непросто вывести из этого состояния. Как же все это было не похоже на юношеские мечты вчерашних школьников о борьбе с фашистами!

Македон увидел меня и сказал при всех:

- Молодец, Петр! Хорошо воевал.

И эти слова были для меня сейчас самой высокой наградой. Но где он меня видел? Как он видел?

Я сказал ему:

- Приходи скорее, Македон! Тебя сержант искал...

- А я сейчас... Отведу сморчка в тыл и приду суп есть...

В отделении, в котором я оказался после перевода из УР'а, после атаки нас осталось только трое: сержант, Македон и я. Двоих убило, шестерых ранило. К вечеру, без боя, мы пришли в соседнюю, почти не разбитую деревеньку, отстоявшую от нами занятой не далее трех километров. Почему немцы не стали ее защищать – ответить трудно. Наверное, по каким-то причинам давать бой здесь немцам было невыгодно, а может быть, их где-нибудь обходили наши войска, и они бежали отсюда со всей возможной скоростью.

В деревне было тихо. Солнышко садилось за лес. Справа и слева гремела канонада. А здесь за день растаял снег на дороге, образуя лужицы. С крыш домов и сараев свешивались сосульки и с них текли струйки воды, вливаясь в ручейки во дворах и на улице.

- Куда же все это течет? – спросил у меня Македон.

- Наверное, в реку Ловать. Она где-то здесь недалеко...

- Большая или малая река? Почему я ничего не слыхал о ней?

- Большая, Македон! Глубокая. Болот кругом много...

- Э-э-э... Потонем опять в болотах, - проворчал Македон. – Надоело мне здесь воевать! Хочу на Украину...

- Хорошо бы Ловать успеть перейти по льду. А то разольется – и конец.

- Да-а-а..., хорошо бы, - мечтательно сказал сержант. – К Лениграду бы поближе. Глядишь, немцы бы там заволновались...

- Э-э-э, да ты сержант – стратег, - весело сказал Македон...

До реки Ловать мы дошли, - а дальше стоп! Все! Кругом вода. Весна, развезло дороги, куда ни ступишь ногой – утопаешь по колено. Наступила тишина. Теперь можно писать домой письма. Только Македону писать было некому, и не от кого получать письма. Он ходил мрачный, и эта остановка войны была для него тяжелее самого тяжелого боя.

Примечание редактора.

Первый боевой эпизод, описанный в этой главе, по-видимому имеет отношение к следующим событиям, изложенным в журнале боевых действий 253-ей стрелковой дивизии (сд) за 1942-1943 гг.

30.03.43г. Противник в 6.00 начал арт. наступление на участке 983 стрелкового полка (сп) в лесу юго-вост. колхоза (клх.) Пенна, ведя огонь на всю глубину боевых порядков и тылов из районов: Марфино, Псковитино, Лысьи Горки, Нагаткино, лес 2 км. зап. Дмитрово.

8.30 после арт. подготовки до роты противника, из района леса 1,5 км. юго-зап. отметки 30,7 перешли в наступление в сев-зап. направлении, огнем пулеметов и стрелков

противник остановлен и залег в 150-200 м. от переднего края 1 батальона 983 сп, после чего противник ввел 3 танка.

В 11.30 противник в этом же направлении бросил в атаку до двух батальонов, атака противника отбита, до 8 автоматчиков просочилось в наше расположение.

Высланы две развед. группы для ликвидации просочившихся автоматчиков.

14.00 до б-на пехоты противник вновь перешел в атаку из направления 2,5 км. юго-вост. клх. Пенна, атака противника отбита. 16.20 до двух полков пехоты противника наступали из направления рожи вост. Марфино, поляна 1,5 км. вост. Нагаткино, поляна 2 км. юго-зап. отм. 30,7. Отражая атаки противника, подразделения 983 сп вели тяжелые оборонительные бои, неоднократно переходя в рукопашные схватки и неся большие потери, удерживали занимаемый рубеж. На участке соседа справа (182 сд), противник овладел клх. Пенна., начал оказывать огневое воздействие во фланг и тыл 983 сп, продвигаясь из клх. Пенна на северо-восток.

По полуокруженным подразделениям 983 сп, противник производил мощные, непрерывные огневые налеты, одновременно атакуя их с четырех сторон, в результате в 17.30 противнику удалось выйти на линию дороги: клх. Пенна – Сычева.

В 18.00 получена последняя радиограмма от командира 2 стрелкового б-на, 983 сп капитана Павлова "умираем смертью храбрых, подрываю свой ДЗОТ"

Подразделения 983 сп остались в полном окружении, противник вышел на рубеж прежней обороны.

В 12.25 командиру 981 сп поставлена задача, группами немедленно сосредоточиться в районе коорд. 1342 с задачей действовать в направлении коорд. 1414, 1413 и совместно с 983 сп удерживать положение и содействовать соседу справа.

В 17.20 981 сп введен в бой. Недостаточное количество снарядов и мин не дало возможности оказания должного огневого сопротивления противнику. Бои по восстановлению прежнего положения продолжаются.

31.03.43г. Части дивизии продолжали вести бой с наступающим противником, отражая мощные атаки пехоты. Противник в течение дня вел сильный ружейно пулемет. и арт. мин. огонь по переднему краю, тылам и дорогам частей дивизии.

В 14.50 до батальона пехоты противника перешло в наступление на 983 сп.

Пулеметным и арт. огнем наступление противника приостановлено.

В 16.00 противник силою до батальона вторично предпринял атаку на участке 983 сп. Атака противника отбита, до 10 автоматчиков просочилось в наше расположение, которые с боем были отброшены и частью уничтожены.

981 сп с оставшимися 17 чел. 983 сп продолжает удерживать рубеж: коорд. 1342 Вб.

979 сп обороняет прежний участок обороны, оказывая огневую помощь 981 и 983 сп.

В 23.30 вышли из окружения две группы бойцов 983 сп, одна под командой л-та Цебрик в составе 14 чел., другая в составе 11 чел.

Итоги этого боя подведены в Формуляре 253 сд за 1942-1945 г.

30.03 – 31.03.43г. противник на участке 182 сд прорвал фронт и овладел клх. Пенна и участком обороны 983 сп. Потери 30.03.43г.: убито 354 чел, ранено 84 чел.

Потери противника: убито до 700 солдат и офицеров.

Второй эпизод и события, описанные в следующей главе, освещены в Формуляре 253 сд следующим образом.

Согласно приказа Штарма 27, №024 02.04.43г., 253 дивизия двумя полками перешла в наступление в направлении Нагаткино, имея ближайшей задачей овладеть рубежом: лес вост. Марфино, зап. берег болота с отм. 30,7 на левом фланге, оттеснить противника к вост. берегу болота с отм. 30,7. В результате упорного сопротивления противника и малочисленности личного состава дивизия успеха не имела. С 06.04. по 10.04.43г. дивизия прочно удерживала занятые районы обороны.

10.04.43г. дивизия согласно б/распоряжения Штарма 34, №0026 от 06.04.43г., сдала полосу обороны 37-ой сд и вышла во 2-ой эшелон 34 А.

Согласно б/распоряжения Штарма 34, №0032 от 03.05.43г., 253 дивизия совершив марш сосредоточилась в районе Куженкино, где вошла в состав 52 А.

Дивизия в составе 52 А с 12.05.43г. начала формирование и боевую подготовку личного состава.

08.07.43г. дивизия, согласно шифр. телеграммы Штарма 52, начала погрузку для перевозки по ж/д станция погрузки – Куженкино, ст. разгрузки Придача (Воронеж).

5. Отдых и формирование

«... Уже весной 1943 г. Советское Верховное Главнокомандование располагало данными о готовящемся летнем наступлении немецко-фашистских войск в районе Курской дуги... В связи с этим в тылу советских войск к востоку от Курского выступа на рубеже Тулы, Елец, Старый Оскол, Россошь ставка сосредоточила крупные стратегические резервы. В указанные районы выводились соединения и объединения, участвовавшие в битве под Сталинградом, в боях под Ленинградом, а также на других участках фронта...»⁶⁰.

⁶⁰ И.С.Конев. «Записки командующего фронтом. 1943-1944 гг.». Изд-во «Наука», 1972, с.8.

«... Длительная оперативная пауза, установившаяся на фронтах с апреля по июль, благоприятствовала успешному и высококачественному завершению боевой и политической подготовки по специально разработанной фронтом программе...»⁶¹.

На всех фронтах наступило затишье. Солдаты «загорали» - т.е. не воевали. А служба солдатская все равно шла. Начищенные до блеска ружья, чистые белые подворотнички, боевые охранения, наряды, постоянное наблюдение за противником, боевая учеба – все было. Что значит «боевая учеба»? А то, что примерно одна треть личного состава батальона находится на передовой, а две трети отводятся на два-три километра в тыл и там обучаются приемам войны, изучают новую технику свою и противника, учатся распознавать в воздухе самолеты противника, учатся бороться с его новыми танками.

А кругом – весна, весна 1943 года! У солдат отличное настроение: и под Сталинградом «дали» немцам прикурить, и с Кавказа выгнали, да и под Москвой, на северо-западном фронте сами кое-что сделали. «... На северо-западном фронте, ликвидировав врага в районе Демянска, наши войска вышли на реку Ловать...»⁶² - в этих успехах есть доля и моих усилий – об этом я написал в предыдущей главе.

В начале войны США и Англия обещали к концу 1942 г. открыть второй фронт против Гитлера на Западе. Но не открыли. И теперь молчат о нем – ни слова.

Президент США Рузвельт писал Сталину 19 августа 1942 г.: «... Соединенные штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 г., и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем к Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем

⁶¹ И.С.Конев. Там же, с.10.

⁶² Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.458.

это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом»⁶³.

14 августа 1942 г. (за пять дней до письма Рузвельта Сталину) Андрей Громыко писал из США в МИД в Москву «... Подавляющее большинство из генералитета армии США питали надежду и сейчас еще ее не оставили на истощение и гитлеровской Германии, и Советского Союза. Эти надежды совпадают с надеждами руководящих промышленных кругов, высказывавшихся об этом в начале войны открыто. Они не хотят победы Гитлера. Но еще больше они не хотят победы Советского Союза. И вот эти люди стоят сейчас во главе американской армии и ее подготовки. Эти люди представляют собой военное окружение американского правительства и его главы Рузвельта, на которое они не могут не оказывать влияния в качестве экспертов и советников и просто руководителей и организаторов армии...

Вторая группа генералитета США, вероятно, немногочисленная, но очень влиятельная, все еще лелеет надежды на сговор с Гитлером. Часть представителей этой группы занимает такую линию ввиду враждебности к Советскому Союзу из классовых соображений. Часть же просто еще одержима изоляционистскими иллюзиями, полагая, что даже в случае победы Гитлера, последний непосредственной угрозы для США все же не представит. Эти люди также обычно при разговорах на тему о втором фронте выпячивают в качестве основного аргумента якобы неподготовленность США к участию в его открытии...»⁶⁴. Конечно мы обсуждали между собой тему второго фронта. Мы догадывались, что верить союзникам нельзя и надо надеяться только на свои силы. Солдаты на фронте, хотя и огорчались, что США и Англия не открывают второй фронт на Западе, относились к этому обману союзников с элементами презрения и солдатского юмора, понимали, что как бы ни было тяжело, войну придется выигрывать самим. В тот момент

⁶³ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.458.

⁶⁴ «Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», т.1. Изд-во политической литературы, 1941-1943, с.225-226.

нас больше волновал главный вопрос: как теперь воевать будем – опять летом немцы, а мы – зимой?

Вероятно, во второй половине мая наш стрелковый полк был снят с северо-западного фронта и пошел, пошел куда-то на юг – по солнцу мы видели, что идем на юг...

Здесь, я хочу сделать важное отступление. Я хочу выразить искреннюю благодарность и признательность моему сыну, который воспользовавшись ресурсами Интернета детально проследил фронтовую дорогу мою и моего папы, то есть он проследил фронтовой путь своего отца и своего деда – от момента нашего призыва в Красную Армию в начале и середине 1942 года, соответственно, и до нашего возвращения домой в 1945 г. в родное село Коршево. В воспоминаниях генералов и маршалов речь идет о фронтах и армиях, а такие армейские единицы как полк, дивизия и даже стрелковый корпус почти не упоминаются.

Подготовленные им материалы начинаются с записей в моей красноармейской книжке:

30.11.1942 – 20.12.1942, 108 ЗСП (запасной стрелковый полк), 2-ой батальон, 6-ая рота;

20.12.1942 – 15.03.1943, 91 УР (укрепленный район), артиллерийская батарея, 333 ОПБ (отдельный пулеметный батальон);

15.03.1943, 253 СД (стрелковая дивизия), 983 СП (стрелковый полк);

27.06.1943, оперативный отдел штаба полка, сержант.

Периоды боевых действий (сроки вхождения в действующую армию) и состав 253 стрелковой дивизии (III-его формирования) были указаны согласно перечню № 5 «Положения о порядке отнесения объединений, соединений, частей,... к составу действующей армии в период Великой Отечественной Войны». Путь 253 стрелковой дивизии, в которую входил мой 983 стрелковый полк, был также прослежен на основании документа, который называется «Боевой состав Советской Армии в 1941-1945 гг.». В этом документе по месяцам указаны названия фронтов, номера входящих в

них армий, стрелковых корпусов и дивизий. Таким образом, на основании этих данных 253 СД участвовала в боевых действиях в следующие периоды:

31.10.1942 г. - 12.05.1943 г., 34-ая и 27-ая армии, СЗФ

(Северо-Западный фронт);

25.08.1943 г. - 03.12.1943 г., 47 ск, 40-ая армия, ВФ

(Воронежский фронт);

15.12.1943 г. - 12.03.1944 г., 105 ск, 65-ая армия, БФ

(Белорусский фронт);

18.04.1944 г. - 11.05.1945 г.; 21 ск, 3-я гвардейская армия, 1-ый УФ

(1-ый Украинский фронт).

Справа указаны номера воинских соединений – стрелковых корпусов (ск) и армий, а также названия фронтов куда входила 253 СД. По уточненным данным в период боев с 12.11.1943 г. по 03.12.1943 г., после вывода с букринского плацдарма (западный берег Днепра), 253 СД входила в состав 52 ск, 40-ой армии, 1-ого Украинского фронта. Об этом я буду писать чуть ниже, когда буду описывать бои за Днепр.

Теперь я видел по мемуарной литературе путь моей армии и задачи, которые ставило Верховное командование перед моей армией и фронтом, куда входила моя дивизия. Теперь жизнь рядового солдата становится осмысленной, становится понятно, куда и зачем меня посылали и что я делал, ради чего рисковал жизнью.

Итак, согласно этим материалам видно, что еще 1 декабря 1942 г. я был на Северо-западной фронте (СЗФ), в составе 34 армии, 91-го укрепрайона, 333 артиллерийско-пулеметного батальона (ОАПБ). После 15 марта 1943 г. я был переведен в 253 СД, которая сначала входила в состав 34 армии, а с апреля 1943 г. дивизия была уже в составе 27-ой армии СЗФ.

В начале мая 1943 г. 253 СД была выведена в резерв Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) в 52 армию – видимо, на юг нас переводили именно в 52 армию.

Из этих данных видно, как часто менялись составы фронтов, армий, корпусов, а иногда и дивизий, и почему солдат часто не знал, где и в каком воинском соединении он служил и в какой военной операции он принимал участие. Может быть, поэтому солдатские мемуары теряют историческую глубину своего содержания, а в мемуарах маршалов и генералов нет основного персонажа войны – простого солдата.

Я помню во время нашего перехода с Северо-Западного фронта на южное направление стояли погожие майские дни. Вспоминаются прекрасные майские утренние часы, когда туман не сошел еще с влажных лесных полей и лугов, когда солнце только-только взошло, окрасило верхушки деревьев и изумрудами сверкает на росинках луговых трав, а птицы в лесу щебечут так, что от радости жизни сердце чуть не выскакивает из груди. Мне было тогда девятнадцать лет, только девятнадцать!

Солдат – молодой, обутий, одетый, сытый, ухоженный, с прекрасным боевым настроением. Мы проходили местами недавно прошедших боев: разбитые деревья оделись в зеленый весенний наряд, и разруха не так видна. Только вот женщины и дети, старики и калеки одеты плохо. Так плохо, что смотреть на них мучительно больно. Лошадей нет, работают вручную, пашут на коровах, а кое-где сами тянут плуги. И становится солдатам не по себе от того, что они сыты и обуты, а вот их матери, дедушки и бабушки, младшие братья и сестры так страдают от всяческой нехватки. Как же все это произошло? Почему?

- Ребятунки вы наши родные! – говорит пожилая женщина у колодца. - Наше сердце радуется, когда мы видим, что наши страдания не пропадают даром! Только чтобы у вас все было хорошо, только бы вы были обуты и одеты, да накормлены как следует. А о нас не беспокойтесь – проживем как-нибудь. Сейчас вот щавель, крапива, яички, молочко пошло. С хлебом трудновато, соли нет... А потом пойдут лук, картошка, вырастет новый хлебушек – и нам дадут понемногу. Испечем мягкий, теплый хлебушек, да с картошечкой, да пойдут малосольные огурчики – и у нас все будет хорошо!

И такую красивую картину рассказала женщина солдатам, что забыли они про то, что на ней старая залатанная юбка, вылинявшая кофточка, что у нее поблекшие от горя, забот и слез глаза, на руках потрескалась кожа, а на ногах – какие-то немислимые тапочки домашнего производства. Сейчас она стояла перед ними как одухотворенная мать, радующаяся счастью и успехам своих сыновей. И лицо ее просветлело, и слова хорошие, и заулыбались ребята: «Спасибо, мать! Вот еще немного – и прогоним мы проклятых фрицев со всей нашей земли! И все будет хорошо...»

- Верно, сынки, верно! Солдатской вам удачи!

Построились солдаты в колонну, поправили винтовки и вещмешки за плечами и опять пошли, пошли.... А женщина все стояла у колодца, все смотрела на них и вытирала кончиками платка слезы. Что у нее? Какое горе? А может быть, от радости? От большой хорошей радости женщины тоже плачут.

После нескольких переходов нас посадили в эшелон и привезли в Воронежскую область. Это для меня было и неожиданной радостью и обернулось большой заботой – мне захотелось побывать дома!

Наш полк расположился в Воронежской области в селе с каким-то длинным названием.... Да и само село раскинулось в длину на 20 с лишним километров. Я обратился с просьбой к командованию полка отпустить меня домой в село Коршево на побывку на несколько дней и получил на руки такой документ:

«М»

*Народный комиссариат
обороны Союза СССР
983 стрелковый полк
27 июля 1943 г.
№ У/277*

*Командировочное предписание
Красноармейцу Исаеву
Петру Степановичу
С получением сего предлагаю Вам убыть
в служебную командировку в с. Коршево
Бобровского района Воронежской области.
Срок командировки действителен на четверо*

Суток с 27 июля 1943 г. по 1 августа 1943 г.

Печать

Начальник штаба 983 СП

Майор

/Майоров/

Моя мечта сбылась – я еду «домой на побывку».

Что же было известно командованию полка, если моя побывка в Коршево приходилась на время больших боев на Курской дуге, а мне разрешили поехать домой? Правда, в это время наши войска уже перешли в решительное наступление, а наша армия была в резерве Ставки Верховного Главнокомандования.

6. Домой на побывку

«... Привет тебе, народ родимый,

Герой труда неустомимый

Среди зимы и в летний зной!

Привет тебе, мой край родной...»

С.Д. Дрожжин. «Привет» (1885 г.)

В хозяйственном взводе (в хозвзводе) старшина по моей просьбе выдал мне хлеба, сало, сахар, соль, какие-то крупы и консервы – получилась вещевая сумка весом 8-10 килограммов. Теперь я мечтал, что когда приеду домой, то привезу маме, брату Сереже и маленькой сестре Шуре столько вкусной еды, которую они не видели последние полтора года – время, в течение которого ни меня, ни папы не было дома. Как мама жила эти годы? Мне она ничего не писала о своем житье-бытье, а с папой у нее была оживленная переписка. Мама была неграмотной – не умела ни читать, ни писать – это было наследие царского времени – на селе практически все женщины старше 40 лет были неграмотными. Письма папе на фронт писал мой брат Сережа под диктовку мамы – ему в это время было 12 лет, и он учился в четвертом классе. Каким-то удивительным образом у папы

сохранилась переписка военных лет, начиная с 10 августа 1943 года, в том числе мои фронтовые письма и письма, написанные Сережей из дома. Иногда я буду включать выдержки из этих писем в текст воспоминаний.

В одном из сохранившихся писем мама с помощью Сережи писала папе на фронт (стиль и орфография сохранены):

Дорогой Стеша!

.... здоровье наше у всех нормальное и ты пока об нас не беспокойся, о здоровье. Стеша, хлеба у нас может быть будет 2 пуда, а может быть и меньше. Стеша, огород мы уже посадили и сами взрыли и посадили 15 соток картофелем, а остальное пойдет на кукурузу, капусту огурцы и т.д. Стеша, коза у нас цела, она у нас уже окатилась, окатила она у нас двух и они уже окончили свою жизнь, т.е. сдохли. Молоко мы кушаем часто, особенно Шурочка⁶⁵. Коза у нас ходит в стаде. Куры у нас целы, но только осталось 3 куры и один петух, а одну задрал ястреб, но мы яйца тоже едим часто, особенно Шурочка.... Стеша, мы от тебя получили деньги 600 р, и еще ты нам послал 800 р, но мы их еще не получили. Стеша, от картофельных семян у нас осталось еще несколько ведер картофеля. Стеша, как мы получим 800 руб. так мы должны купить пуд кукурузы, и просо пуд - 700 руб

Папа, ты мне пришли бумагу, только в конверте. Папа, я от тебя получил бумагу 6 листов. Твой сын Исаев Сережа. 7 мая 1944 года.

Сохранившаяся переписка отца с оставшимися дома родными дает подлинную картину тяжелой полуголодной жизни села в годы Великой Отечественной войны.

Но вернемся к моей поездке на побывку в родное село Коршево. Конечно, ни о каких пассажирских поездах и билетах не было и речи, я сел на один из проходящих «товарняков» - в тамбуре – там уже было 4-5 таких же «отпускников» вроде меня, и мы поехали на Воронеж. В Воронеж приехали утром, около 10 часов, измученные и не выспавшиеся. На станции Воронеж наш «товарняк» загнали в какой-то тупик, я пересел на другой «товарняк», который должен был идти на Лиски (крупный железнодорожный узел в Воронежской области). Здесь тоже нас «отпускников» собралось 5-6

⁶⁵ Шура – моя 4-х летняя сестра.

человек. Рядом с вагоном, в котором мы расположились, на земле лежали бревна, и мы все вылезли на эти бревна – посидеть, погреться на солнышке. Настроение у всех хорошее – «едем домой на побывку», разговоры веселые. Мы пригрелись на солнышке, глаза слипаются – спать хочется, ночь не спали. Я даже прилег на бревнышке.... Когда я открыл глаза, со мной рядом никого не было, не было моего поезда и не было моего вещмешка – он был в тамбуре, как у всех, и уехал... вместе со всеми. Это был страшный удар для меня! Я не мог понять, не мог простить себе – как я мог уснуть, не мог простить моим попутчикам – почему не разбудили меня и уехали с моей вещевой сумкой – самым ценным, что было в этот момент в моей жизни! Как я появлюсь теперь дома пустым, без продуктов, которые я собирал с такой любовью и настроением для своей голодной семьи? Меня охватила необъятная, невыносимая горечь. С чем я приеду домой?! Это ощущение страшного горя, потери, душевной боли у меня не проходит даже сегодня, спустя 70 лет, сегодня, когда я пишу эти строки. Как ни страшен был для меня этот психологический удар, а ехать домой надо. И я поехал. Я доехал до Лисок, в Лисках пересел еще на один товарняк, который шел до Боброва, и вот, наконец, я в Боброве, в своем родном районном центре, на железнодорожной станции. Кроме меня из товарняка высыпали еще два-три десятка солдат, и все устремились к торговым столикам, за которыми стояли местные женщины-колхозницы, которые меняли вареную картошку, кукурузу, соленые огурцы, помидоры на все, что предлагали им солдаты. Вышел я из тамбура, без сумки, с пустой, измученной душой и сразу уперся взглядом в свою маму – она стояла за торговыми столиками вместе с другими женщинами и меняла вареную картошку на соль. Сердце мое защемило так, что, казалось, оно разорвется от боли. Я не знал, как мне вести себя, что сказать маме. Неопишуемая радость мамы от встречи со мной, зависть ее соседок по поводу столь неожиданной встречи с живым сыном настолько были яркими, что отодвинули на время мою горечь. Я на время забылся, а когда стал рассказывать маме, как я «не довез» до дому вещмешок

с продуктами, она как-то легко отодвинула мою беду: «Да бог с ним, твоим мешком – важно, что ты приехал к нам живой, здоровый, а еды у нас хватит, с голоду не помрем» – встреча со мной была для мамы дороже всего на свете.

До села Коршево было около 8-10 километров, я сейчас не помню, как мы добрались до дому – скорее всего на подводе с кем-нибудь из знакомых моей мамы. Я с трудом узнавал улицы родного села: они стали чужими, незнакомыми, неуютными, с пустыми прогалинами исчезнувших домов, несли на себе печать запустения, бедности, неухоженности и разрухи. Я пробыл в селе, в котором прожил 18 лет, два дня и постепенно привыкал к его новому облику. Знакомых не было, уличная жизнь затухла. И лишь брат Сережа и сестра Шура, работа на огороде, да беседы с мамой поддерживали мой жизненный домашний тонус. Глядя на радующихся брата и сестру, я со страшной горечью вспоминал пропажу моей «хлебной» сумки. Они ничего об этой пропаже не знали. Я не считаю себя верующим человеком, но иногда думаю: «Неужели Господь Бог сохранил мне жизнь на войне восполнив эту страшную потерю, о которой я с болью в сердце вспоминаю до сих пор?!»

Я вернулся в полк без опоздания, но радости от посещения Коршева у меня не было! Полковая солдатская жизнь вскоре заставила меня забыть мое личное горе. Военные победы на Курской дуге вывели Красную Армию на берега Днепра. Предстояла битва за Днепр, в которой наша дивизия снова вступила в бой с фашистами. С помощью материалов, подготовленных моим сыном, я вспоминаю, где я был и что делал.

В этих материалах есть записи:

01.08.1943 г. – Резерв Ставки Верховного Главнокомандования – 52 армия, 72 стрелковый корпус и перечень дивизий в составе корпуса: 93,136,137, 253 (моя дивизия), 254,....

Первое августа – день моего возвращения в полк после «побывки» дома. А начиная с 25 августа 1943 г., моя 253-я стрелковая дивизия уже участвует

в боевых действиях в составе 47 стрелкового корпуса, 40 армии Воронежского фронта.

01.09.1943 г. – Воронежский фронт, в его состав входит 40-я армия, а в нее 47 стрелковый корпус (СК), включающий 29-ую, 38-ую, 61-ую, 253-ю (мою) стрелковые дивизии...

01.10.1943 г. – Воронежский фронт, 40-я армия, 47 СК (38, 161, моя 253, 337 стрелковые дивизии).

01.11.1943 г. – 1-й Украинский фронт, 40-я армия, 47 СК (253 СД,)

03.12.1943 г. – 253 СД выводится из боевых действий и находится в составе соединений и частей фронтового подчинения.

Ранее, читая мемуары маршалов Г.К.Жукова, И.С.Коневы и других генералов, я нигде не встречал упоминания номера моей, 253 СД. И вот теперь, по материалам, подготовленным моим сыном, появилась возможность проследить за моей воинской судьбой в 1943 году – по номерам армий 52-й и 40-й, в состав которых входила 253 стрелковая дивизия. У маршала Жукова, например, есть такие строчки:

«... 23 июля (речь идет о 1943-ем) советские войска, преследуя противника, вышли на рубежи севернее Белгорода и в основном захватили оборонительные позиции, которые Воронежский фронт занимал до 5 июля... Общий замысел контрнаступления под Белгородом заключался в следующем. Воронежский фронт наносил главный удар силами 5-й и 6-й гвардейских армий, 5-й гвардейской танковой и 1-й танковой армий в общем направлении на Валки и Нов. Водолагу. Плотность артиллерии на участке прорыва 5-й и 6-й гвардейских армий была доведена до 230 орудий и минометов на 1 километр фронта, а танков до 70 единиц. Дивизии получили для прорыва полосы до 3 километров.

Такое массовое сосредоточение средств прорыва вызывалось тем, что в первый же день контрнаступления здесь планировался ввод в прорыв двух танковых армий. Правее переходили в наступление 40-я и 38-я армии в

общем направлении на Грайворон и далее на Тростянец. Поддержку с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С.А.Красовского...»⁶⁶.

Могут ли рядовые солдаты увидеть себя участниками этой операции, если они не знают, что их 253-я СД входит в 47 СК, а 47 СК входит в состав 40-й армии? Конечно, солдаты этого не знали!

7. Бой под Лебединым

Дорогой папа!

Я жив и здоров. Настроение бодрое. 31.8.43 г. вступили в бой. С домом связь имею.... С приветом! Подпись. З/IX-43г.

Итак, первого августа я вернулся в полк после моей побывки в Коршево. Контрнаступление наших войск в районе Белгорода началось утром 3 августа.

В книге И.Маркина «Курская битва»⁶⁷ есть такие строчки: «... С 23 июля началась усиленная подготовка советских войск к наступлению... 1 августа 1943 года состоялось совещание командующих фронтами и армиями, на котором были подведены итоги подготовки к проведению Белгородско-Харьковской наступательной операции. Второго августа была закончена вся работа по подготовке операции, а в ночь на 3 августа советские войска начали занимать исходное положение для наступления.

В 5 часов 3 августа артиллерия и минометы Воронежского и Степного фронтов дали мощный пятиминутный огневой налет по вражеским позициям.

В течение 5 августа... прорыв был развит в глубину до 65 километров.... Положение противника перед Воронежским фронтом намного ухудшилось в результате ударов войск 27-й и 40-й (в середине августа в ее состав вводится моя 253 СД) армий, которые по указанию маршала Советского Союза Г.К.Жукова с утра 5 августа перешли в наступление, прорвали оборону

⁶⁶ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления», Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.496-497.

⁶⁷ И.Маркин. «Курская битва», Военное изд-во Министерства обороны Союза СССР, Москва, 1958, с.249,250 и далее.

противника на фронте до 30 км и вклинились в его расположение на глубину более 15 км. Над вражескими войсками в районе Борисовки и севернее нависла угроза полного окружения...».

Непосредственно к Харькову примыкал ряд таких крупных городов, превращенных противником в мощные узлы сопротивления как Белгород, Полтава, Ахтырка, Чугуев, Погодухов, Лебедин и др. Таким образом, начиная с 25 августа 1943 г. я принимал участие в этих боях Воронежского фронта в составе 253 СД, 47 СК, 40-й армии.

«... На западном участке этого фронта (направление на Ахтырку. – П.С.И.) войска 27-й и 40-й армий, наступая на юго-запад и частично на запад, за два дня продвинулись вперед от 15 до 28 километров и овладели крупными населенными пунктами Краснополье, Славгородок, Большая Писаревка. Противник на этом направлении дополнительно ввел в сражение снятую с фронта в районе Сумы 323-ю пехотную дивизию и часть сил танковой дивизии СС «Великая Германия»...»⁶⁸.

А что в этой ситуации чувствовали рядовые солдаты на передовой? Противник значительно усилил артиллерийско-минометный огонь, и перед нами появились танки.

Я не помню названий всех перечисленных населенных пунктов, которые мы брали с боями или проходили где-то рядом, я помню только название города Лебедин и утренний бой за этот город.

С группой солдат, справа и слева от меня было человек по 30-40 – это то, что я мог видеть, мы вошли на окраину города на какую-то улицу, и сразу же попали под ружейно-пулеметный обстрел. Рассеялись – кто где был, там и залег. Кто-то спрятался за постройки, а я с несколькими солдатами оказался на огороде, и мы залегли в картофельную ботву. Вдали, может быть в полукилометре, медленно передвигался туда-суда «Фердинанд» и водил стволом орудия в нашем направлении. Вдруг мне показалось, что ствол его орудия уперся прямо в меня – но я ведь лежал на земле и вроде бы в ботве

⁶⁸ И.Маркин. «Курская битва». Военное изд-во Министерства обороны Союза СССР, Москва, 1958, с.259.

меня увидеть трудно. Наверное, у «Фердинанда» в оптическом прицеле я был как на ладони.... Думать, или куда-то передвигаться, было уже некогда.... Раздался выстрел, и я оказался весь засыпанным землей: взрыва не было, но комья земли, пыль от прилетевшей ко мне «болванки» засыпали меня. В нос полез запах земли и пыли. Все произошло внезапно, мгновенно... Я почувствовал, что я еще живой и стал быстро переползать на другое место, но этот гад, видимо, вцепился в меня, следил за мной, и через несколько секунд прозвучал еще выстрел и еще одна болванка засыпала меня землей... Сколько же это может продолжаться? Секунды превращались в вечность. Думать мне было некогда.... Сзади наши артиллеристы уже взяли на прицел этого «Фердинанда» – появились взрывы вокруг него, и ему стало не до меня... «Фердинанд» стал пятиться, ушел куда-то за дома, а мы снова стали перебежками, цепью двигаться вперед. Потом мы удивлялись тому, что «Фердинанд» стрелял в нас не осколочными снарядами, а «болванками», которые предназначены для уничтожения танков. Видимо, у немцев дело было плохо со снабжением, если у «Фердинанда» не было снарядов.

В этот день мы освободили город Лебедин, и немцы отошли за речку Псел. Все это происходило в конце августа 1943 г.

Эпизоды боевых действий наших подразделений находили отражение в боевых донесениях, посылаемых из рот и батальонов в штабы полков и дивизий, и, может быть, эти донесения хранятся сегодня где-нибудь в армейских архивах – там описаны характерные черты боевых эпизодов, героические поступки отдельных солдат и командиров.

«...17 августа 40-я и 47-я армии нанесли удар во фланг и тыл группировки противника в районе Ахтырки... И хотя немцы в этом районе пытались контратаковать 40-ю и 47-ю армии и несколько замедлили темп нашего продвижения, ... это не помешало 40-й армии (это моя армия) освободить Лебедин и изгнать противника за реку Псел... Благодаря успешным действиям наших войск на белгородско-харьковском и лебединском

направлениях возникли выгодные условия для освобождения Левобережной Украины и Донбасса, а также форсирования Днепра...⁶⁹.

Естественный вопрос: что явилось решающим в разгроме врага в районе Курска? «К моменту оборонительного сражения советские войска, как в количественном, так и особенно в качественном отношении превосходили своего противника!...»⁷⁰.

8. По Украине

Добрый день папа!

Сегодня я пользуюсь случаем написать тебе большое письмо с подробным описанием всех своих походов, начиная с момента вступления в бой, то есть с 31 августа, 1943 г.... 31 августа, с марша, мы вступили в бой южнее Лебедина 20 км. Прогнав фрицев за 3 дня боев на 10 км., нас перебросили севернее Лебедина 5 км. и, начиная с 3 сентября и по 22 сентября, мы маршем прошли те 150 км., которые отделяли нас от Днепра, ведя бои с очень мелкими отрядами противника, примерно в 3 дня один небольшой бой.

..... С приветом! Твой сын – подпись. 17/XI-1943 г.

В ходе разгрома на Курско-белгородской дуге фашисты понесли огромные, невосполнимые потери в живой силе и технике, остатки немецкой армии не могли оказывать нам сопротивление, не было у немцев сплошной линии фронта и единственное место, где они надеялись нас задержать – был Днепр. И немцы начали отходить за Днепр. Тактика войны у них сменилась – теперь по дороге отступления они оставляли подвижные заградительные отряды, состоящие из нескольких танков, самоходных орудий, небольших групп солдат на автомашинах. Эти отряды задерживали мелкими арьергардными боями наши наступающие части на короткое время, давая возможность основной массе немецких войск оторваться от нашего преследования. Немцы спешили за Днепр.

⁶⁹ В книге «Курская битва». Изд-во «Наука», Москва, 1970. Статья К.С.Москаленко «Воронежский фронт в Курской битве», с.118-119. Кирилл Семенович Москаленко в период Курской битвы был командующим войсками 40-й армии Воронежского фронта. Позднее стал маршалом Советского Союза, героем Советского Союза.

⁷⁰ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.493.

Дорога отступления немцев представляла тяжелое зрелище. Помимо разбитой, брошенной техники мы видели распухшие от жары животы расстрелянных лошадей и коров, а в двух украинских селах видели повешенных селян-мужчин – по 5-6 человек на виселицах. У Эриха фон Манштейна в его книге «Утерянные победы» есть отдельная глава «Выжженная земля». На участке фронта в 700 километров было всего пять переправ через Днепр: Днепропетровск, Кременчуг, Черкассы, Канев и Киев. После переправы в этих пяти точках немецкие армии должны были снова на другом берегу занять оборону на фронте такой же ширины. Для этого им нужно было время, и надо было помешать нашим войскам продолжать быстрое и безостановочное наступление к восточному берегу Днепра. По этой причине немцы прибегли к тактике «выжженной земли». Манштейн пишет⁷¹.

«... В зоне 20-30 км перед Днепром было разрушено, уничтожено или вывезено в тыл все, что могло помочь противнику немедленно продолжать свое наступление на широком фронте по ту сторону реки... Одновременно, по специальному приказу экономического штаба Геринга, из района, который мы оставляли, были вывезены запасы, хозяйственное имущество, которые могли использоваться для военного производства.

Так как Советы немедленно мобилизовывали всех годных к службе мужчин до 60 лет на работы военного характера, главное командование германской армии приказало переправить через Днепр и местное население...».

Немцы спешили за Днепр. Но и мы спешили за Днепр, Днепр надо было форсировать как можно быстрее, пока немцы не закрепились на западном берегу. Солдаты тоже понимали толк в войне и свои задачи в этой войне.

На одном из совещаний у Сталина «... основным было указание Верховного Главнокомандующего принять все меры к быстрейшему захвату Днепра ... с тем, чтобы противник не успел превратить Донбасс и

⁷¹ Эрих фон Манштейн. «Утерянные победы», Москва, «Вече», 2010, с.505.

Левобережную Украину в пустынный район. Гитлеровцы, отступая, в звериной злобе предавали все ценное огню и разрушению. Они взрывали фабрики, заводы, превращали в руины города и села, уничтожали электростанции, доменные и мартеновские печи, жгли школы, больницы. Гибли тысячи детей, женщин, стариков...»⁷². Мы своими глазами видели результаты этой тактики «Выжженной земли», о которой выше говорил генерал Манштейн.

«... Чтобы еще выше поднять морально-политический дух войск при форсировании крупных водных рубежей, Ставка 9 сентября 1943 г. приказала за форсирование Десны представить начальствующий состав к награждению орденами Суворова, а за форсирование Днепра – к присвоению звания Героя Советского Союза...»⁷³.

Естественно, рядовым офицерам и солдатам тоже полагались награды, но меньшей значимости – ордена и медали.

9. Форсирование Днепра. Букринский плацдарм.

Дорогой папа!

*Я пока жив и здоров. Настроение бодрое. Сегодня утром подошли к Днепру.... Пока все. С приветом! Твой сын – подпись. 24/IX-43 г.*⁷⁴

Дорогой папа!

...Пока я жив и здоров. Работаю на старом месте. 25 сентября форсировали Днепр. После напишу больше. С приветом! Твой сын – подпись. 1/X-43 г

Добрый день папа!

..... Утром 23 сентября мы стояли перед Днепром. Всего лишь 3 дня у нас ушло на подготовку к переправе на правый берег, при этом переправа была так искусно замаскирована, что противник нас обнаружил только тогда, когда на правый берег наша

⁷² Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969.

⁷³ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.512.

⁷⁴ К датам и фактам, указанным в фронтовых письмах следует относиться с большой осторожностью, так как они иногда искажались по цензурным соображениям и для спокойствия родных. Кроме того письма, которые писались в боевой обстановке, часто по понятным причинам датировались самим автором не днем написания, а последующим днем отправки. Примечание редактора.

часть переправилась полностью. Там, где мы переправились, немцев почти не было. На этих отвесных берегах нас не ждали. Легко было сбить боевое охранение противника и мы укрепились на правом берегу.....

С приветом! Твой сын – подпись. 17/XI-43 г.

Во время битвы за Днепр, командующим 40-ой армией, в которую входили мой 47 стрелковый корпус и моя 253 дивизия, был К.С. Москаленко. Ниже я привожу несколько выдержек из его воспоминаний.

«... Мы оказались впереди всех остальных армий Воронежского фронта и ближе всех к цели нашего дальнейшего наступления – Днепру...»⁷⁵.

«Местность степная, леса нет и, следовательно, негде взять вспомогательные материалы для постройки плотов и мостов. Кроме лозняка, ивы на берегу ничего не было. Правда, некоторые предусмотрительные командиры по пути собирали лодки, бочонки, доски от разрушенных домов, и все, конечно, пригодилось. Но для армии этого было мало. Мы приняли решение: все что есть в ближайших населенных пунктах (деревянные сараи, двери, крыши, бочки, плетни) использовать для плотов...»⁷⁶.

«... 253-я стрелковая дивизия генерал-майора Бедина овладела плацдармом в районе Ходорова.... 24 сентября на всех захваченных нами плацдармах продолжались упорные бои с контратакующим противником.... 253-я стрелковая дивизия генерала Е.В. Бедина одним полком вела бои за Ходоров, а остальными продолжала форсирование реки...»⁷⁷.

Наш 983-й стрелковый полк с боями подходил к Днепру. Всем хотелось быстрее выйти к его берегам. Но фашистские бомбардировщики «висели» над нами ежедневно с утра до вечера и мешали идти вперед. Я помню, что когда до Днепра оставалось 15-20 километров, мы думали, что пройдем это расстояние за день. Однако в этот день мы прошли не более 5-7 километров – так нам мешала вражеская авиация.

⁷⁵ К.С.Москаленко. «На юго-западном направлении», Москва, Изд-во «Наука», 1973, т.2, с.99.

⁷⁶ И.С.Конев. «Записки командующего фронтом. 1943-1944 гг.», Изд-во «Наука», 1972, с.64.

⁷⁷ К.С.Москаленко. «На юго-западном направлении», Москва, Изд-во «Наука», 1973, т.2, с.132.

Погода была изумительная: все дни были теплыми, ясными, безоблачными. И все дни были похожи один на другой. Около 7 часов утра, после завтрака, полк строился в походную колонну: солдаты-пехотинцы, полковая артиллерия, хозяйственные повозки,... все это вытягивалось в длину, достигающую двух километров.

Не успевали мы пройти 1-2 километра, как с запада, на высоте, примерно, километра появлялись немецкие бомбардировщики в количестве 150-200 штук. Это было потрясающее зрелище: равномерный гул тяжело нагруженных бомбардировщиков, от которого под ногами тряслась земля, под охраной десятков самолетов-истребителей надвигался на нашу пехотную ленту неотвратно и страшно. Раздавалась команда «Воздух», и все, что было на дороге, разбегалось в стороны от нее на 200-300 метров и более – кто насколько успевал. Кто успевал втянуться в деревню, разбегался по огородам, прятал повозки и лошадей в укрытия под сараями, под деревьями...

А в это время вражеские самолеты, начиная с головы нашей колонны и до ее хвоста, сбрасывали бомбы, как посевной материал, по площади, на разбежавшуюся по сторонам от дороги колонну.

Мы только что втянулись в небольшую деревню, и я отбежал от дороги метров на тридцать и улегся вместе с другими солдатами поодаль друг от друга на огороде в какой-то борозде. Я слышал, как бомбовый вал разрывов с громадной скоростью приближается ко мне, потом накрывает меня и проходит дальше. Земля сотрясается подо мною от мощных взрывов, комья земли ударяют мне по спине, пыль и запах пороха лезут в нос, но уже в следующие мгновения гул удаляется в хвост колонны, и мы, с незнакомыми мне солдатами ибо все перемешались в эти минуты, отряхиваем с себя пыль и комья земли, приводим в порядок оружие, одежду, кто-то зовет к колодцу умываться. Слышны стоны раненых, молчат убитые, пристреливают раненых лошадей, слышится команда «Стройся», полк постепенно собирается в

походную колонну (на это уходит полтора-два часа) и начинает движение на запад, к берегу Днепра.

Но не успевали мы пройти еще 1-2 километра, как снова раздается команда «Воздух». В течение дня немецкая авиация совершала 3-4 налета, и полк почти топтался на месте. Вечером шли донесения от рот и батальонов в штаб полка о потерях за день. Убитых в полку было мало – 5-10 человек на 3-4 тысячи солдат, раненых – около 20-25 человек. Страдали лошади, которых прятать было некуда. Во время одного из таких налетов я лежал в нескольких метрах от небольшого холмика, высотой около метра, и после взрыва бомбы видел скатывающуюся с него, как арбуз, голову нашего погибшего солдата.

Эрих фон Манштейн в книге «Утерянные победы» вспоминает, как он в начале сентября 1943 г. написал письмо генералу Цейтцлеру, начальнику штаба при Гитлере, в котором требовал, чтобы «наконец были приняты кардинальные меры для сосредоточения главных усилий на решающем участке Восточного фронта...»⁷⁸. Естественно, Манштейн считал таким решающим участком именно свой участок. Цейтцлер дал прочитать это письмо Гитлеру. «... Письмо вызвало у Гитлера взрыв бешенства. Он заявил, что Манштейн хочет проводить только гениальные операции и быть оправданным в летописи военных действий...»⁷⁹.

7 сентября Манштейн снова потребовал помощи, иначе он будет вынужден отойти за Днепр. В конце концов, Гитлер отдал 15 сентября вечером приказ группе армий об отходе к Днепру, предусматривая, что темпы отхода должны определяться сохранением боеспособности войск.

«...Так 8-я армия должна была занять за Днепром позиции до пункта в 30 км южнее Канева. 24 танковый корпус, отходивший к Днепру в составе 4-й танковой армии через Канев, после выхода на Днепр переходил в подчинение 8-й армии. 4-я танковая армия имела задачей переправиться с указанным

⁷⁸ Эрих фон Манштейн. «Утерянные победы», Москва, «Вече», 2010, с.491.

⁷⁹ Эрих фон Манштейн. «Утерянные победы», Москва, «Вече», 2010, с. 508.

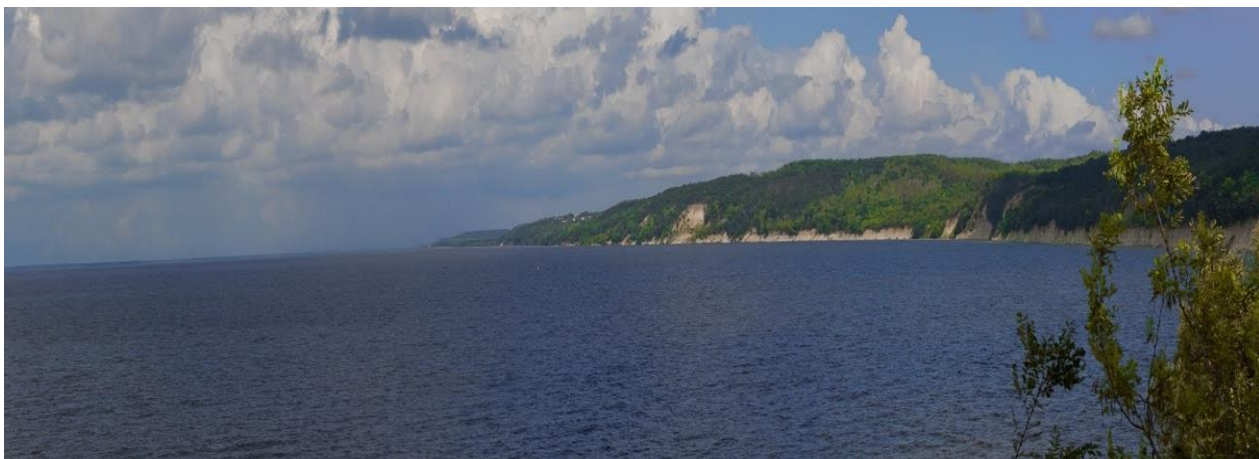
выше корпусом у Канева, а главными силами армии – у Киева...»⁸⁰. И все эти войска располагались у Канева, в районе, где должна была форсировать Днепр наша дивизия. Удивительно, что нам все-таки удалось форсировать Днепр в этом районе. В целом, оценивая ситуацию, Манштейн писал: «... Численный состав немецких соединений в ужасающих размерах сократился в результате непрерывных боев в течение последних двух с половиной месяцев. Поступавшее пополнение в людях, легком и тяжелом оружии и прежде всего в танках не могло даже приблизительно восполнить потери. ... Удерживать продолжительное время днепровский рубеж мы, очевидно, не сумеем...»⁸¹.

Наконец, к вечеру 22 сентября, мы вышли к самому берегу Днепра – севернее города Канева километров 15-20. В этом месте река Днепр делает изгиб, который получил название – Букринская излучина. Я никогда не забуду радостные и взволнованные лица моих товарищей, когда они, прямо с марша, в обуви, в одежде заходили в прозрачные, чистые воды реки, пили эту воду, умывались ею – наконец-то нам удалось дойти до Днепра! Сколько времени мы мечтали об этом!..

Командование приказало готовиться к немедленному форсированию Днепра. Но солдаты этого хотели без всякого приказа. Задача была исключительно трудной. Ширина Днепра на нашем участке достигала 400-500 метров. Наш берег был песчаный, низкий, поросший красноватым лозняком, камышом и далее от берега, может быть, в полукилометре стоял редкий лесок. Фашисты находились на высоком лесистом правом берегу – они просматривали наш берег на 5-10 километров в глубину и с утра и до вечера обстреливали из пушек и минометов всю нашу позицию, каждую цель, даже отдельную повозку, отдельного солдата. Они наверняка считали абсолютным безумием попытку форсировать реку в этом месте.

⁸⁰ Эрих фон Манштейн. «Утерянные победы», Москва, «Вече», 2010, с. 508.

⁸¹ Эрих фон Манштейн. «Утерянные победы», Москва, «Вече», 2010, с.508.

В течение нескольких ночей из тыла в распоряжение нашего полка прибывали танки, пушки, минометы, «Катюши», которые должны были поддержать нашу переправу, а затем эта техника должна была переправиться на другой берег. С рассвета и до наступления темноты жизнь на нашем берегу замирала. Но ежедневно с наступлением сумерек мы начинали подготовку к форсированию Днепра. Готовили подручные средства для переправы минометов, легких орудий и боеприпасов.

Каждую ночь мы смотрели на противоположный берег.... Ежеминутно на фашистском берегу десятками взлетали ракеты, раздавались пулеметные очереди – простые и трассирующие, изредка раздавались выстрелы орудий и минометов. К 2-3 часам утра беспокойство немцев затихало, реже взлетали ракеты, реже стреляли пулеметы.

По-видимому, в ночь с 24 на 25 сентября – точной даты я не помню, мы приготовились к форсированию Днепра. Немцы вели себя по привычной схеме. К трем часам утра реже стали взлетать ракеты. В этот момент шепотом была передана команда – «Приготовиться к переправе», и мы подошли вплотную к воде. Через некоторое время – новая команда – «Вперед», и мы устремились вперед. Теперь – быстрее, быстрее, пока не взвились новые немецкие ракеты.

Ночь была звездная, было тепло. Мы спешили изо всех сил, переплывались как можно тише. И когда до вражеского берега оставалось

всего 50-70 метров, в небе повисли ракеты, а через мгновение – раздались пулеметные очереди, затем начали рваться в воде мины и снаряды...

Кажется, что на земле все это не так страшно, как на воде. Можно прижаться к земле и чувствовать себя «в безопасности», а здесь на поверхности воды, под ракетами ты виден как на ладони, медленно, медленно копошишься, и все происходит как в замедленной съемке.

Солдаты прыгали с плотов и лодок в воду, плыли к вражескому берегу. С нашего берега заговорила артиллерия и «Катюши». Стало веселее. А мы, как только вылезли из воды, так и устремились вперед – надо было занять высокий берег, отогнать немцев от воды подальше. Вначале бой был беспорядочным, хаотичным, но к 6-7 часам утра положение начало упорядочиваться, стабилизироваться, и нам удалось отвоевать полосу вдоль Днепра метров 400-500 и в глубину до 80-100 метров. Мы окопались. У нас была телефонная связь с нашим берегом, наша артиллерия немедленно пристрелялась, прикрыв нас мощным огнем заслоном. Местность перед нами была овражистая и лесистая – танки противника не могли нас атаковать.

Я не помню сейчас, какой день был для нас самым трудным. Вероятно, все-таки, первый... Немцы все время пытались нас сбросить в Днепр, но мы держались, не отступали, а артиллерия помогала нам с нашего берега. Нас становилось все меньше и меньше. Я видел справа и слева нескольких солдат. Непрерывно раздавались пулеметные и автоматные очереди, слышались разрывы гранат. Мы только что отбили очередную атаку немцев, в голове гудело от стрельбы и разрывов гранат. В пределах прямой видимости, в небольшом заросшем кустарнике и деревьями овраге, концентрировались немцы и готовились к новой атаке. Сколько их там было – точно не знаю, но на этот раз их было много, и мы понимали, что для нас эта их атака будет последней, нас оставалось в живых слишком мало. Видимо, так понимал обстановку и наш командир, который по телефону (кабель проходил по дну Днепра) сообщил координаты очередного

скопления немецкой пехоты. Было около 6 часов вечера. Буквально через 3-4 минуты после телефонного звонка с нашего берега «заиграла» «Катюша», и мы слышали приближающийся шелест ракетных снарядов. И вдруг мы почувствовали, что этот нарастающий, страшный шелест приближается именно к нам, накрывает нас, и каждый из нас втягивал голову в плечи, вжимался до предела в свой наспех вырытый окопчик. Мы понимали, что от этого залпа «Катюши» нам нет спасения – он накрывает нас – все длится доли секунды.... Но в эти же наполненные страхом доли секунды залп снарядов проносится в каких-то метрах над нами и с фантастической точностью попадает в скопление немецкой пехоты. Это был потрясающий грохот.... Земля качалась под нами, а впереди **все горело, было видно как в пламени мечутся фигуры, черный** дым поднялся высоко в небо, были слышны страшные крики, вопли, стон раненых **и умирающих** немцев. Вскоре все стихло.... Остался ли кто-либо из фашистов в живых – знает

один бог.... Но ни в этот вечер, ни в эту ночь немцы нас больше не атаковали.

Всю ночь с захваченного нами плацдарма под яростным обстрелом противника вывозили раненых на противоположный берег, а к нам под таким же яростным обстрелом везли пополнение, боеприпасы, подвозили на плотах более тяжелую артиллерию.

Все следующие дни были похожи на первый – непрерывный бой за расширение плацдарма, борьба с пехотой противника, сплошные налеты вражеской авиации. Но каждый день мы упорно продвигались на сотни метров вперед.

Через неделю наш плацдарм стал большим – до десяти километров вдоль берега и до пяти километров – в глубину. За форсирование Днепра и бои за Букринский плацдарм в районе села Ходоров мне была вручена первая боевая награда – медаль «За боевые заслуги», а командиру нашей 253-й стрелковой дивизии Е.В. Бедину было присвоено звание Героя Советского Союза.

О чем думало высшее командование – мы не знали, но на наш плацдарм почему-то не переправляли ни тяжелые орудия, ни танки. К.В.Крайнюков пишет: «... из-за нехватки переправочных средств наращивание наших сил на плацдарм проходило медленнее, чем мы хотели. Да и сильно пересеченная местность под Букриным затрудняла маневр войск, особенно танков...»⁸². Мы держали оборону, сидели в каком-то овраге, а вместо окопов жили в «ласточкиных гнездах» - в крутом берегу оврага делали углубления так, как делают стрижи и ласточки, в них, внутри, расширяли пространство – получалась как бы землянка. В ней жили, в ней спали. Но однажды на наши «гнезда» налетели немецкие бомбардировщики и стали бомбить овраг. И это оказалось очень опасно. Так, от недалекого взрыва мощной бомбы потолок

⁸² К.В.Крайнюков. «От Днепра до Вислы». Ордена Трудового Красного Знамени Военное изд-во Министерства обороны СССР, Москва, 1971, с.29.

моего «гнездышка» обвалился на меня, глиной с потолка меня завалило по пояс, и я настолько не мог двинуть своими ногами и руками, что холодный ужас беспомощности охватил все мое существо. С большим трудом мне удалось освободиться и я, наконец, выглянул из своего «гнезда» - на дне оврага, несмотря на продолжающуюся бомбардировку, несколько солдат с лопатами разгребали маленький окопчик, кем-то вырытый для себя. В нем оказался солдат, засыпанный песком, глиной, землей. Когда я подбежал к ним, солдаты откопали засыпанного - но он был уже мертв, рот был забит землей, он задохнулся в своем окопчике. Я узнал его – это был знакомый мне красноармеец – татарин по национальности, общительный, остроумный, уже не молодой – ему было около 40 лет. Я до сих пор помню две его шутки:

- Зачем мне фокстрот? Танго? Мне бы выпить, да подраться!

- Была б мука – пышки пек, да сала нет!

Со дня его смерти прошло семьдесят лет, а я до сих пор помню его замечательную улыбку, добродушие и человеческую отзывчивость.

Добрый день, дорогой папа!

Разреши передать тебе горячий, пламенный красноармейский привет.... Сообщаю тебе, что я снова работаю в оперативной части, в подразделении.... Настроение мое бодрое, здоровье хорошее. Коротко о своих похождениях. Как я уже раньше тебе писал, в ночь с 25 на 26 сентября мы форсировали Днепр южнее Киева и ведем бой по расширению плацдарма на правом берегу Днепра. За это время (время боев) многие выбыли из строя, в т. ч. и мой непосредственный начальник. С тех пор я фактически работаю за своего начальника, перед начальством своего подразделения несу ответственность в той же степени, что и мой начальник, и только начальники вышестоящей части по инстанции считают меня писарем, чему я конечно только рад.... За это командир подразделения наградил меня медалью «За боевые заслуги» (23.10.43г.). Наша часть имеет шансы называться «Гвардейской Краснознаменной». Будущее покажет.... Мечтаю о времени, когда мне удастся сесть за парту студентом, когда мне представится возможность делать то, что хочу делать я. А пока идет война.... Папа! Только сейчас, будучи на западном берегу Днепра, я убедился в несомненном скором разгроме врага Мой адрес прежний. С приветом! Твой сын – подпись. 24.10.43 г.

10. Отступление под Коростенем

Добрый день, папа!

.... Расширяем плацдарм на правом берегу Днепра южнее Киева. Имеем успехи, пока небольшие.... Погода стоит замечательная, ясная. К вечеру становится тихо, медленно летит паутина и тих и спокоен Днепр. Красивый вид открывается с крутого высокого правого берега! Только война мешает любоваться всем этим.....

С приветом! Твой сын – подпись. 31.10.43 г.

Добрый день, папа!

..... На этом берегу, изрезанном оврагами, мы к 12 ноября прошли (далее удалено цензурой). А 12 ноября по приказу свыше мы сдали другим свой участок обороны и перешли (далее удалено цензурой) в 30 км от столицы Украины....

С приветом! Твой сын – подпись. 17/XI-1943 г.

Добрый день, папа!

...Давно не получаю писем от тебя и из дома. Но это потому, что мы все время в движении и ведем тяжелые бои с немецкими захватчиками. После этих боев иногда даже и настроения нет писать письма.... Пока все.

С приветом! Твой сын – подпись. 26/XI-43 г.

Одиннадцатого ноября 1943 г. командиром нашей 253-й стрелковой дивизией назначают полковника А.Е.Филатова, а генерал-майор Е.В. Бедин, которого в дивизии все уважали и считали своим, «идет на повышение» и с 12 ноября становится командиром 21-ого стрелкового корпуса, о котором речь пойдет ниже.

Мы просидели в овраге до 12 ноября, после чего нам приказали сдать свои позиции другим частям, а самим переправляться на свой берег Днепра. Здесь мы совершили 3-х или 4-х дневный переход вдоль реки и вышли к одной из переправ севернее Киева. Это было уже после освобождения Киева. Наши войска отогнали **врага** на Запад более чем на 100 километров. Однако после сдачи Киева немцы предприняли попытку отбить его снова, перешли в

ряде мест в контрнаступление, стали теснить наши войска — и вот мы шли в район Коростеня, видимо, с целью укрепить оборону на этом направлении.

Что происходило под Киевом в течение ноября? После разгрома немецко-фашистских войск под Курском и Белгородом все мысли наших солдат были устремлены на форсирование Днепра и взятие Киева — это стало главным смыслом жизни наших солдат. Жуков писал: «... Солдаты, форсировавшие Днепр, проявляли величайшее упорство, храбрость, мужество. Как правило, подойдя к реке, они с ходу устремлялись вперед. Не дожидаясь подхода понтонных и тяжелых средств, наведения мостов, солдатские части пересекали Днепр на чем угодно — на бревенчатых плотках, самодельных паромках, в рыбацких лодках, катерах. Все, что ни попадалось под руку, шло в дело. Нелегко приходилось и на противоположном берегу, где вспыхивали ожесточенные бои за плацдарм. Не успев закрепиться, войска вступали в бои с противником, стремившимся, во что бы то ни стало, сбросить их в реку.

К концу сентября, сбив оборону вражеских войск, наши войска форсировали Днепр на участке 750 километров от Лоева до Запорожья и захватили ряд важнейших плацдармов, с которых предполагалось развивать наступление дальше на Запад...

В период с 12 октября по 23 декабря войска Воронежского фронта (с 20 октября 1943 г. Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский фронт, Степной фронт — во второй Украинский) провели киевскую стратегическую операцию...»⁸³.

«... 38 армия генерала К.С.Москаленко⁸⁴ к исходу 5 ноября была уже на окраинах Киева, а в 4 часа утра 6 ноября вместе с танковым корпусом генерала А.Г.Кравченко заняли Киев...»⁸⁵.

⁸³ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.513-515.

⁸⁴ К этому времени К.С.Москаленко сдал командование 40-ой армией и был назначен командующим 38-ой армией.

⁸⁵ Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с.515.

День освобождения Киева стал для нашей страны всенародным праздником. Известие об освобождении Киева мгновенно облетело всю Россию. 7 ноября 1943 г. мой брат Сережа от имени мамы пишет письмо папе:

«Дорогой Степа!

Я сейчас не хожу в поле (то есть на колхозное поле на уборку урожая. – П.С.И.). Мы все уже убрали в поле. Я Шура сшила пальто из старых шалей и одеяла...».

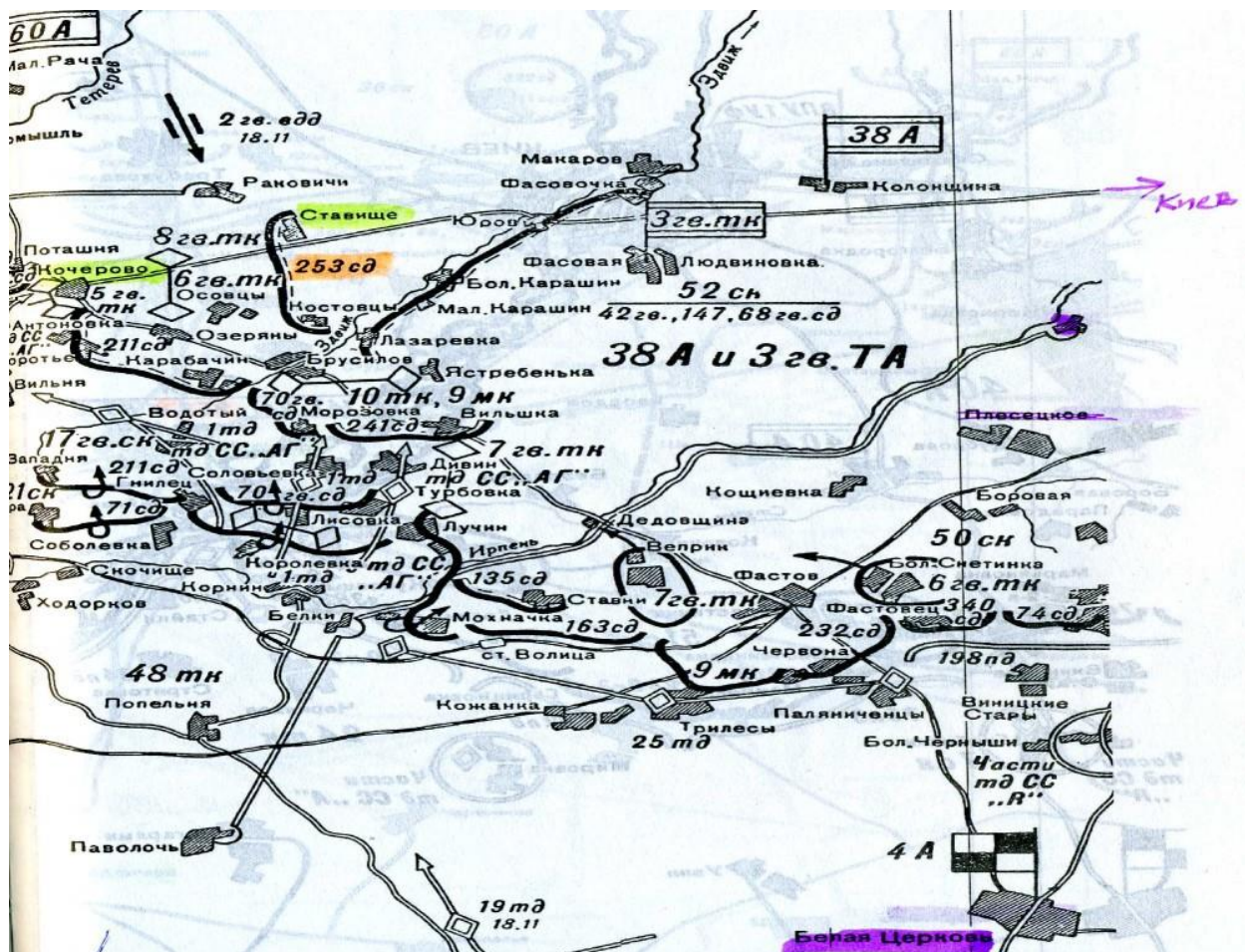
И далее Сережа пишет от себя:

«...Дорогой папа! Мы нынче очень хорошо праздновали 7 ноября. Я опишу весь свой праздник. У меня был хороший завтрак – блины со сметаной. С приятелем пошли в школу, а заведующая школы на митинге сказала, что «наши войска взяли Киев» и все кричали «Ура», а после обеда играл с товарищами и на улице встретил бабушку, которая угостила меня тыквенными семечками. Потом бегал с ребятами до вечера, пришел домой, зажег лампу и стал писать тебе письмо, а потом лег спать...».

Этот день у моего брата был счастливым днем! Это письмо – живое свидетельство настроения нашего народа. Оно еще важно в том смысле, что мой брат вместе со своими товарищами-одноклассниками восторженно радовался освобождению Киева, хотя вряд ли в то время мог показать на географической карте месторасположение города. Дети никогда не были в Киеве, но они знали, что Киев – большой, **красивый и** любимый город нашей Родины, и мы вернули его себе. Они гордились подвигом своих родителей, они гордились, что являются частью Родины.

Тот, кто подобно мне, участвовал в Великой Отечественной войне, тот, в чьей груди бьется сердце патриота России, тот не осквернит пустыми словами победный путь советского солдата в годы Великой Отечественной войны. Этой победе не соответствует ни громкая фраза, ни фальшивый голос ненависти и клеветы. И я рассказываю то, что знаю о войне, то, что сам видел и чувствовал.

На третий или четвертый день перехода вдоль Днепра мы вышли к переправе севернее Киева и там снова переправились на западный берег Днепра. Наша дорога шла теперь от Киева в направлении Коростеня.

Оборонительные бои Красной армии в период 13-22 ноября 1943 г.
(схема из книги В.Гончарова «Битва за Днепр»).

Была темная, сырая ночь, кажется, сверху моросил дождик. Солдаты топали по грязной дороге, которая вела нас в неизвестность. Навстречу нам, с фронта в тыл, шла встречная колонна солдат, которых мы меняли на переднем крае, и я время от времени слышал, как в этой колонне солдаты с облегчением в душе говорили друг с другом: «Ну, наконец-то, нас сменили.... Идут свежие части...». Так и хотелось крикнуть им: «Да никакие мы не свежие... Мы только что с плацдарма, где хватили досыта своей солдатской доли!...».

Мы в темноте топали по грязной дороге, которая почему-то иногда блестела как сухая асфальтовая дорога. Я попался на оптический обман: когда сделал три-четыре шага по этому «асфальту», то понял, что это просто жидкая грязная лужа глубиной почти в полметра. Ноги мои в обмотках

оказались по колено в грязи и мокрыми. Но, что поделаешь. Жаловаться некому, и я не один был обманут таким образом.

Шли лесной дорогой, прошли километров 10-15. Стемнело. Вдруг впереди возникла остановка, командиры сбились в кучку, засветили карманные фонарики. Вскоре по колонне прошел слух, что мы заблудились, по этой темной дороге забрались в тыл к немцам километров на 5-6, что мы оказались фактически в окружении, нас здесь запросто могут прихлопнуть и нам надо быстро возвращаться назад. А в задних рядах уже заговорили, что сзади нас, в копнах сена, сидят немецкие пулеметчики и теперь придется прорываться назад с боем. Кто и как увидел немецких пулеметчиков – я не знаю, но я видел, как две 45-мм пушки выдвигаются на линию огня, как артиллеристы изготавливаются, чтобы бить прямой наводкой по подозрительным копнам сена.

Немецких пулеметных очередей я не слышал, но после 4-5 выстрелов сорокопятки наша колонна быстрым шагом пошла обратной дорогой с надлежащим боевым охранением. По нашей колонне никто не стрелял, мы быстрыми шагами, почти бегом, придерживая котелки, чтобы они не гремели в походном строю, шли обратно. Стало светать – было 6-7 часов утра. Впереди показалась маленькая деревенька – в одну улицу. Здесь командование решило дать нам отдых. Мы втянулись в эту деревеньку, нам разрешили сварить, кто что может, мы слегка расслабились – сзади нас расположилась наша полковая батарея 76-мм пушек – пехота чувствовала себя относительно увереннее – сзади на нас не нападут.

Но не прошло и получаса, как из того же леса, откуда мы пришли, показались немецкие танки. Их было немного, я видел 6-7 танков, они очень медленно двигались на нас и не стреляли.

Наши полковые пушчонки выпустили по одному-два снаряда – больше снарядов у них не было, в спешке прицепили свои пушки к грузовикам и покатали по единственной деревенской дороге мимо нас на Киев. И мы в панике пособирали свои котелки с недоваренными супами и кашами и

побежали за артиллеристами по той же единственной дороге – с танками нам бороться было нечем. В деревне уже началась **настоящая** паника – машины, подводы с лошадьми, солдаты – все в беспорядке рванули по единственной деревенской дороге в ближайший лесок, до которого было 2-3 километра.

Немецкие танки медленно, с опаской, двигались к деревеньке, но не стреляли: очень редкие пулеметные очереди и, может быть, два-три снаряда – видимо, немцам также стрелять в нас было нечем.

Нашим полковым артиллеристам удалось как-то вырваться из деревенской толкучки, они где-то свернули из деревни и напрямик, по полю помчались в недалекий лес. Некоторые «догадливые» солдаты тоже вырвались из деревни и побежали за артиллеристами к лесу, я присоединился к этим «догадливым». Студебеккеры с пушками и солдаты расползлись по полю и стремились побыстрее скрыться в лесу. Я видел, как под одной из автомашин – а они были не намного впереди нас – разорвался снаряд, и артиллеристы выпрыгивали из кузова и бежали в лес. Сзади немецкие танки стреляли по нам из пулеметов – и я вместе с другими – нас, солдат, было немного, человек 7-10, бежали изо всех сил к тому же спасительному лесу. Винтовка в руке – ее не бросишь, котелок сзади бьет по спине, саперная лопатка сбоку болтается, – воздуха не хватает, а бежать надо! Это был единственный случай в моей военной карьере, когда я бежал около 2-3 километров от немецких танков.

Уже подбежав к лесу, я увидел на опушке леса наши противотанковые орудия – они стояли в линию в 40-50 метрах друг от друга – это был орудейный пояс, протянувшийся вдоль опушки на несколько километров, насколько хватало глаз. Мы забежали за этот пояс, и как только немецкие танки вылезли на пригорок – они в течение 3-5 минут были расстреляны из этих орудий. На этом атака немцев закончилась. В целом их контрнаступление на Киев на Коростеневском направлении **успеха не имело**.

Только через 2-3 часа, когда я несколько успокоился, я увидел, что моя шинель прострелена в 2-х местах: правый рукав шинели ниже локтя и пола шинели в районе левого колена... А я думал, что стреляли не по мне...

К вечеру остатки нашего полка собрались в этом же лесу. Деревенька, из которой мы бежали, осталась в руках немцев. В результате нашего бегства в этой деревеньке был убит наш командир полка, опытный, кадровый подполковник Лавровский. Его любили все солдаты полка. Теперь командиром стал его заместитель – майор Сарычев. Мы его не любили. Говорили, что он не имел военного образования, до войны был в каком-то колхозе бригадиром. Но возможно все это - солдатские «наговоры». Гибель Лавровского была для всех нас загадкой⁸⁶, возвышение Сарычева (в конце войны он получил звание полковника) – тоже загадочно. Поговаривали, что перед боем между Лавровским и Сарычевым была ссора, в которой был замешан адъютант подполковника Лавровского – молодой 23-летний лейтенант. Он теперь стал адъютантом Сарычева и получил такую свободу действий, которая была явно несовместима с его служебным положением.

Всех красноармейцев нашего полка, оставшихся в живых после поспешного бегства из деревни, около 12 часов ночи майор Сарычев построил в колонну, проверил обмундирование и снаряжение. Он увидел, что у каждого из нас имеется, примерно по пять патронов на винтовку, кое у кого из солдат были гранаты. Одного из лейтенантов назначил командиром нашей группы бойцов и приказал отбить у немцев оставленную нами днем деревню. Было ли это приказом более высокого командования или это было самостоятельное решение нового командира полка – проявить инициативу и отличиться перед командованием – мы не знали, но мы хорошо понимали,

⁸⁶ Согласно донесению о безвозвратных потерях 253 сд, командир 983 сп подполковник Иван Антонович Лавровский пропал без вести 22.11.1943 г. во время боя в районе колхоза Лисица, Брусиловского района, Киевской области. В этом бою 983-ий сп понес тяжелые потери. Только из командного состава погибли командиры двух стрелковых рот и пулеметной роты. Пропали без вести, кроме командира полка, командиры минометной роты, стрелкового взвода, взвода связи и один из командиров санитарной роты (прим. редактора).

что это решение неисполнимо для нашей малочисленной и беспомощной группы.

Мы вышли из леса и осторожно пошли к деревне. Надо было идти полем 2-3 километра. Было темно. Немцы подожгли два крайних дома, чтобы освещался подход к деревне, на соседних домах поставили 2-3 пулемета и изредка постреливали короткими очередями.

Было удивительно, что мы относительно спокойно подошли к деревне, прошли мимо горящих домов, немцы нас не трогали. На противоположном конце деревни гудели моторы нескольких танков.

Солдаты как-то незаметно разбрелись по ближайшим домам деревни и к своему удивлению обнаружили, что дома не заняты фашистами, печки в домах горячие, а внутри в котлах было вареное мясо, вкусно приготовленная курица и вареная картошка. Немцы сбежали от нас на другой конец деревни, поближе к танкам, и бросили все свое съестное «богатство», которым они собирались поужинать и «отпраздновать» захват деревни.

Наши бойцы быстро все разобрали по своим котелкам и сумкам, и тут пришла команда «Отступить», **наверно Сарычев осознал всю глупость своего приказа.** Мы, примерно через час нашего пребывания в деревне, с хорошим настроением вернулись в расположение полка, **а в дивизию ушло боевое донесение об упорных боях за деревню, которая несколько раз переходила из рук в руки.**

11. 253-я стрелковая Калининская

Утром наш полк снова переправили на свой берег Днепра, на той же переправе, по которой мы пришли сюда, но теперь нас отправили в тыл на переформирование.

По документам 253-я дивизия была выведена из боя 3 декабря 1943 г. и до 15 декабря 1943 г. числилась в составе соединений и частей фронтового подчинения 1-ого Украинского фронта. С 15 декабря 1943 г. и до 12 марта 1944 г. наша дивизия снова участвует в боевых действиях, но уже в составе 105 стрелкового корпуса, 65-й армии Белорусского фронта (с февраля 1944 г. переименованного в 1-й Белорусский фронт).

15 января 1944 г. я получил первую благодарность Верховного Главнокомандующего Вооруженных сил Советского Союза тов. Сталина.

«Звание – красноармеец.

Фамилия, имя, отчество – Исаев Петр Степанович.

Вам, участнику боев за освобождение города Калинковичи за отличные боевые действия приказом Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина от 15 января 1944 года объявлена благодарность». Место печати Командир (подпись)

Наша 253-я стрелковая дивизия, как наиболее отличившаяся в боях за освобождение города Калинковичи от немецко-фашистских захватчиков,

получила наименование – 253-я стрелковая Калининградская дивизия. Это наименование, кроме нашей дивизии, получили еще 81, 354 и 356-я стрелковые дивизии, а также 1-я гвардейская мотострелковая и 68-я отдельная танковая бригады и некоторые другие воинские части и подразделения, входящие в состав Белорусского фронта (приказ Верховного Главнокомандующего от 15.01.1944 г.).

В 1973 году я принимал участие в работе школы молодых ученых, проходившей в г. Гомель (Белоруссия) в качестве профессора школы. Я должен был читать лекции по теории дисперсионных соотношений. Одним из главных организаторов школы был профессор Алексей Норайрович Сисакян, будущий директор Объединенного Института Ядерных Исследований в городе Дубна. Я обратился к нему с просьбой выделить мне автомашину, чтобы посетить город Калининград, который я брал с боем в годы Великой Отечественной войны – расстояние от Гомеля до Калининграда немногим более 100 километров. Алексей Норайрович неожиданно воспринял мою просьбу близко к сердцу – оказалось, что его дядя тоже участвовал в боях за этот город и погиб в этих боях. Его могила находится в центре города и он захотел поехать вместе со мной, чтобы навестить эту могилу. В один из дней мы получили автомашину в свое распоряжение и поехали в Калининград. По дороге я рассказал Алексею Норайровичу, что наша дивизия брала город, заходя с запада, в тылу у немцев. Наступали мы вдоль железной дороги и вдали, в 3-4 километрах, я видел город в огне. Немцы отступали и встретили нас ружейно-пулеметным огнем. Мы тоже открыли огонь, а они беспорядочно отстреливались и отходили – наверное боялись окружения и, видимо, где-то у них была свободная зона для отступления, куда они стремились.

Мы проехали по окружной автомобильной дороге в надежде попасть на «мою» железную дорогу, но оказалось, что Калининград – крупный железнодорожный узел и найти днем ту железнодорожную ветку, по которой мы наступали на Калининград с запада, практически было невозможно.

Более того, бой за город происходил зимой, ночью, где-то между 11 вечера и 4 часами утра, а сейчас было лето, и мы ехали днем.

Мы въехали в центр города Калинковичи на пристанционную площадь и сразу оказались у братской могилы. В центре стоял черный гранитный памятник, с высеченным на нем именем – майор А.П. Алексеев (дядя А.Н. Сисакяна по материнской линии).

С городом Калинковичи у меня связано еще одно воспоминание. Сразу после взятия города я был направлен с донесением в штаб полка. В комнате дежурного штаба полка на самой середине комнаты стоял большой стол, на котором лежали вещи, взятые у убитых немцев. Видимо, наша похоронная команда сдает найденные вещи в штаб полка. На столе лежали кошельки, кольца, бумажники, часы, ножи и т.д. И вдруг я увидел на столе фотографию молодого интеллигентного немца. Подержав ее в руках, я спросил дежурного: «Могу ли я взять эту фотографию?» «Зачем она тебе?» - спросил он. Мне трудно было ответить ему на этот вопрос, но эта фотография в тот момент чем-то напоминала мне мою собственную возможную судьбу, хотя я с собой никаких своих фотографий не носил. Может быть, этот немец, фотографию которого я сейчас держал в своих руках, тоже мечтал о продолжении учебы или еще о чем-то – и вот теперь он убит!

Так я взял эту фотографию с собой. Она прошла со мной всю Отечественную войну, вплоть до Берлина, я привез ее домой, и сегодня она

Фотография убитого немца. Взята в январе 1944 г. при наступлении на г. Калинковичи. На обороте надпись: "am april 1941", фотоателье "Atelier Emil Breker, W.-Elberfeld Wall-u.Kirchstr.-Ecke.Tel. 24585".

хранится в моем домашнем альбоме. Зачем я ее храню? Я не знаю – у меня нет ответа на этот вопрос. На обороте фотографии есть некоторые данные, по которым можно было бы попытаться найти родственников этого немца. Но я этого не сделал. Да и надо ли искать родственников этого человека теперь, узнавать его прошлую судьбу?

2 февраля я вернулся в часть после десятидневной отлучки по какому-то важному делу (совершенно не помню **сути этого** «важного» дела), и почтальон передал мне сразу 15 писем: из них – 10 от папы, 2 – из дома и 3 – от товарищей. Теперь мне все стало известно о моих близких – у них все было благополучно, и это успокоило меня. Я по-прежнему оставался рядовым, хотя меня время от времени пытались послать на офицерские курсы – но я отказывался, мечтал об учебе в университете.

В своем письме папе от 6 февраля 1944 г. (я удивляюсь, как папа мог хранить наши письма на фронте – видимо, профессия бухгалтера в мирное советское время научила его всему) я писал ему: *«Сейчас мы продвигаемся на Запад, хотя и не очень быстро. Недавно нас хотели развлечь кинофильмом. Но эта затея удалась наполовину: немцы вскоре засекли наше*

месторасположение, обстреляли нас, и мы, не успев досмотреть фильм до конца, разбежались по землянкам...».

12 марта наша дивизия, как я писал выше, была выведена из боевых действий в Резерв Ставки Верховного главнокомандования и вошла в состав 21 стрелкового корпуса, 3-ей гвардейской армии. 19 марта 1944 г. я писал папе: «В настоящее время мы находимся в глубоком тылу – до ближайшей линии фронта не менее 400 км...». Видимо, к этому относятся мои слова: «... После взятия Калинковичи мы некоторое время стояли в Белоруссии, а потом нас перевели на формирование в г.Нежин (Украина)».

Мои воспоминания относятся к первым дням пребывания в Нежине. Город произвел на меня тягостное впечатление, совпадающее с моим впечатлением от посещения родного села Коршево летом 1943 г.

День 8 марта – международный женский день. Но ничего праздничного в этот день в городе увидеть было невозможно. По улицам ходили одинокие женщины, спешащие по своим делам. Города, как такового, не было. Это была большая, грязная, разбитая деревня: разбросанные дома без окон, разбитые крыши, улицы завалены хламом, дворы поросли бурьяном, засыхающие сады и деревья – и женщины с мешками за плечами, в лаптях и рваных юбочках.

Дорогой ценой обходилась нам победа над немецко-фашистской армией. Поражала огромная дистанция между тяжелым положением народа, его материальным неблагополучием, и его духовным, **приподнятым** состоянием. **Мечтали**: «Будем живы – все отстроим, все восстановим!» - этим жил весь народ Советского Союза.

12. Весна на Западной Украине

С 18 апреля 1944 г. моя дивизия снова в действующей армии и участвует в боевых действиях уже на 1-ом Украинском фронте. Начиная с

этого момента и до конца войны, наша 253-я стрелковая дивизия оставалась в составе 21 стрелкового корпуса, 3-й гвардейской армии.

Здесь я хочу сделать небольшое отступление и напомнить, что командиром 21-ого стрелкового корпуса был генерал-майор Е.В.Бедин, который до этого командовал нашей 253-ей дивизией и прошел с ней славный путь от Демьянска до Букринского плацдарма на Днепре. Как правило, войсковая армия состояла из четырех стрелковых корпусов, а каждый корпус – из трех стрелковых дивизий. Поэтому, мне кажется, мы попали в состав 21-ого стрелкового корпуса не случайно. Видимо Е.В. Бедин считал нашу дивизию своей и сделал все, чтобы она находилась под его командованием. Начиная с апреля 1944 г. и до конца войны, состав 21-ого корпуса менялся почти каждый месяц, и только 253 дивизия оставалась в нем постоянно. Дивизия была расформирована в Польше 29 мая 1945 г. – тогда нас отправили домой, в Россию. Об этом я расскажу ниже.

Львовско-Сандомирская операция 1944 г. – наступательная операция войск 1-го Украинского фронта в Великой Отечественной войне – была проведена 13 июля – 29 августа 1944 г. с целью освобождения западных областей Украины и юго-восточной части Польши. Я принимал участие в этих боях в составе 3-ей гвардейской армии – в нее входил 21-й стрелковый корпус, в составе которого была моя 253 СД. Меня заинтересовало интервью Бориса Владимировича Горского, председателя Совета ветеранов Государственного университета Харьковской области (опять же спасибо моему сыну Алексею, который отыскал это интервью в интернете). Заинтересовало оно меня прежде всего тем, что Борис Владимирович служил в одном со мной 983-ем стрелковом полку, 253-ей дивизии.

«... а в июне, - говорит Горский, - я попал на 1-й Украинский фронт, Луцк, Волынь пришлось освободить. Служил я в 983 стрелковом полку 253 СД на должности командира отдельного взвода химзащиты. Три человека, самые пожилые, возили противогазы в батальоны, до тысячи штук на повозке. А оставшиеся шесть человек вместе со мной были в распоряжении командира

полка. Мы и окопы рыли под штаб, и когда в ротах оставалось по 20-25 человек нас туда на подкрепление брали. В общем, как говорят, познал я «от» и «до», что такое пехота, насколько там трудно было, и на танках приходилось десантироваться, и стрелять из различного оружия, и из сорокопятки, которую называли «Прощай Родина», и из огнеметов, и из ДШК, это пулемет, двенадцатикалибровый, многое приходилось. С этим взводом я прошел Воынь, Львовщину и попал на Сандомирский плацдарм, принимал участие в его взятии и обороне. А потом, в январе 1945 г. перешли в наступление, прошли всю Польшу и вошли в Германию. И вот там меня перевели в 50-й отдельный батальон химзащиты...».

Удивительный факт: я служил в 983 СП, прошел тот же путь по Западной Украине, по Польше, Германии, видел я этот химвзвод на лошадях и телегах, а Бориса Владимировича Горского не помню – не пересекался с ним по службе. Если бы показали фотографию, может быть, и вспомнил бы его, а так – был человек где-то рядом, а я его совершенно не помню.

Принимал я участие и во взятии Грюнберга, о чем пишет Горский, и благодарность Верховного Главнокомандующего за взятие Грюнберга у меня есть – а людей не помню – может быть потому, что я не был офицером, а контингент солдат, **к которому я принадлежал, менялся за счет выбытия из строя** быстрее, чем запоминались люди.

Начиная с апреля 1944 г. я практически все время либо был на переднем крае, либо в такой близости от переднего края, что их трудно было различить.

15 апреля я писал папе: *«Сейчас стоим в 60-70 км от линии фронта и готовимся к наступлению. Ехали по железной дороге по Западной Украине. Теперь идем пешком. Остановились в 8-10 км от фронта....»*

16 мая 1944 г. *«... Мы в 9-10 км от передовой. На фронте полная тишина, а ночью свободно можно пройти линию фронта и, если не знаешь, что здесь проходит передовая линия, то и не догадаешься о присутствии войны. Днем летает «рама». Вот так мы воюем...»*

18 мая 1944 г. *«Дорогой папа! Сегодня мы заняли оборону и, таким образом, условно (или на самом деле) вступили в бой с немецкими захватчиками. Стоим в деревне.*

Кругом цветут вишни, черешни, яблони, а на фронте такая тишина, что кажется, мы находимся не на передовой, а в глубоком тылу, или вернее сказать, живем в красивой, озелененной деревушке и, ничего не делая, любим ее красотой, расхаживаем по ее улицам. А какие здесь запахи! – Это не то, что там, в Орловской области – здесь пахнет вишней, черемухой, тополем!

На фронте – абсолютная тишина. Солдаты частенько вылезают на бруствер окопа и греются на солнце, ведь передний край немцев отстоит от нашего в 4 км. Это для меня ново!

Здоровье мое хорошее, настроение бодрое. Ждем добрых вестей из-за границы (об открытии второго фронта), а также с других фронтов Отечественной войны (судя по обстановке). Мы не собираемся что-либо предпринимать в ближайшее время...»

Через 6 дней я послал папе еще одно, похожее на это, письмо:

«... Сегодня 24 мая 1944 г. 6 дней на фронте... Я уже писал тебе, что такой войны не видел. Я знаю, что такое оборона, передний край, насыщенный ежесекундными опасностями. Но тут... ничего не поймешь.

Наши солдаты ходят чуть ли не днем в нейтральную зону. Сегодня утром наши разведчики, убив двух фрицев, привели немецкую лошадь, в дополнение – полное ведро меда, который фрицы набрали на нейтральной полосе... Затишье, распустившиеся сады, благоухающие цветы, прекрасные солнечные дни... В такие минуты я часто выхожу из дома в сад со своим товарищем – если его можно так назвать – Антоном Ивановичем Лях, 40-летним преподавателем химии Алма-Атинского университета. В полку он служит как топограф, у него большой жизненный опыт. Мы сильно

Антон Иванович Лях

П.С.Исаев (1944 г.)

привязались друг к другу, с ним можно говорить на любую тему. У него полное сочетание грамотности, культуры, знаний, тактичности... Мы много говорим о скором окончании войны, а он приглашает меня на учебу в Алма-Атинский университет...».

Похожего содержания письмо я послал папе и на следующий день:

«Дорогой папа! Нового, такого, чего не было бы у тебя на фронте, у меня нет. Фронт – как фронт – стреляют, хотя и редко, иногда встречаются раненые (в три дня – один), летает «рама» ежедневно... У солдат – фронтовые рассказы – печальные и смешные... Сегодня идет дождь с самого утра. Ветер. Холодно. Низко нависли тучи. В натопленной избе жарко, и мы открыли окно в сад – перед нами распустившаяся сирень. На фронте – тишина, никто не стреляет. Время – 12.00 Антон Иванович, закинув ногу на ногу, сидит на стуле, курит, что-то читает, а я пишу тебе письмо...

Странно смотрят на нас местные жители, единоличники. У них странные представления о Советском Союзе. Они почему-то считают, что у нас во всем сплошная неразбериха... Мечтаю о том, когда придут три великих дня:

1 день – Всемирный праздник – день окончания войны;

2 день – возвращение домой и наша домашняя встреча.

3 день – 1-й день учебы в Московском университете...

Опять полил дождь, типа осеннего, и так монотонно шумит по железной крыше, что невыносимо хочется спать...

Твой сын. 25 мая 1944 г.».

29 мая 1944 г. я писал папе:

«... Наконец установилась замечательная, ясная погода. Времени – 12.00. Тихо. Ласково светит солнце. В открытое окно доносится щебетание ласточек, кукареканье петухов.... Начиная с восхода солнца и кончая заходом (сейчас 8 часов вечера) не было ни одного выстрела ни из винтовки, ни из миномета...

Сегодня мой начальник принес откуда-то старенькую гармошку (русский строй) и целый день пилят на ней – надоело...

Кажется, что мы скоро начнем наступление (по моим подсчетам – вторая половина июня, в первых числах июля). А союзники? Черт их знает когда! Они доиграются на свою голову..... Они могут проиграть еще больше, если будут медлить.... Слежу за ходом шахматной битвы в Москве. Мне кажется, что в числе победителей будут Ботвинник, Флор, Смыслов ...».

«Дорогой папа! ...Об открытии второго фронта узнал в 16 ч. 40 минут, 6.06.1944 г. по телефону. Думаю, что к августу-сентябрю война окончится.... Десант в Европу окрылил меня и я сильно размечтался о своем будущем.... Твой сын – подпись 7.06.44 г.»

«...Недавно мы получили известие о том, что издан секретный приказ у немцев, в котором предписывается применять отравляющие газы, в случае их тяжелого положения на фронте. Надо сказать, что слухи о применении немцами газов доходили 2-3 раза, но немцы так и не прибегли к этой угрозе. Местное население полностью эвакуировано. Есть ли у тебя противогаз?..».

17 июня мне присвоили звание сержанта. 23 июня началось большое наступление в Белоруссии. Вчера сказали, что Ковель взят. Вчера убитому Петрову братишка прислал письмо с рисунками. Маленький домик, деревцо, автомобиль! Бедный братишка! Он не знает, что старший брат его убит два дня тому назад! Слезы навертываются на глаза!

13. Граница

Несмотря на запреты, я завел небольшой блокнот для записей, и все, что пишется дальше, пишется не только по памяти, но и по небольшим заметкам в этом блокнотике.

9 июля 1944 г. мы находились в деревне Новые Пустомыты, это где-то западнее Луцка километров 50-60. Горизонт затянут туманом, зловещая дымка, закат зловеще багров. Подходят танки, гудят автомобили. Начали 13 июля с боевой разведки, а она превратилась в наступление. Мы взяли 25 пленных: немцы, поляки, французы, даже русские. Прошли вперед 9 километров, утром снова двинулись вперед. Идем вдоль деревни. Немцы стали обстреливать нас из минометов. После каждого разрыва мины или снаряда куры недоуменно озираются, не понимают в чем дело. А мы спешим на Запад.

Прошли с боями около 40 км. и 19 июля вышли на свою государственную границу – реку Западный Буг. Деревня Ульвувеки. Наконец, солнце выглянуло из-за туч, и после дождика вся трава заблестела. Мы подошли к переправе через Западный Буг и ведем бой за переправу. Все ближе река. В небе разливаются нежные трели жаворонка. Вот и переправа! Осталось 20 шагов до границы, 10, 5, ..., один шаг – и я переступил границу Польши. Западный Буг я перешел 19 июля 1944 г. в 14 часов 30 минут.

14. На Польской земле

Интересны первые встречи с поляками. Каждый солдат России стал агитатором. Посмотрели бы, как наш солдат объясняет политику СССР, как он доказывает правду крестьянину-украинцу об СССР. И смешно, и жалко, что рядовому солдату Красной Армии не хватает знания польского или

украинского языка. Но он объясняет... Мы видим сожженные села Польши. Немцы натравливают поляков на украинцев – плохая политика.

Сегодня 22 июля...

«Дорогой папа! Продолжаем наступать! Прошли 30 км по Польше. С интересом смотрю на жизнь поляков. Жив, здоров. Настроение отличное. Питание отличное...».

24 июля 1944 г. Продолжаем наступать: Лащув, Вожичин – их же не найти ни на одной карте. В саду ели малину. Сожженный сахарный завод. В ночь с 23 июля на 24 июля немцы отступили на 15 километров, заминировали дороги, подорвали мосты. Население встречает нас цветами. Прошли 41 километр: от Дзероншни – Косцельня – через Крынице, Поленувка, на Шебрешин. Население забросало нас цветами. Ждали нас по одной дороге, а мы свернули на другую – так девочки бежали сломя головы по полю, одна даже упала, но вскочила, догнала нас, и запыхавшаяся, счастливая, улыбающаяся, вручила нам цветы и вернулась к своим назад.

27 июля – до Берлина остается 500 км. Вчера писал письмо папе, а внизу нашего 2-этажного дома, в котором мы остановились ночевать, играл баян, играл очень хорошо.

Пошла совсем иная война. Немцы почти не сопротивляются. На каждый немецкий самолет вылетают 4-5 наших. У нас большое преимущество в артиллерии и танках. Хорошее питание. Как все это не похоже на войну на нашем северо-западном фронте, в районе реки Ловать зимой 1942 – весной 1943 годов.

Впечатление такое, что немцы проиграли в своей душе эту войну и ни во что не верят. Они просто отступают, а мы идем вперед. Изредка возникает ружейно-пулеметная перестрелка, но она почти сразу кончается, как только начинает работать наша артиллерия и **появляются наши** танки.

До Вислы осталось 6 километров. Где-то сбоку – непрерывная стрельба – наши форсировали Вислу, а немцы хотят согнать их с плацдарма. Мы пока во втором эшелоне. Стоим в лесу.

15. Маленький плацдарм на Висле

16 августа, около 8 часов утра. Нам удалось захватить маленький плацдармик на западном берегу Вислы. Немцы нас непрерывно обстреливают *и атакуют*, но мы окапываемся, сидим на плацдарме и не отдаем его. Я вырыл маленький окопчик, прикрыл его тонкими дощечками толщиной в 2-3 см, зачем – сам не знаю – так «надежнее». Но на этом плацдарме мы были недолго. В ночь с 19 августа на 20 августа нам приказали сдать позиции другим частям, которые пришли на наше место, а мы, переправившись на восточный берег, совершили марш из Доротки к Завихосту. А через день немцы ликвидировали наш маленький плацдарм. *Мне трудно представить*, как наши солдаты могли вернуться с *этого* плацдармика на свой берег через воды быстрой Вислы.

16. Сандомирский плацдарм

20 августа 1944 г. День. Лежу на берегу Вислы, на песчаном скате, покрытом мелкими кустиками жесткой сухой травы. Ночью – переправа на западный берег Вислы, на Сандомирский плацдарм, удерживаемый нашими частями. К этому времени он был расширен до 80 км по фронту и до 50 км в глубину. С первого же дня пребывания на плацдарме мы ежедневно начали подвергаться сильному артиллерийско-минометному обстрелу, атакам пехоты, но мы твердо стояли на своих позициях. До конца августа продолжались непрерывные попытки немцев согнать нас с плацдарма – мы находились на самом правом фланге плацдарма в 7 километрах от Сандомира – но у немцев ничего не получалось.

В одном из писем я пытался зашифровать название города Сандомира, чтобы объяснить папе, где я нахожусь, и в письме послал шараду: *«...нахожусь по месту расположения на самом правом фланге плацдарма*

недалеко от города, состоящего из чина («сан»), ноты («до») и того, что бывает после войны («мир»), в 8-10 км...». Не знаю, понял ли папа что-либо из моей шарады, но цензура ничего не вычеркнула.

26 августа, 16.00. Пришло сообщение о событиях в Румынии, а в 20.00 – сообщение о событиях в Болгарии. Все рады до бесконечности. К нам ежедневно приносят газету «Правда» - она приходит с опозданием на один-два дня, но все равно в наших условиях это замечательно.

Антон Иванович Лях перевели из нашей части в штаб армии – в отдел снабжения горючим. Так что «по душам» мне теперь поговорить не с кем.

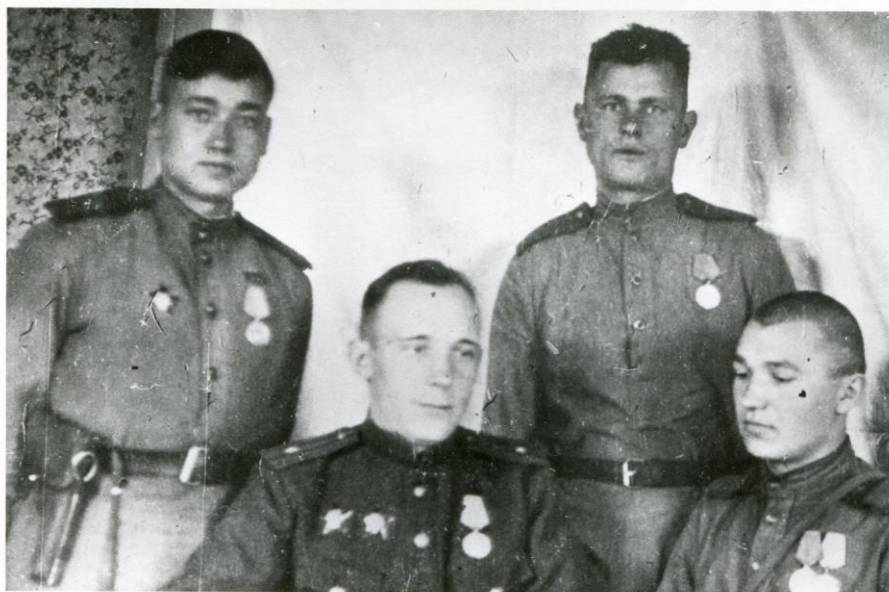
Слева капитан Александр Михайлович Торгашев, справа связной - рядовой Завдовьев. После форсирования реки Вислы (9.10.1944 г.).

Пришел сентябрь месяц, а мы твердо стоим на своих позициях на Сандомирском плацдарме, держим оборону – воюем уже пятый месяц подряд. *За форсирование реки Вислы и оборонительные бои на Сандомирском плацдарме я был награжден медалью «За отвагу».*

Наконец-то, в двадцатых числах октября, нас вывели во второй эшелон и разместили на окраине города Сандомира. Здесь мы вели себя уже свободно – фронт был от нас далеко, в 10 километрах. Я несколько раз бывал в городе.

Мы, конечно, не знали, сколько будем здесь стоять. Совершенно случайно мне удалось сыграть в Сандомире в шахматном турнире – я описал это событие в рассказе «Мои шахматы в годы Великой Отечественной войны», [который был напечатан в газете «Вести Дубны» 26 апреля 2010 г.](#)

[Ниже я привожу этот рассказ почти полностью с некоторыми купюрами.](#) Это был не только мой первый в жизни турнир – он оказался к тому же «международным» - и вот как это получилось.

Город Сандомир (Польша), 11 ноября 1944 г. Сидят: нач. оперативного отд. штаба 983 сп майор Торгашев и сержант Исаев. Стоят слева на право: командир разведвзвода младший лейтенант Моиссеев и рядовой Завдовьев.

17. Мои шахматы в годы Великой Отечественной войны

Я родился в с.Коршево Бобровского района Воронежской области 17 апреля 1924 г. Телевидения тогда не было, радио не было, газеты мои родители не выписывали. Моя мать была неграмотной, но отец с отличием окончил в 1912 году 2-классную церковно-приходскую школу [и позже бухгалтерские курсы](#), отлично пел, отлично играл на гармошке, был участником Гражданской войны (1918-1921 гг.) и, можно сказать, по тем

временам «видел свет». В карты и шашки на селе играли, играли много, но в шахматы никто не играл и мало кто и что о них мог сказать.

Откуда у меня проявился интерес к шахматам, где я увидел **эту** игру **впервые**, как я научился играть в шахматы, откуда появилась всезахватывающая любовь к шахматам – я не помню, не знаю. Я помню лишь, что я сам вырезал шахматные фигурки из дерева, сам нарисовал шахматную доску на бумаге, сам изучал шахматную игру по книге, которую случайно увидел в школьной библиотеке. Дом у моего папы был новый, крытый железом, сени были просторные, в сенях стоял деревянный стол на 4-х ножках, над столом с потолка свисала керосиновая 10-линейная лампа, было светло, и я вечерами просиживал за этим столом над чтением шахматного учебника, разыгрывал шахматные позиции, изучал примерные партии, приведенные в книге – сидел до 11-12 часов ночи. Мама была недовольна и прогоняла меня спать. Шахматных партнеров у меня не было, и я открывал какую-нибудь шахматную партию из учебника, сажал папу на другой конец стола и старался угадывать ходы мастеров в этих партиях, и мой отец удивлялся тому, как часто мне удавалось в непростых позициях угадывать эти ходы.

Думаю, что все-таки первым учителем игры в шахматы у меня был Пономарев Николай Дмитриевич – учитель географии Битюгской неполной средней школы (с. Коршево стояло на берегу реки Битюг – отсюда название школы). В 1935 году (как я полагаю) он приглашал меня в учительскую, и я играл с ним в шахматы, и игра у нас шла «на равных», **хотя мне было всего 11 лет**. Был в моей школьной жизни эпизод, именно на одном из его уроков географии. Я был первым отличником в школе, учился легко и, если «шалил» немного на уроках, учителя прощали мне эти шалости. Но не так было на этот раз. Вызвал Николай Дмитриевич ученицу Тимашову к доске и просил показать на карте, где расположена Земля Франца Иосифа. Взяла Тимашова указку и стала медленно вести ее концом вдоль берега Северного Ледовитого океана от Мурманска до Берингова пролива, а потом обратно. Училась

Тимашова средне, класс затих, запахло двойкой. И в этой тишине я с задней парты негромко произнес: «Ну, загуляла...». Класс засмеялся.

Николай Дмитриевич сердито встал со стула и громко спросил: «Кто сказал?» Я безбоязненно встал и произнес «Я». Мы боялись Николая Дмитриевича, он по-настоящему бывал строг и сердит и не прощал нам глупых шуток. И в мертвой тишине класса он громко сказал: «Исаев, выйди из класса» – так я простоял в коридоре весь урок до звонка. Этот эпизод запомнился мне на всю жизнь – он был единственным «хулиганским» поступком в моей школьной биографии.

С 1936 года до 1938 года папа работал главным бухгалтером Избердеевской МТС (машинно-тракторной станции) Тамбовской области. Наша семья переехала на жительство в Избердеево. И здесь, в Избердеево, папа купил мне настоящую шахматную доску с настоящими, пахнувшими лаком, фигурками. Радости моей не было конца.

12 августа 1938 года папа снова вернулся в родное село и поступил на работу, на должность главного бухгалтера Шишовской МТС (в пяти километрах от нашего дома в с. Коршево). К нам в Коршево из районного центра Боброва, по долгу службы, иногда приезжал главный агроном РайЗо (районного земельного отдела) Анохин – в то время он был чемпионом г.Боброва по шахматам. По вечерам ему на селе делать было нечего, и ему указали на меня как на мальчика, умеющего играть в шахматы. Он пришел к нам в дом и, к удивлению и несказанной радости моего папы и наших соседей, я выиграл у него несколько партий. Это была первая, настоящая проверка моих шахматных возможностей. Видимо, в это время мою шахматную силу можно было оценить на уровне второго, а может быть, и первого разряда. От Анохина я узнал, что в Боброве есть еще один сильный шахматист – врач Чернавский. Чернавскому в эти годы было лет 60-65. Он был красивым мужчиной с замечательной холеной седой бородкой.

От с. Коршево до г. Боброва было километров 8-10, и я пешком ходил в Бобров на свидание с девушкой, с которой познакомился во время ее отдыха

у ее родственников в с. Коршево. Вероятнее всего, меня с Чернавским познакомил Анохин. Во время посещений города Боброва я стал заходить к Чернавскому играть в шахматы и регулярно обыгрывал его. Он сердился на себя, говорил, что не может сосредоточиться на игре в шахматы с мальчиком, со школьником, что у него нет стимула, и однажды предложил играть с ним в шахматы на деньги (для стимулирования) – проигравший должен платить. За каждую проигранную партию один рубль. У меня, конечно, денег с собой не было, но я, тем не менее, согласился на эти условия – я верил в свою силу. И в этот день я выиграл у Чернавского пять рублей. Не знаю, не помню почему, но больше я с Чернавским в шахматы не играл. Когда в Боброве начался шахматный турнир, меня пригласили принять в нем участие, но это было мне не по силам – очень далеко от дома.

Вскоре началась Великая Отечественная война, и мне уже было не до шахмат. После призыва в армию я попал в 108 запасной стрелковый полк в г.Муром. Через три-четыре месяца меня направили на Северо-Западный фронт. Мы держали оборону в Ленинградской области на озере Велье. Потом я принимал участие в боях за г.Старая Русса, где-то недалеко была река Ловать. Мы, рядовые солдаты, как правило, плохо знали, где воевали. А места там были болотистые, сырые, в марте-апреле – бездорожье, снабжение плохое, иногда мешки с сухарями и продуктами сбрасывали с самолета У-2 и иногда эти мешки попадали в болота с водой или к немцам на передовую. В апреле-мае 1943 года нас перебросили в район Курской дуги и после разгрома немцев на Курской дуге, южнее Белгорода, мы стали быстро продвигаться на запад и с ходу форсировали Днепр в районе г.Канев (родина Тараса Шевченко)..... В июне-июле месяцах 1944 года мы вышли на переднюю линию фронта вблизи старой границы СССР с Польшей.... 31 июля 1944 года мы уже стояли в 6 км от Вислы, а с 8 августа, после форсирования Вислы, создали плацдарм на западном берегу реки. Примерно в течение месяца мы держали оборону на Сандомирском плацдарме, а в октябре или начале ноября 1944 года наш полк отвели на отдых и

пополнение на окраину города Сандомир. Здесь, в Сандомире, состоялась «международная проверка» моей силы игры в шахматы.....

В своем письме 25 октября 1944 года я писал **папе**: *«В данное время я стою во втором эшелоне на окраине города. Несколько раз бывал в нем и хорошо знаю его. Играл в шахматы с поляками, которые, по словам поляков, играют «добже». Оказывается, все они играют «не добже», и не только не смогли выиграть у меня, но даже вничью не свели ни одной партии. Они проигрывали на 15-30 ходу...».*

Я не помню, как я познакомился со старшиной войска Польского. Старшина служил в Польской Народной Армии. Эта армия принимала участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками вместе с советскими войсками, и соединение этого старшины стояло тоже в Сандомире. В течение ноября я иногда заходил в польскую казарму и играл с этим старшиной в шахматы. Однажды вечером я пришел к нему в казарму, а у поляков были накрыты столы, за столами сидело около 40 поляков солдат, на столах стояли бутылки спиртного и разнообразная закуска. Они отмечали какой-то свой национальный праздник, связанный с именем Пилсудского (может быть, годовщину образования независимой Польской Республики в 1918 году). Поляки искреннее обрадовались моему приходу, посадили за стол, налили в бокал спиртное, приготовили закуску. Я встал, провозгласил тост за их здоровье, за нашу боевую дружбу, за нашу победу над фашизмом, посмотрел сквозь бокал со спиртным на электрическую лампочку. Оно, это спиртное, было необыкновенно чисто и прозрачно. Видимо, на моем лице изобразилось какое-то недоумение, недоверие. «Что это?» - спросил я. Два поляка, стоявшие по бокам с двух сторон от меня, дружески похлопывая меня по плечам, говорили: «Пей, пан Петр, пей!» Я видел, что это что-то, похожее на самогонку — слишком чисто и прозрачно, самогонка выглядит более мутноватой жидкостью. Но поляки продолжали: «Пей, пан Петр, это — бимбор», т.е. самогонка. Мне было тогда 20 лет, я прошел почти три года войны и негоже русскому солдату пасовать перед бокалом «бимбора». Я

выпил бокал сразу, весь, до дна. И в тот же момент у меня перехватило дыхание, из глаз потекли слезы, я не мог произнести ни одного слова. Так продолжалось секунд 15-20. Потом поляки грохнули от смеха, мне дали выпить несколько глотков воды и ко мне вернулось дыхание и хорошее настроение. Оказалось, что поляки все-таки налили мне полный бокал чистого спирта. Все кончилось благополучно, хорошо, весело. После этой вечеринки я вернулся к себе в часть. А на другой день, утром, мне очень хотелось пить. Я выпил стакан воды и снова почувствовал, что я пьян – таково действие спирта.

Так состоялось мое первое знакомство с польским шахматистом и впервые со спиртом.

Однажды я шел по улице Сандомира и увидел мальчика лет 12-13, который с шахматной доской под мышкой спешил куда-то. Я остановил его, спросил, куда он идет, он испугался, но ответил, что планируется шахматный турнир в Сандомире. Это меня очень удивило – в 20 км от города проходит линия фронта, а здесь уже собираются играть в шахматы! Я сказал ему, что я умею играть в шахматы и тоже хочу играть в турнире. Он (без радости) был вынужден пойти со мной в дом, где собрались шахматисты. Действительно, в комнате стояли столы с шахматными досками и в ней находились человек 20-25. Поляки страшно удивились, и может быть испугались, увидев русского солдата, стушевались, но вскоре успокоились. По-видимому, посчитали, что участие в турнире русского солдата будет для них хорошим прикрытием от всех неприятностей. Сказали, что я должен внести денежный турнирный взнос в злотых (я не помню точной суммы взноса). У меня была эта сумма, и я сразу внес эти деньги. Игра началась.

Я выигрывал партию за партией. Особенно мне запомнилась встреча с пожилым (лет 65-70) поляком. Были рокировки в разные стороны. Я не помню, что я сделал, но поляки сказали, что по каким-то их правилам я должен ладьей побить почему-то пешку противника. Таким образом, я остался без фигуры. Я расстроился, даже разозлился на них, но делать нечего

– надо играть по их правилам. Успокоившись, я увидел, что этой жертвой можно организовать атаку на короля противника. Видимо, мой противник защищался не лучшим образом, и после нескольких ходов и еще одной жертвы фигуры я поставил противнику мат! Поляки были потрясены, а мой противник сказал, что в годы первой мировой войны (1914-1918 гг.) он играл в Германии «с доктором Ласкером», но такого разгрома ему не учинял никто.

После 15-17 туров я шел на первом месте. Но окончить турнир мне не удалось – мы должны были выступать на фронт. Наш полк шел по улице Сандомира на Запад, польские жители стояли вдоль улицы и провожали нас, смотрели, как мы уходим на войну и вдруг я увидел группу шахматистов, с которыми я играл, а они увидели меня и дружественно, по-хорошему, махали мне руками, провожая меня на фронт, и кричали: «Пан Петр! Довидзення». Мы желаем тебе победы!» Так закончилась моя фронтовая шахматная жизнь – больше на войне играть в шахматы мне не пришлось.

Я остался жив, но с польскими (сандомирскими) шахматистами больше никогда не встречался.

«Дорогой папа! Твое письмо, датированное 2.11, я получил 21.11. Спасибо тебе за твою подробную информацию о логове зверя⁸⁷. Мы живем в несколько иной обстановке, здесь и жители есть и горилка.... Вот уже месяц и пять дней стоим во втором эшелоне. За это время я хорошо изучил польскую жизнь и маленький польский городишко. Играл здесь и с «сильнейшим» (как его называют поляки) шахматистом – он такой же заурядный игрок, как и все прочие.... Два раза присутствовал на футбольном матче. Бывал в кино, бывал в магазинах, в квартирах учителей, торговцев, в казарме польских солдат – везде побывал, все видел, все знаю.... Свободное время использую как хочу. Авторитетом пользуюсь большим – капитаны и майоры иногда обращаются ко мне по какому-либо непонятному для них вопросу.... То, что я получаю из дома, не радует меня. Ведь они из двенадцати, одиннадцать месяцев не видят хлеба и масла.... 24.11.44 г. »

18. Новый год

⁸⁷ Речь идет о Восточной Пруссии.

Свое отношение к Новому, 1945 году, я выразил в своем письме папе:

«С Новым годом, папа!

24.00, 31.12.44 г.! Последние секунды старого года!

Много шуток сложено о переходе из старого года в Новый. Пошутил и наш повар: «Давайте, давайте... Подходите... Все... До следующего 1945 года вы у меня больше ничего не получите!» Когда бы ты ни получил это письмо⁸⁸, я все же поздравляю тебя с наступающим, самым хорошим годом из всех годов Отечественной войны – самым знаменательным в истории человечества 1945 годом тем, что в нем демократические силы человечества обязательно одержат верх над фашизмом!

Это уже третий Новый год, который я встречаю в обстановке войны. Сколько было надежд в 1942 году! Казалось, что после Сталинградской битвы и в связи с наступлением наших войск на Курской дуге война должна была скоро кончиться! Но прошел 1943-й – а война продолжалась.

Но и в 1943 году, сидя с Антоном Ивановичем в овраге, на том берегу Днепра, любуясь его водами, в которых мы рисковали ежеминутно плавать, мы рассчитывали: «Что бы там ни было, а дальше мая 1944 г. она не продлится!» Но подошел май 1944-го, а война продолжалась. Я думал, что к Октябрьской 1944-го все будет кончено – и ошибся снова. К Новому, 1945? – снова ошибся. И если бы не надежда, что война скоро кончится, которая не покидала солдат с первых дней войны, если бы все знали, что она протянется до конца 1945 года, она вряд ли бы и началась!..

Счастье для солдат, что они не знали даты ее конца – в них всегда теплилась надежда на будущее. Многие не увидят его, но еще большее количество будет радо концу войны!

Думаю и я попасть в число радующихся концу войны. Говорят «бог любит троицу». Что же, я уже отпраздновал три года в окопах войны. Неужели ОН изменит свою любовь к цифре 3 и перекинется на цифру 4?!

⁸⁸ Папа получил это письмо 24.01.1945 г. Он ставил даты получения на всех моих письмах.

После твоего письма я начал успокаиваться о будущем положении мамы, Сережи и Шуры. Ты убедил меня, что они еще могут год продержаться. Это хорошо...

Пришел мой товарищ – несет выпивку в честь Нового года. Но это маловато, а прибавить не откуда – здесь жителей нет, буряков нет (мы сами два месяца назад промышляли на буряках). Так что, справляем его скудно, но это вероятно потому, что в этом, 45-м, году будет дополнительно праздноваться конец войны! Хорошо бы совместить их с 1 мая 1945 года – ведь чехословацкий президент Бенеш сказал в 1943 году, что война будет не дальше 1-го мая 1945 года.

Погода у нас теплая. Снега нет. Ходим почти раздетыми...».

«....Весь день 1-го января стояла пасмурная погода. Немцы ночью в 2.00 1 января (по местному времени) дали залп из пулеметов и ружей трассирующими пулями и выпустили громадную серию цветных ракет. К обеду в разрывах плотных иссиня-черных облаков выглянуло солнце. Был редкий артиллерийско-минометный огонь.

Весь день бездельничали. Водки нет... Играем в карты. Настроение хорошее. К вечеру небо расчистило – к этому времени солнце уже зашло за горизонт. Кругом разговоры про Новый год, а в ночь с 1-го января 1945 г. на 2-е января 1945 г. немецкие разведчики сумели без выстрелов, без шума и крика утащить у нас с передовой пулеметчика с пулеметом. Жуткую правду рассказал о себе наш посыльный Олейников – о том, как над ним издевались немцы из «СС», как его угоняли в Румынию, как он отстал, как немцы жгли убитых (56 человек), как делали облавы.»

Наши станции подслушивания донесли весть об отводе немецких войск с нашего участка в тыл. Зачем? В то время, мы, солдаты, ничего не знали об успешном наступлении немцев в Арденнах против англо-американских войск.

Но уже на 3-й – 4-й день после Нового года началась разведка боем и нами, и немцами. Активные действия на нашем участке фронта заставляют

нас быть готовыми ко всему. Пошли слухи, что в ночь с 5-го января на 6-е января мы начнем боевые действия по окружению немцев совместно с 1-м Белорусским фронтом. 6 января на нашем левом фланге начало греметь – а у нас пока тихо.

Наше наступление началось неожиданно – в 2 часа дня, 15 января 1945 г. Было пасмурно, с неба шел тихий маленький снежок. Нам сказали – «Вперед» – и мы без всякой артподготовки встали и пошли вперед. Немцы не оказывали нам никакого сопротивления, никто в нас не стрелял.

Я не могу назвать ни одного населенного пункта, которые мы прошли от Сандомира до Глогау – у меня сейчас такое впечатление, что мы все время шли какими-то лесными дорогами, обходящими города и даже польские деревеньки.

19. Пропал стрелковый полк

Но об одном из удивительных эпизодов нашего наступления я не могу не рассказать. **Точно не помню**, когда это было – во второй половине января, или в начале февраля 1945 года. Мы все время «догоняли» немцев, а немцы «поспешно, без боя отступали». Мы шли лесной дорогой. Примерно в середине дня наша колонна внезапно остановилась. Разведка доложила командиру полка, что большая колонна немцев в сопровождении обоза из сотен подвод движется не на запад, а с юга на север. Видимо, у немецкого командования не было никакого представления о движении наших войск, они просто запутались в военной обстановке и, вероятнее всего, решение идти лесной дорогой с юга на север было продиктовано попыткой уйти подальше от какой-то опасности, грозившей им с южной стороны.

В это можно поверить потому, что когда изредка нам попадали на дороге поляки и мы их спрашивали: «Проходили ли здесь русские войска?», они отвечали: «Ваши танки проходили здесь два дня назад!» - ответ, который нас

удивлял и доставлял удовольствие. Итак, мы шли лесной дорогой точно на запад, а немцы шли лесной дорогой точно на север – поперек нашего движения. Разведчики заметили немцев примерно за 2-3 километра до нашего с ними «пересечения». Нам было приказано приготовиться к бою и ждать подхода немецкой колонны. Были выдвинуты полковые орудия, выдвинулись пулеметчики, мы залегли вдоль дороги. Через несколько минут показалась немецкая колонна. Она спешила на север, не замечая нас, – и в этот момент, совершенно неожиданно для неприятеля, их колонна попала под уничтожающий артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. Часть фашистов была убита на месте, не притронувшись к оружию, обоз был брошен на дороге, часть немцев сдалась, а какая-то малая часть фашистов бросилась бежать в лес, рассеялась подальше от дороги и исчезла из виду. Все было кончено за 10-15 минут. Что находилось на санях – я не знаю. Вещи были сброшены с саней – («потом разберутся кому надо») убитых и раненых лошадей распрягли, а на освобожденных повозках быстро расселись наши солдаты, и мы «рванули» на запад на обозных санях. В этот день мы продвинулись вперед более чем на 50 километров. Наша «инициатива» вызвала переполох в штабе дивизии – нас нигде не могли найти – дивизионные посыльные возвращались в штаб дивизии, разводя руками – пропал 983-й стрелковый полк! К вечеру ситуация «разрядилась», полк нашелся, благодарностей мы не слышали, а что было сказано командиру полка полковнику Сарычеву (о нем я говорил выше) я в точности не знаю, **но могу догадываться.**

В 4 часа утра 26 января мы пересекли границу Германии с Польшей после 1918 года⁸⁹, а в 23.00, 30 января – границу Германии с Польшей до 1914 года⁹⁰.

⁸⁹ Видимо здесь упоминается граница, установленная после первой мировой войны, между Силезским Воеводством, входящим в состав Польши, и Верхней и Нижней Силезией, включенной в состав Германии (примечание редактора).

⁹⁰ Здесь упоминается граница раздела Польши между Российской Империей и Германской Империей (примечание редактора).

В 8 часов утра 6 февраля мы форсировали Одер – речка не малая, но «малая» по сравнению с Вислой или Днепром, захватили небольшой плацдарм – мы уже привыкли к «большим» плацдармам на Днестре и Висле. У меня создается впечатление, что если надо было форсировать реку, или оборонять захваченный плацдарм, то это поручалось нашей дивизии. Немцы где-то впереди, рядом – не далее 2-3 км от нас. А у нас на плацдарме играет гармошка, песни, пляски, машины ходят с зажженными фарами, костры горят – и все спокойно, немцы молчат, не стреляют, нас не трогают, боятся – вот так мы их приучили!

20. Под Глогау

8 февраля 1945 г. мы были уже под Глогау. До Берлина оставалось какая-то сотня километров. Погода была плохая, снега не было, было грязно. Иногда шел мелкий дождик. Немцев били сильно – во всем чувствовалось наше превосходство – и на земле, и в воздухе. И даже находясь в опасной близости от фашистских войск, мы чувствовали себя в безопасности.

С боем форсировали р. Бобер – но это была легкая задача для нас, а 16 февраля мы практически без боя взяли город Грюнберг («Зелена Гура»). Город был почти пуст. По Ялтинскому соглашению он отходил к Польше. Видимо, немецкое население знало об этом или догадывалось. Расположились в какой-то городской квартире, достали «трофеи» – бутылку с вином и закуску, за столом – веселье: война скоро кончится!

Кое-кто шарит по комнатам, во дворе – по сараям – в надежде найти что-нибудь ценное. Но никто ничего ценного не находит.

21. Бои за Губен

В начале марта подошли к городу Губен. По дороге произошел трагический военный случай: у какого-то селения, как только мы вышли из

него, нас обстреляли из пулеметов и винтовок. Огонь был несильный и не очень прицельный. Вреда нам не причинил. Мы «рассыпались» цепью, а шедшие впереди разведчики, профессионалы своего дела, быстро изолировали эту группку стрелков – оказалось, что это были власовцы, вооруженные двумя пулеметами и винтовками, оставленные немцами для задержки нашего продвижения вперед. Когда я вместе с другими солдатами подбежал к этому месту – на моих глазах разыгралась трагедия. Власовцы были разоружены, они стояли в окопчике длиной метров 20 и глубиной в рост человека – чтобы вырыть такой окоп нужно потратить время. Их было около дюжины, среди них двое совсем юных мальчиков лет по 15-16, остальные – пожилые люди.

Разъяренные разведчики, которые были обстреляны первыми, решили расстрелять власовцев на месте, в окопе. Командир разведчиков кричал в бешенстве: «Вы стреляли в нас, вы хотели нас убить – теперь погибайте сами!...» Его можно было понять – они, разведчики, не раз ходили за линию фронта, а тут могли погибнуть так нелепо в самом конце войны. Пара старых власовцев, седых и усатых, умоляла его: «Хорошо, расстреливайте нас, но оставьте в живых молодых ребят...». Разведчики, вооруженные автоматами ППШ, ничего не хотели знать и слушать, командир первым нажал на спусковой крючок, и к нему присоединились остальные автоматчики. Все власовцы были расстреляны и остались навеки в своем окопчике. Я видел, как пули из ППШ, вонзаясь в спину убитого власовца, заставляли его мертвое тело слегка вздрагивать на земле – так велика убойная сила пули из автомата. У власовцев даже не пожелали посмотреть документы, да и вряд ли эти документы у них были.

За Губен начались тяжелые бои – можно сказать, что начались бои за Берлин. Губен оправдал свое звучное название – губить людей. Я сегодня не помню, сколько мы простояли под Губеном, но помню, что немцы непрерывно, ежедневно пытались отбить у нас этот город. Бывали дни, когда

мы отбивали по 3-4 атаки в день. Но у немцев не было никаких шансов вернуть себе этот город!

В этих боях против нас воевали батальоны фольксштурма – «старики» (старше 50 лет) и члены союза фашисткой молодежи – «гитлерюгенд» – мальчишки в возрасте 15-17 лет. Ни те, ни другие не имели опыта войны, и не могли противостоять в борьбе с нашими закаленными и умелыми солдатами. Эти фашистские соединения не воевали – они лезли напролом, стреляя в направлении нашей обороны, орали, шли в атаку – а мы их расстреливали почти в упор. Нечто подобное наверно происходило в 1941 году под Москвой с нашим ополчением. Конев пишет в своих воспоминаниях: «... В рядах фольксштурма в дни решающих боев за Берлин господствовало настроение, которое я бы охарактеризовал как истерическое самопожертвование. Эти защитники третьей империи, в том числе совсем еще мальчишки, видели в себе олицетворение последней надежды на чудо, которое вопреки всему в самый последний момент должно произойти...»⁹¹.

В боях под Губеном бессмысленно погибли десятки тысяч молодых и старых немцев.

22. Бои за Котбус.

«Дорогой папа! ... Неделю тому назад я был награжден орденом Красной звезды. Жив, здоров Твой сын – подпись. 30.03.45 г.»

Уже под самым Берлином мне запомнились тяжелые бои под Котбусом и ночные бои с окруженной немецкой армией, пытавшейся пробиться на запад на выручку осажденного в Берлине немецкого командования во главе с Гитлером.

Ниже мы увидим, насколько незначительными и не имеющими, казалось бы, смысла выглядят усилия рядового солдата в локальных боях под Котбусом, по сравнению с грандиозностью событий, разворачивавшихся там и описанных командующим 1-ым Украинским фронтом маршалом Коневым.

⁹¹ И.С.Конев. «Сорок пятый». Военное изд-во Министерства Обороны, Москва, 1966, с.198.

А ведь именно тогда, многие мои товарищи были убиты и ранены. Как по разному видится война «снизу» и «сверху»! Я сознательно сделаю несколько выписок из книги И.С.Конев «Сорок пятый», стр. 125 – 128.

«... В район Котбуса гитлеровцы стянули несколько танковых дивизий... с целью попытаться ударом под корень сорвать наступление нашего фронта...» Мы, рядовые красноармейцы, конечно, об этих танковых дивизиях ничего не знали.

«... 19 апреля... в середине дня немцы попытались, наступая из района Котбуса, ликвидировать занятые частями армии Гордова⁹² плацдармы на Шпрее.

... 20 апреля. Преодолевая все заранее приготовленные противником рубежи, прорываясь сквозь труднопроходимые леса и болота, которых на подступах к Берлину очень много, войска нашей главной ударной группировки наступали круглые сутки...».

«... На нашем правом фланге армия Гордова, продолжая вести упорнейшие бои с котбусовской группировкой, не только отразила сильные контратаки немецко-фашистских войск, но и успела перерезать пути их отступления на запад, прижав противника к болотистой пойме Шпрее...». Где, в каком месте, и что делал солдат Исаев, солдаты Ивановы, Петровы, Сидоровы.... – в этой, описанной Коневым военной обстановке? Сколько было нас раненых, убитых и кто остался жив? – знает один Бог⁹³.

«... Котбусовский узел обороны слишком чувствительно нарушал всю работу наших тылов. Пока он не был взят, нам приходилось обходить его проселочными дорогами, с большим трудом ограничивая подвоз и горючего, и боеприпасов, в особенности для танковых армий...».

Это я хорошо помню. Быстрое продвижение наших войск приводило к тому, что тыловые части сильно отставали от передовых частей. Разрыв

⁹² Это 3-я гвардейская армия, в которую входил 21-ый стрелковый корпус и моя 253-я дивизия.

⁹³ По данным ЦАМО РФ, 253-я стрелковая дивизия за период 10-20 апреля 1945 г. потеряла 977 человек и на 20 апреля ее численность составляла 4344 человека. Таким образом, за этот период в дивизии погиб, или был ранен, каждый пятый.

доходил до сотен километров. Бензин у водителей автомашин и танков кончался и техника останавливалась. Темп наступления замедлялся. Но смекалка русского солдата и здесь брала верх. На некоторых железнодорожных немецких станциях стояли брошенные эшелоны с цистернами, наполненными спиртом. Бойцы подходили к цистернам, давали очередь из автомата по ним, и из отверстий цистерн струйками начинал вытекать спирт. Спиртом наполняли ведра, котелки, фляжки и т.д., а шофера и танкисты смешивали этот спирт с бензином в известной им пропорции, заливали моторы автомобилей и танков и снова двигались вперед на этой смеси – моторы «чихали», тяга уменьшалась, но все равно техника двигалась вперед. Такую смесь бензина со спиртом солдаты называли «автоконьяком». Вечером, после боя, наливали ведро автоконьяком доверху, поджигали спичкой и ждали, когда желтый цвет огня от бензина сменится на голубой от спирта. Закрывали фуфайкой ведро и получали, хотя и не очень чистый, но спиртовой остаток, сильно пахнущий бензином. Этот автоконьяк черпали своими железными солдатскими кружками и пили вместо водки. А потом в вечернее или ночное время выпившему кружку автоконьяка говорили: «А ну, Иван, дыхни!» Он выдыхал, к его рту подносили горящую спичку, и тогда с веселым смехом все наблюдали огненную струю выдыхаемого воздуха, [как у факира в цирке](#).

Но иногда вместо чистого спирта солдатам попадал метиловый спирт и эти шутки кончались печально – солдаты теряли зрение от такого автоконьяка, их везли в больницу [и все могло закончиться смертью](#). Отравлений метиловым спиртом было немного – но все равно появился официальный приказ командования, запрещающий солдатам заниматься поиском «спирта» на железнодорожных станциях.

Котбус наша дивизия брала не одна – на город наступали со всех сторон – мы наступали с южной стороны. [К 9.00 утра 22 апреля 58-я и 253-я стрелковые дивизии ворвались в город с юга](#). К обеду 24-го Котбус был взят и, как нам сказали, теперь «Дорога на Берлин свободна».

«... В боях за Котбус войска Гордова захватили 100 танков, две тысячи автомашин и около тысячи семисот пленных. Тот факт, что число пленных оказалось относительно небольшим, объяснялось исключительной ожесточенностью сопротивления немцев. Они дрались под Котбусом бужально до последнего дыхания. После ликвидации котбусовской группировки войска Гордова не только повернули на север⁹⁴, но и стали выходить на северо-восток, непосредственно на 9-ю армию немцев. Теперь Гордову предстояло целиком заниматься именно ею – громить ее и не допускать прорыва на тылы фронта...» (с.143).

Оценивая обстановку на фронте, И.С.Конев писал 24 апреля: «... Второй узел – ожесточенная борьба с пытающейся прорваться франкфуртовской губенской группировкой. К этому времени 9 немецкая армия Буссе, основная сила этой группировки, уже получила приказ Гитлера пробиваться на юго-запад, навстречу армии Венка...» (Конев, с.160). Раньше, читая мемуарную литературу, я думал, что там, под Берлином, мы боремся против 12-й армии Венка. Оказалось, мы противостояли 9-й армии Буссе, **об этом, кстати, подробно написано в книге А.В.Исаева «Берлин 45-ого. Сражения в логове зверя».**

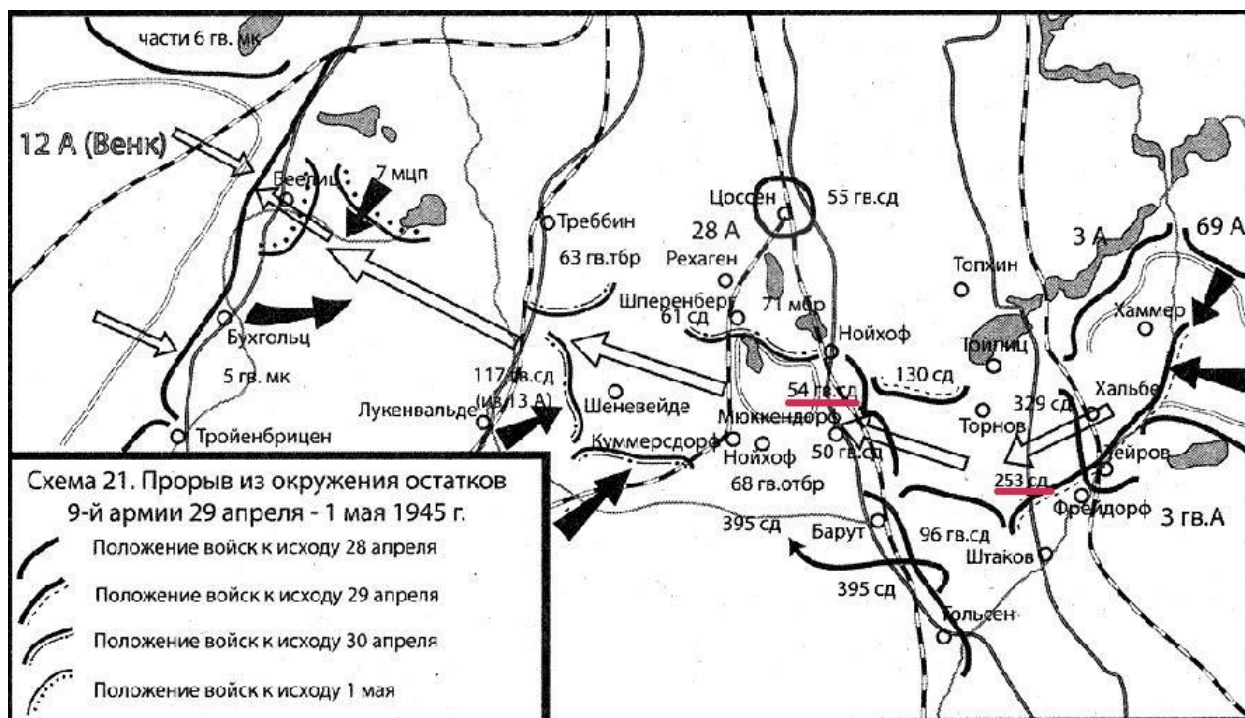
23. Бои под Берлином. Ночной бой при Хальбе.

Идея Гитлера состояла в том, чтобы объединить армию Буссе с армией Венка и разгромить советские войска под Берлином.

«... Уже существовал приказ Гитлера, по которому 12-я армия Венка, обязывалась прекратить действия против наших западных союзников, повернуть фронтом на Восток и создать ударную группировку для деблокирования Берлина ударом по советским войскам, наступавшим на нею с юга. Одновременно такой же приказ был передан 9-й армии Буссе, которая должна была наступать на южные пригороды Берлина, чтобы соединиться в

⁹⁴ Т.е. на Берлин.

этом районе с армией Венка..... В ночь на 24 апреля меня особенно беспокоила мысль, какие предпринять меры, чтобы отразить удары Венка и Буссе...» (Конев, с.162).

С целью недопустить прорыва через боевые порядки 3-й гвардейской армии В.Н.Гордов приказал: в ночь на 27 апреля 21-му стрелковому корпусу силами 389-й и 58-й стрелковых дивизий овладеть Хальбе и Тейровым и прочно удерживать рубеж Хальбе, Тейров, Тойпиц, не допустив прорыва противника на запад. 253-я стрелковая дивизия образовывала вторую линию обороны в районе Массова, чуть западнее Фрейдорфа (см. схему).

сил, и дошли даже до командного пункта нашего полка. Я знаю, что в этой смертельной схватке тяжелое ранение в голову получил начальник оперативного отдела штаба нашего полка – майор Торгашев. Но немцев мы не пропустили, и приказ командования был выполнен.

Нач. оперативного отд. штаба 983 сп майор Торгашев.

Несмотря на понесенные под Хальбе потери, части сил 9-ой армии Буссе все же удалось прорваться на запад. Следующим заслоном для них были позиции 3-го гвардейского стрелкового корпуса 28-ой армии Лучинского, которую перебросили под Берлин из-под Кенигсберга. 3-й гвардейский корпус также построил оборону в два эшелона. В первом эшелоне оборонялись 96-я и 50-я гвардейские и 130-я стрелковые дивизии. Во втором эшелоне, в районе Мюкендорф, находилась 54-я гвардейская стрелковая дивизия – дивизия, в штабе которой служил мой папа С.В.Исаев. Утром 27-ого апреля, прорвавшиеся части 9-й немецкой армии вышли на позиции 50-й и 54-й гвардейских стрелковых дивизий. Судя по схеме, которая приведена выше, 54-я гв. дивизия находилась всего в 8-10 км. от моей 253-й дивизии, расположенной западнее Фрейдорфа. Мы много раз после войны обсуждали с папой бои под Берлином, но только совсем недавно, прочитав книгу «Берлин 45-ого. Сражения в логове зверя», я понял, как близко в тот момент мы были друг от друга. Ни я, ни папа не подозревали, что мы были совсем

рядом. Папы давно нет в живых – он умер много лет назад (11.02.80 г.), и он так и не узнал об этом.

Сохранилось мое короткое фронтовое письмо того времени.

«Добрый день, папа! Сообщаю, что я пока жив и здоров. Настроение отличное. Разреши поздравить тебя с наступающим днем 1-ого мая Твой сын – подпись. 26.04.45 г.»

Отец отметил на этом письме дату получения – 16.05.45. Таким образом, письмо от меня к нему шло более 20 суток.

24. На Прагу.

После окончания наших боев под Берлином нашу дивизию повернули на юг. Война еще не была закончена. Прозвучал звонок из Москвы, из ставки маршалу Коневу 28 апреля и вопрос Сталина⁹⁵:

««Как Вы думаете, кто будет брать Прагу?» Я доложил Сталину, что по-видимому, Прагу придется брать войскам 1-го Украинского фронта.... Нам предстояло представить в Ставку соображения об участии войск нашего фронта в операции по освобождению Праги....»

Вот так нас повернули на Прагу. Бои за Берлин еще продолжались (Берлин был взят 2 мая 1945 г.). В первых числах мая мы уже шагали на юг, по дороге на Дрезден.

25. Конец войны

С конца 1944 года я уже практически постоянно находился в оперативном отделе штаба 983-го стрелкового полка. В мои обязанности входило

⁹⁵ И.С.Конев. «Сорок пятый». Военное изд-во Министерства Обороны, Москва, 1966, с.209.

записывать донесения командования полка в штаб нашей 253-й стрелковой дивизии и вести другую документацию.

К вечеру 6-ого мая мы подошли к какой-то немецкой деревушке. В домике, в котором штаб полка расположился на ночлег, я увидел радиоприемник. Включил его, и на польском языке услышал известие, что немцы подписали акт о полной капитуляции, и что война окончена. Я тут же сообщил об этом своим сослуживцам. Что было дальше – понять легко! Солдаты от радости обнимались, испытывая неопишуемое ощущение радости и удовлетворения, восторженное чувство окончания войны, которого так долго ждали, радости от того, что остались живы. Люди ждали этого мгновения 4 года – и вот оно свершилось!

Мои друзья-рядовые Завдовьев и Усенко, служившие при штабе, хотели починить нашу повозку, или обменять ее на новую, – что-то с колесами было не в порядке. На повозке возили какое-то штабное имущество, но когда я им сказал, что война окончена, Германия капитулировала – у них пропала всякая охота к выполнению этой работы. «Неужели это правда? Неужели конец войне? Не может быть!..» только и слышно было среди солдат.

А потом поверили.... Победу приняли радостными криками и обниманием, – а потом началась масштабная ураганная стрельба из винтовок и автоматов, стреляли ракетницы. Она длилась несколько часов, гражданское население попряталось, командир полка Сарычев выскочил из комнаты на улицу в подштаниках: «Что? Немцы? Где?» А кругом стрельба, ракеты, звонки из штаба дивизии: «У вас что, немцы появились?» Приказывают: прекратить стрельбу! Но их никто не слушает.... Наконец, поступила команда: «Приготовиться к маршу! Выходите строиться!» И только тогда – пальба затихла.

На следующий день разведчики нашего полка обнаружили какой-то фольварк (имение немецкого помещика) в стороне от дороги нашего движения – в 2-3 километрах от остановки нашего полка на ночлег, направились в этот фольварк и прихватили меня за компанию. В последнее

время разведка довольно часто брала меня с собой. Нас было человек 7-8. Разведчики нашли управляющего имением, заставили его накрыть во дворе имения столы под открытым небом, достать из подвалов вина и закуски, пригласили к столам всех девиц, обслуживавших этот богатый дом, и устроили пир с музыкой, посвященный окончанию войны. Все пили, ели и танцевали – среди нас оказалось несколько человек, которые умели танцевать фокстроты, танго, вальсы. Остальные, и я в их числе, не умели танцевать совсем. Немецкие женщины, как мне показалось, с удовольствием присоединились к нашему веселью и были рады обильному ужину. Веселье длилось до 12 часов ночи. Потом мы разошлись по комнатам и легли спать на пуховые перины. Конечно, пистолеты положили под подушки. Примерно в 4-5 часов утра меня разбудило какое-то тревожное чувство. Было уже светло. В полукилометре от фольварка шла шоссе́йная дорога и по ней двигалась большая колонна немецких войск: пехота, какие-то обозы, техника – видимо, немцы спешили на запад в надежде сдаться в плен англо-американским войскам. Неожиданно они остановились напротив нашего фольварка и стали совещаться: заглянуть в это поместье, или продолжать движение. Мы замерли. Наш командир-разведчик достал пистолет и показал знаками управляющему – молчать! Тянулись тревожные секунды, может быть, минуты. Немцы стояли на дороге, совещались, поглядывая на наш фольварк, обсуждали обстановку, а мы готовились к последнему бою в своей жизни. И вдруг, к величайшей нашей радости, колонна тронулась с места и торопливо пошла дальше, и только через несколько минут, когда колонна исчезла из виду, мы осознали, что чудом остались живы. Видимо, немцы боялись, что задержка в этом фольварке на час-другой может привести к захвату их в плен нашими частями.

26. Теплице-Шанов

«Дорогой папа! Добиваем остатки врага – гоним его в горы, и не на запад, а на юг. Думаю, что когда ты получишь это письмо, то война будет окончена.... 8/V-45г.»

Утром 8 мая мы подходили к городу Теплице-Шанов. Этот город располагался в Рудных горах, на границе Германии и Чехословакии. Дорога на Прагу шла вверх, в горы, и была буквально забита машинами, танками, повозками, солдатскими колоннами. Мои друзья разведчики раздобыли трофейную легковую машину и мы, человек 6, втиснулись внутрь кузова и еле ползли в толкучке по дороге на Прагу. Добравшись до самого верха гор, на границе Чехословакии и Германии, мы увидели комическую по форме, но на самом деле суровую картину: из Чехословакии, нам навстречу, шла безоружная колонна немецких военнопленных. И здесь, на самом верху, на перевале, их останавливали солдаты чешской народной армии, снимали с них ботинки и босиком отправляли в Германию..... До Праги оставалось 15-20 километров. Продвигаясь в толкучке машин, наш «шофер»-разведчик пытался «маневрировать», проскользнуть в любую освободившуюся щель и влез, таким образом, в колонну танков. С этой колонной мы проехали около полукилометра: трогается танк впереди – и мы едем. Остановился танк впереди – и мы стоим. На танках и сзади и спереди сидели солдаты и следили за нашей игрой, беззлобно посмеиваясь над нами. Но где-то, как-то, что-то «не сработало»: тронулся танк перед нами и, медленно перебирая гусеницами, пошел вперед. То ли наш шофер зазевался, то ли задний танк ускорил ход, но вдруг этот задний танк зацепил гусеницей нашу машину за задний бампер и со скрежетом начал медленно налезать на нее. Я сидел сзади именно в том углу, который подминал собою танк. Налезание было медленным и неотвратимым. Я в кузове наклонялся вперед, внутрь, там уже и так было тесно, а танк все сильнее зажимал мой угол, – мне уже стало больно прихватывать локоть руки – а двигаться некуда. Мотор нашей машины заглох, и солдаты-десантники стали стучать изо всех сил по броне своего танка. Видимо, вся эта картина дошла до водителя танка, он остановился, и тогда мы с трудом вылезли из своей изуродованной «трофейной» машины с расплюснутым задним колесом. Окружающие

солдаты, кто с сочувствием, а кто с юморком, наблюдали нашу эвакуацию из разбитой машины. С трудом нам удалось открыть помятый багажник нашего [автомобиля](#), с трудом вытащить из этого багажника свои вещи и кое-что из трофейной еды и питья – не все оказалось раздавленным – все это мы перетаскивали на тротуар – к счастью он оказался рядом. Здесь, разобрав свои солдатские пожитки, мы отправились на поиски своего полка, который в этой сумасшедшей толкучке ушел недалеко и присоединились к своим.

27. Злата Прага

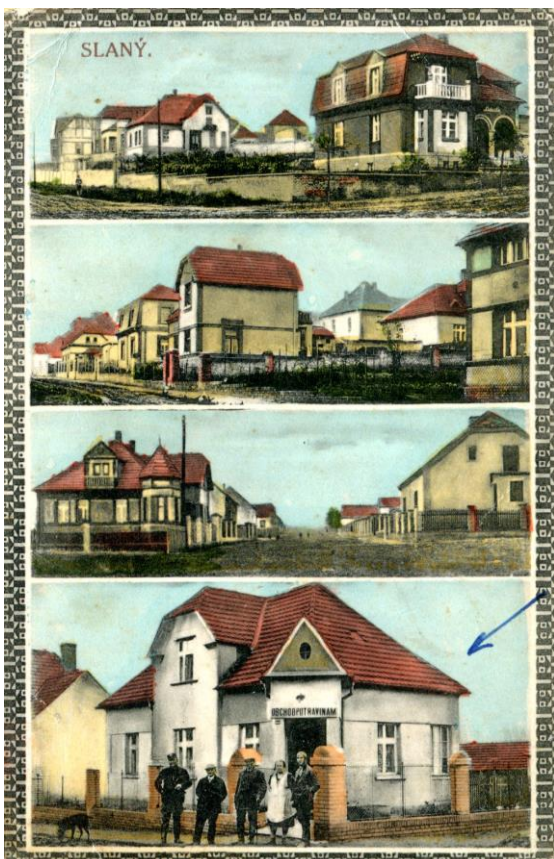
Вместе со своим 983-им полком 9 мая мы вошли в Прагу. Улицы были заполнены народом и цветами. Нас тут же всех разобрали по квартирам – радость чехословаков от встречи с солдатами Красной Армии была неподдельной. Я сейчас не могу вспомнить, сколько времени мы стояли в Праге – стояли недолго. А затем нас отвели в городок Слани – в 35 км северо-западнее Праги. Сады отцвели. Погода ясная, теплая. Расположились в саду. Питание хорошее. 17 мая я ездил в Прагу, получил некоторое представление о чехословацкой столице. Но звонкое имя «Злата Прага» не соответствовало моему первому беглому знакомству с этим старым и знаменитым городом. Видел, где живет президент Бенеш, видел его самого и его супругу. [Смотрел](#) в Праге парад чехословацких войск. Впечатлений было много.

Мои однополчане. Населенный пункт Жижице (Чехословакия), июнь 1945 г.

28. Город Слани

В Слани я познакомился с директором школы и его двумя дочками, и у них, как они потом сказали, остались хорошие впечатления от знакомства со мной. С директором я играл в шахматы. [Как я уже писал](#), я умел играть на [многих](#) струнных инструментах: балалайке, гитаре, мандолине. У директора было пианино, и я пытался сыграть на [нем](#) «русские страдания», «Из-за острова на стрежень», «Когда б имел златые горы» – и это все у меня как-то получалось – можно было узнать, что играю, и чехам это нравилось. Но главное – я помог старшей дочке готовиться к экзамену по математике. Она сидела и решала задачи из задачника на составление систем 2-х уравнений с двумя неизвестными. Она не могла составить уравнений и не могла их решить, сидела и мучилась. Я предложил ей свою помощь. Прочитав условие задачи, [понятное даже](#) на чешском языке, я сразу составлял соответствующую систему, сразу решал ее, и на все уходило 2 минуты. Она спешила заглянуть в ответы, и все у меня сходилось с ответами. Девушка

Слева город Слани, стрелкой показан дом где я жил. Справа – Елена (г. Слани, май-июнь 1945 год).

была потрясена, ее удивлению не было границ. «Как? Русский солдат умеет решать такие задачи?» - она же ведь не знала, что у меня законченное среднее образование, и я был отличником. «Чему же вы удивляетесь? – спросил я. О своем образовании я ей ничего не говорил. Она объяснила, что им все время говорили, что народ в России **темный**, неграмотный, круглый год стоит зима, Москва всегда в снегу и по улицам Москвы ходят волки и медведи!

Теперь уже я сидел и удивлялся, **как можно говорить такие глупости, доверять такой информации и представлять** Россию в подобном виде.

Другое потрясение, которое по-настоящему испытали все народы Европы, было связано с появлением русской армии, оснащенной самой современной военной техникой. Когда фронт Отечественной войны, протянувшийся в России от берегов Белого моря до Кавказских гор, длина которого достигала 6000 км, в Европе «сжался» до 600 км, когда все дороги

центральной Европы оказались забиты нашими танками, пушками, машинами, солдатами, а европейское небо заполнили наши авиационные эскадрильи, – Запад, наконец, воочию увидел мощь Красной Армии и просто испугался ее. **Запад** понял, что Россия очень даже запросто может пройти всю Европу вплоть до Атлантического океана. Удивления, восхищения и страха в Европе было много, очень много.

Уже через месяц нашего пребывания в **Чехословакии восторги от встречи наших войск стали забываться** и местные жители все чаще стали спрашивать нас: «Вы скоро уедете домой?! – вопрос, который мне не нравился.

21 июня 1945 г. я видел группу пленных австрийцев и немцев, которые работали над восстановлением мостов через Влтаву. И вот, наконец-то, Красная Армия начала эвакуацию. Идут автомашины одна за другой. Чешское население радушно провожает наших солдат.

25 июня 1945 г. был в пражском цирке. Цирковые номера красивые, умные, яркие.

29. Лидице

Был на митинге в Лидице 14.06.1945 г. Туда съехалась вся Чехословакия: пешком, на велосипедах, на мотоциклах, на машинах. Лидице – это шахтерский поселок, полностью разрушенный немцами в 1942 году после убийства чешскими патриотами в Праге гитлеровского наместника Гейдриха, протектора Чехии и Моравии. Все мужчины города Лидице старше 15 лет были расстреляны на месте, а женщины и дети разлучены и отправлены в разные концентрационные лагеря. После освобождения Чехословакии советскими войсками поселок Лидице был заново восстановлен молодежью Чехословакии⁹⁶. Тогда, в 1945 году, на этом митинге, на открытии памятника президент Бенеш в своем выступлении произнес слова: «Пусть черный цвет

⁹⁶ Лидице – см. «Энциклопедический словарь» в 2-х томах. Государственное научное издание «Советская энциклопедия», т.1, с.607.

гранита будет символом печали, а крепость гранита будет символом крепости советско-чехословацкой дружбы».

Далее я приведу краткие записки из моего дневника, который теперь, после победы над фашистской Германией, можно было вести открыто.

30. Возвращение домой

29 июня 1945 г. В 15.00 первый солдат нашего сводного полка вышел из казармы. Население шумно провожает нас. Мы расселись на подводах и поехали в Россию.

1 июля 1945 г. Присутствовал на вечере отдыха молодежи, были танцы.

5 июля 1945 г. Ниедельшвередбдорф! Немецкая деревня. Совсем не разбита. Цела. Но все пусто, заросло. Германия опустела. Ребятишки, не смотря на дождь, стоят на дороге, просят хлеба, марки. Бедные создания! Женщины продают себя за кусок хлеба. Они готовы сделать все, что угодно, только бы им дали поесть.

Идут дожди. Мы остановились у первой деревни. Стучим в двери. Никто не открывает. Хозяйка испугалась и убежала через окно. Нашли ее... Подошел вечер. Нельзя представить себе более жуткую картину: село, везде свежая зелень, садится солнце. Красиво. А кругом – всеобъемлющая тишина. Ни крика ребенка, ни голоса человека, ни рева животных, ни чирикание воробья – ничто не нарушает мертвую тишину деревни. Село мертво. Но жизнь идет – идет в четырех стенах, внутри домов. Такова Германия сегодня. Прибавьте к этому голод, вечный страх перед чем-то неизвестным и ожидание, что ... сюда придут поляки и их, немцев, выгонят из их собственных, насиженных мест. **Оставшиеся немцы постоянно говорят нам,** что русские великодушнее поляков.

9 июля 1945 г. Интересно отметить доброту русского солдата. Ведь прошло два месяца, как окончилась война. Казалось бы, огонь ненависти после жестоких боев не угас – нет!

Подходит немка и слезно просит нашего солдата дать ей спички. И солдат, припрятавший для себя 2 коробки спичек, без всякого ворчания и каких-либо иных слов, лезет в свою вещевую сумку, переворачивает в ней все на свете (делает это молча – в другом случае он вспомнил бы всех богов – а сейчас терпеливо ищет!), находит эти две коробки и дает их старушке, заявляя нам: «Ладно, мы как-нибудь обойдемся. А ведь людям печку растопить нечем».

В 9 часов вечера мы приехали в Куяху. Расположились. Раздались выстрелы. Пожар. Хозяин крупного имения, уезжая с насиженного места (его выселяют поляки), сжег сначала завод, потом дом. Люди не идут тушить пожар, и дом предоставлен самому себе. Бегают женщины – просят спасти детей, которые остались в доме.

16 июля 1945 г. Сегодня уезжаем из Бендзина. За два дня стоянки я познакомился здесь с шахтами угольного бассейна, был на вечере танцев в субботу с 14.07 на 15.07, видел как отдыхает шахтерская молодежь: бедный джазик (один аккордеон, две скрипки и барабан), несколько пар танцующих. Бедность проскальзывает во всем.

Здесь я познакомился с польской девушкой Зосей Сумера – ее фотография с дарственной мне надписью приведена ниже. Это очень достойная и красивая девушка, которую я не могу забыть до сих пор. Она знала силу своей красоты, в ней было много женского достоинства. За попытку поцеловать ее она изодрала все лицо ногтями молодому поляку, с которым была знакома продолжительное время и все об этом знали. Семья у нее простая: два брата – Ян и Бонек и больная мать. Бонеку 16 лет, Ян работает в забое. Все ее попытки сделать жизнь лучше упираются в материальное неблагополучие семьи.

Зося Сумера (г. Бендзин, Польша, 16.07.1945).

23 июля 1945 г. Остановились в 127 км восточнее Кракова, в деревеньке Кавенчин. Беднота страшная, сравнимая с российской, или хуже нашей. Для нас — солдат ничего не хотят сделать — даже подать холодной воды. Встретился я с человеком, который побывал в Швейцарии, Америке, Канаде, Англии. Он сказал, что из России можно сделать Америку. Сказал, что Америка и Англия не хотели идти войной на Германию — пусть гибнут русские солдаты, а они будут бомбить немецкие заводы — уничтожать своих немецких конкурентов на мировых рынках.

24 июля 1945 г. Проехали на подводах еще 35 километров. Бедность кругом и вражда к нам. Сегодня из местечка Ланцут был у нас майор из особого отдела. Рассказывал, что ежедневно обнаруживаются трупы наших бойцов, убитых неизвестно кем (**бандеровцы** или поляки?). Никто не работает. Все спекулируют. Все поляки имеют оружие, идет страшная внутренняя борьба.

27 июля 1945 г. Второй день стоим в 8 км от нашей границы. 29 июля мы должны перейти свою границу и вернуться домой, на родную землю. Живем

в украинской деревне. Живут бедно. Подкапывают молодую картошку и этим питаются. Их часто беспокоят поляки своими бандитскими налетами.

30 июля 1945 г. В 4.00 28.07 мы подошли к своей границе, а в 9 ч. 30 минут – перешли ее. И вот она – родная земля. Я – дома, в Советском Союзе. Лес. Кругом лес. И бедные сарайчики – хаты. Здесь у границы – бандеровцы. Активничают. Родная земля встретила нас не лучше, чем приграничные с Украиной районы Польши – угрюмые, насупленные лица, молодые даже не поднимают головы на нас. В Краковец (пограничный городок) провели митинг. Нам преподнесли хлеб-соль. На митинге присутствовало 50-60 гражданских. Кругом все разбито и разрушено.

Поехали дальше. Сожженные деревни и пустые поля. Пустыри. И ветер... Сильный ветер несет пыль по дороге. Темно от пыли. Вечереет. Бледный свет от солнца из-под пепельных туч наводит тоску. Среди пустого поля нас встретила кучка оборванных мальчишек: просят спички, бумагу, карандаши. Все – в холстинных штанах и рубашках... **Багровый** цвет заходящего в перья облаков солнца – и тоска, тоска...

Когда ты будешь богатой, моя родина!

1 августа 1945 г. 31 июля в 7 часов вечера мы, наконец, добрались до условленного места – 5 км северо-восточнее Каменки Струмиловой (Львовская область). Кругом лес, лесок. Сегодня был у Антона Ивановича Лях, в Каменке. Беседовал с ним о ВУЗе.

13 августа 1945 г. Несколько важных событий произошло за прошедшие 13 дней. С 9.08 я начал работать в штабе Армии. Антон Иванович завтра едет домой, а меня перевели на его место.

Началась война с Японией. Скоро мы должны переехать в Куйбышев.

Однополчане - Голубь, Матвей, Казмич и я, стою слева
(д. Жукотки, Черниговская обл., сентябрь 1945 г.).

23 сентября 1945 г. С 18.09 я в Куйбышеве. Путь от Каменки до Пензы – на автомашинах, а от Пензы до Куйбышева – поездом. Много впечатлений. Впервые, бегло, проездом, [побывал в Москве](#), увидел старую ее часть. В Куйбышеве я стал хорошо жить экономически. Бываю в театре, в кино, у знакомых, в музеях.

27 сентября 1945 г. Начал мечтать о демобилизации. Послал А.И.Ляху в Алма-Ату телеграмму о зачислении меня в ВУЗ, хотя мне, пожалуй, ничего не удастся сделать.

Сегодня был в филармонии, слушал выступления Зои Федоровой, Бунчикова и др.

13 октября 1945 г. Экономически и морально живу хорошо. Я теперь живу не в казарме, а на частной квартире. Хожу в библиотеку, пытаюсь читать философскую литературу, в частности, «Прологомены» Канта и [другие книги](#). Удивительно, но я не могу понять Канта – много терминологии и заумный язык.

Сшил себе хромовые сапоги. Скоро дадут новое обмундирование. Сегодня как всегда интересовался международным положением. Неудавшаяся лондонская конференция Совета Министров. Американцы и англичане, чувствуя за собой силу атомной бомбы, довольно нахально **настаивают** на удовлетворении всех своих требований, хотя и боятся открыто пойти войной против СССР – уж больно велик авторитет нашей страны после победы над Германией.

Открыто против нас идти не хотят, но поддерживают напряжение в Ираке, Греции, Испании, Аргентине, Португалии, открыто ведут антисоветскую деятельность.

И вот он, наконец, наступил долгожданный день демобилизации.

5 ноября 1945 г. я был демобилизован с записью в красноармейской книжке:

«Демобилизован по негодности к строевой службе и физическому состоянию по ст.98Б гр.II расписания болезней, объявленных в приказе НКО 336-42 и протокола ВВК от 5.11.1945 г.»

Печать

Начальник медпункта

подполковник /Ерлыкина/

Все!.. Для меня война окончена! Домой! Домой!! Домой!!!

ГЛАВА 4

ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Отрывки из Автобиографии и книги «Обыкновенные, странные, очарованные, прекрасные...». Письма. Конспекты.

Окончилась война. Существовал указ о том, что участники Великой Отечественной, имевшие по окончании средней школы аттестат отличника,

принимаются в ВУЗ -ы страны без экзаменов. Я мечтал поступить в Воронежский университет (по месту моего жительства). Учителя средней школы говорили мне, что у меня есть способности к физике и математике и советовали идти на физический факультет Воронежского университета. Теперь, после окончания войны мои амбиции выросли, и я решил подать заявление на Физический факультет Московского государственного университета. Я был демобилизован лишь в ноябре 1945 года и мог начать учебу в университете только в следующем учебном году. Летом 1946 года я поехал сдавать документы в Москву. С категорией абитуриентов отличников, подобных мне, проводилось собеседование, которое я прошел и вернулся домой в Коршево «ни с чем». Но через две недели я получил маленькую открыточку, в которой было написано, что я «зачислен на первый курс Физического факультета МГУ». Видимо собеседование прошло для меня удачно! Так я стал студентом одного из лучших университетов мира. Радости моей не было конца. Надо ли говорить, как гордился мною мой отец. Не раз он говорил мне, что если бы не было советской власти, мне из села никогда не удалось бы попасть на учебу в Московский университет.

Возможно это так и было. Но за право учиться в МГУ мною (и подобными мне сверстниками) была заплачена дорогая цена. Я стал студентом МГУ лишь в сентябре 1946 года на 23-м году жизни, т.е. с опозданием на 5 лет. В течение всей войны, сидя в окопах, или землянках, я старался повторять мысленно формулы тригонометрии, алгебры, вспоминал доказательства геометрических теорем, решения некоторых задач, вспоминал формулы и задачи из физики. Мне казалось, что я помнил всю школьную программу. Увы.... Первые же семинарские занятия в университете показали, что молодые студенты, только что пришедшие на факультет со школьной скамьи, знают больше меня, соображают быстрее меня. Пришлось, не щадя себя, браться за учебу и с огромным трудом выходить в «отличники» уже в МГУ. Этому несомненно способствовали курсы лекций, читавшиеся нам

выдающимися учеными XX века, такими как Д.И.Блохинцев, Н.Н.Боголюбов, В.И.Векслер, И.Е.Тамм, А.Н.Тихонов, И.М.Франк и другие.

Исаев П.С. - студент Физического факультета МГУ

Лекции и семинарские занятия проходили в старом здании факультета на Моховой. В новое здание на Ленинских горах факультет переехал только в 1953 году. Все время моей учебы в Московском университете я прожил в

Общезитие на Стромынке. Заседание Учебно-бытовой комиссии, слева П.С.Исаев, 25.10.1949 г.

знаменитом общежитии на улице Стромынка, где «била ключом» студенческая общежитская жизнь. В свободные от занятий вечера мы ходили в театры и кино, катались на коньках. У меня сохранилось письмо от папы, написанное 2-ого февраля 1952 года, на конверте этого письма указан адрес: *Москва, 76, Стромынка, 32, комната 652, П.С.Исаеву.*

Со мной на одном курсе учились многие замечательные ребята, ставшие потом всемирно известными учеными-физиками. У меня есть фотография нашего курса выпуска 1951 года. Наш курс считался очень сильным. С некоторыми из моих сокурсников я впоследствии работал в Объединенном институте ядерных исследований в городе Дубна. Среди них два будущих академика АН СССР и РАН – Семен Соломонович Герштейн и Анатолий Алексеевич Логунов.

Первая научная работа была выполнена мною практически на студенческой скамье. Начало я отношу к 1950 году, когда получил тему диплома: рассчитать равновесный энергетический спектр лавинных фотонов. Моя дипломная работа была оценена на «отлично» и рекомендована для публикации в Журнале экспериментальной и теоретической физики. Я никак не мог предположить, что моя первая, и вторая – примерно на ту же тему, работы могут оказаться важными с теоретической и прикладной точек зрения. Позднее мне стало известно, что результаты этих моих работ используются для расчета радиационной защиты ускорителей и различной аппаратуры.

Я окончил университет 31 декабря 1951 г. и получил диплом физика-теоретика. На комиссии по распределению мне предложили пойти в аспирантуру к члену-корреспонденту АН СССР Б.М.Вулу (академик с 1972 г.) и заняться теорией полупроводников. Какое прекрасное предложение – меня, бывшего деревенского паренька, оставляют в Москве для дальнейшего совершенствования в области теоретической физики и защиты кандидатской диссертации! Но я отказался от этого предложения и выразил желание

ВЫПУСК

Московский ГОСУДАРСТВЕННЫЙ и.и.и. МВ ФИЗИЧЕСКИЙ

Вернов С.Н.
Лауреат Сталинской
премии, профессор

Младзеvский А.В.
профессор

Терпечкий Я.П.
Лауреат Сталинской
премии, профессор

Предводитев А.С.
Лауреат Сталинской
премии, профессор

Катсир Н.А.
профессор

Соколов А.А.
Лауреат Сталинской
премии, профессор
дочка фигуристка

Векслер В.И.
профессор

Стрелков С.П.
профессор

Гвоздер С.Д.
профессор

Сакхина А.В.
доцент

Франк И.М.
Лауреат Сталинской
премии, профессор

Блохинцев Д.И.
профессор

Есафров Н.И.
доцент

Спасский Б.И.
доцент

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

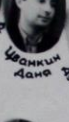
Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

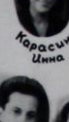
Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

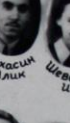
Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

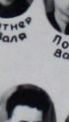
Катсир Н.А.

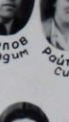
Катсир Н.А.

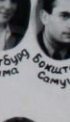
Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

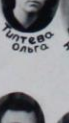
Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

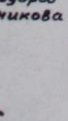
Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

Катсир Н.А.

заниматься физикой элементарных частиц. 15 февраля 1952 года я был зачислен на работу в Физический институт им. П.Н.Лебедева АН СССР (ФИАН) на должность младшего научного сотрудника (согласно плану распределения молодых специалистов). Первого марта 1953 года, на основании распоряжения Президиума АН СССР, я был переведен из ФИАН в техническую дирекцию объекта № 533 АН СССР (ТДС-533) на должность младшего научного сотрудника. Но еще раньше 4 сентября 1952 г. группа молодых ученых (в том числе и я) переехала вместе с семьями из Москвы в поселок Ново-Иваньково Калининской области (ныне в составе города Дубна Московской области), где собственно и находился этот объект № 533.

Здесь следует сделать небольшое отступление и немного рассказать об истории Ново-Иваньково. Поселок возник в 1935-1937 гг. на правом берегу Волги в 120 километрах к северу от Москвы рядом с плотиной, которая перегораживала Волгу и образовывала Иваньковское водохранилище. На противоположном, левом берегу Волги в 1935-1937 гг., одновременно с плотиной и ГЭС, появился заводской поселок (о нем ниже). В Ново-Иваньково были переселены жители старой деревни Иваньково, которая до 1934 г. стояла на том месте, где сейчас проходит тоннель под шлюзом. Кроме того, и в Ново-Иваньково, и в левобережный заводской поселок были частично переселены жители некоторых населенных пунктов, попавших в зону затопления водохранилища. В зону затопления попал (и прекратил свое существование) целый уездный город – Корчева. Символично, что название этого города созвучно с названием моего родного села Коршево. В городе Корчева до революции было жандармское отделение, состоящее из трех жандармов, которые, по рассказам местных жителей, гонялись по всей Тверской губернии за разбойником и беглым каторжником – М.И.Калининым (будущим «всесоюзным старостой»). Из Иваньковского водохранилища, в районе плотины, берет начало канал имени И.В. Сталина (ныне – канал им. Москвы), поставляющий пресную воду в Москву и Москву-реку. Канал и плотина были построены заключенными Дмитлаг-а

(Дмитровский исправительно-трудовой лагерь), который фактически располагался по всему протяжению строительства канала. На правом берегу Волги, ниже плотины, до 1938 года находился лагерь, входивший в систему Дмитлаг-а, где содержались заключенные, строившие плотину и Ивановскую ГЭС, а после 1938 года там возник поселок “гидростроителей”, где проживал обслуживающий персонал Ивановской ГЭС, и названный впоследствии, как и железнодорожная станция, – “Большая Волга”. В левобережной части Иваньково в 1935–1939 гг. был построен авиационный завод, предназначенный для производства гидросамолетов. Говорят, что идея строительства этого завода принадлежала А.Н.Туполеву. После войны на это предприятие было вывезено оборудование немецких заводов Мессершмитта, производивших в конце войны первые в мире немецкие реактивные самолеты, а также немецких специалистов (вместе с семьями около 500 человек), которые помогали налаживать привезенное оборудование и работали на иваньковском авиазаводе до 1953 г. Кстати, завод гидросамолетов строился в начале как филиал завода № 30, расположенного в поселке Савелово (Кимры), поэтому даже сейчас дубненцы называют левобережную часть своего города – «Тридцатка».

В 1946 г., по предложению И.В.Курчатова, советское правительство приняло решение о создании ускорителя частиц нового типа: синхротрона для ускорения электронов в ФИАНе и гигантского по тому времени синхроциклотрона с пятиметровым диаметром полюсов магнита – для ускорения протонов и дейтронов до энергии 500 миллионов электрон-вольт (МэВ). Задача строительства синхроциклотрона и последующей организации и проведения физических экспериментов на новом ускорителе была возложена на вновь созданную в 1948 году Гидротехническую лабораторию АН СССР (ГТЛ). Впоследствии ГТЛ была переименована в Институт ядерных проблем АН СССР. Директором ГТЛ по предложению И.В.Курчатова был назначен М.Г.Мещеряков (член-корреспондент АН

СССР, 1953 г.), а его заместителем – В.П.Джелепов (также член-корреспондент АН СССР, 1966 г.). Синхроциклотрон строился в глухом болотистом сосновом лесу рядом с Ивановской ГЭС, поселком Большая Волга, лагерем заключенных на правом берегу Волги и поселком Ново-Иваново. Было дано указание: закончить строительство синхроциклотрона в четвертом квартале 1949 года.

Приведу небольшой отрывок из выступления В.П.Джелепова на семинаре Лаборатории ядерных проблем (бывшая ГТЛ) «История создания ЛЯП ОИЯИ», который состоялся 13 апреля 1981 года. «... 14 декабря 1949 года самый крупный в мире ускоритель протонов – синхроциклотрон – был введен в строй и на нем получен первый ток. М.Г.Мещеряков немедленно доложил об этом И.В.Курчатову. Курчатов поздравил коллектив ученых, инженеров, техников, лаборантов, рабочих с успехом и сказал: «Молодцы, ребята. Все хорошо. Но главная задача – научный результат.» Еще раньше он говорил, что на синхроциклотроне будут работать все, кому придет в голову хорошая идея. К этому времени в Ново-Иваново была построена маленькая гостиница. Таким образом, ГТЛ была задумана как общесоюзная «национальная» лаборатория ...

... В 1954 году после годичной реконструкции энергия ускоренных протонов на ускорителе была доведена до 680 МэВ... Научная жизнь была ключем. Сюда приезжали И.В.Курчатов «со свитой», Л.Д.Ландау, И.Е.Тамм, иногда В.А.Фок... ». Людям было интересно работать. Все вдохновляло ученых. Дух того времени образно передается М.Г.Мещеряковым: «мне вспоминается время 1952 – 1953 гг., когда активно обсуждался вопрос о трехчастичных силах (трехнуклонная система). Тогда не было еще странных частиц, не было антипротонов, не было ускорителей с энергией более 500 МэВ, не было кварков и глюонов. Мы очень много обсуждали проблему взаимодействия трех нуклонов. Я помню, что И.Е.Тамм доказывал нам полезность использования аппарата изотопического спина, а Л.Д.Ландау и его сторонники не очень верили в этот аппарат и критиковали его.

Через несколько месяцев после смерти Сталина в одном месте на восток от Москвы⁹⁷ мы собрались для обсуждения прикладных вопросов⁹⁸. Тогда это у нас называлось «колхозной» тематикой. На третий день у нас осталось время для научного семинара и мы снова обсуждали трехнуклонные силы. Присутствовали И.В.Курчатов, И.Е.Тамм, Д.И.Блохинцев, я и другие. Все это я рассказываю потому, что гипотеза флюктонов, выдвинутая Д.И.Блохинцевым позднее, в 1957 г., в связи с нашими экспериментальными работами по выбиванию дейтронов из ядер, восходит к более ранним дискуссиям, в которых активную роль принимал Дмитрий Иванович, к тому, что научная мысль не рождается из ничего – это продукт длительного размышления, осмысления происходящего... К обеду мы страшно устали и решили отдохнуть – устроить нечто вроде пикника. Кто-то высказал мысль: «Не пригласить ли женщин?», на что И.В.Курчатов ответил: «С женщинами не отдохнешь!» Взяли мы три легковые машины, захватили с собой мясо, ветчину, икру, водку, и другие припасы – все это тогда еще было – и поехали к какой-то речке... Подъезжаем. Речка не широкая, но бурная с опасными водоворотами. Курчатов сказал: «Если хотите купаться, то до обеда. После обеда – запрещено, будет поставлен охранник!», которому он действительно приказал после обеда никого в речку не пускать. Было удивительно хорошо. После обеда мы снова обсуждали физические проблемы...»⁹⁹. Это была атмосфера победителей!

Но вернемся к нашей истории. Итак, решение – закончить строительство синхроциклотрона в четвертом квартале 1949 года – было выполнено в срок: 14 декабря к 70-летию со дня рождения И.В.Сталина коллектив ГТЛ рапортовал о создании крупнейшего в мире ускорителя! Ни США, ни Западная Европа в течении нескольких лет даже не догадывались о том, что

⁹⁷ По-видимому здесь подразумевается г. Саров.

⁹⁸ Имеются в виду вопросы, связанные с созданием ядерного и термоядерного оружия.

⁹⁹ Из выступлений М.Г.Мещерякова на научном семинаре, посвященном Д.И.Блохинцеву, 21 января 1982 г., ОИЯИ, Дубна.

они отстали от Советского Союза по энергиям ускоренных протонов и дейтронов.

Не предполагал и я, студент 3-его курса Физического факультета МГУ, что моя последующая жизнь и жизнь членов моей семьи будет отныне связана именно с этой точкой на географической карте – с поселком Ново-Иваньково, который позже был преобразован (вместе с левобережной Тридцаткой) в город Дубна.

А произошло это так. В этом же месте, вслед за физическим пуском синхроциклотрона, Академия наук СССР решила начать новое строительство. На строительной площадке, на которой ничего еще не было, кроме проволочного ограждения, побывали президент АН СССР С.И.Вавилов, В.И.Векслер и М.А.Марков (впоследствии В.И.Векслер и М.А.Марков стали академиками АН СССР). Обсуждалась возможность строительства ускорителя электронов на 10 миллиардов электрон-вольт (10 ГэВ). С.И.Вавилов поддерживал этот проект. Однако проект встретил большие возражения – говорили, что в Ново-Иваньково должен быть создан центр ядерной физики и соответственно должен строиться новый, более мощный, чем синхроциклотрон, ускоритель протонов, позволяющий исследовать ядерные взаимодействия. В конце концов было принято решение строить знаменитый впоследствии дубненский синхрофазатрон – ускоритель протонов на 10 ГэВ, а в качестве первоочередной, наиболее важной и интересной научной цели была поставлена задача открыть частицу антиматерии – антипротон. Для постройки синхрофазатрона и была образована ТДС-533. Синхрофазатрон создавался на основе нового принципа ускорения частиц – принципа автофазировки, который был открыт в 1944 г. В.И. Векслером и был уже опробован при создании синхроциклотрона. Векслер говорил, что принцип автофазировки был сформулирован им в военное время в голодной очереди за хлебом. Спустя год этот же принцип был переоткрыт американцем Мак-Милланом, за что последний получил Нобелевскую премию в 1951 г.

Итак, я приехал в Ново-Иваньково 4 сентября 1952 г. Помню, в кузове полутонной машины разместились со своим имуществом три молодые семьи: Мызников Кирилл Петрович с женой Люсей, молодым врачом (впоследствии Мызников был одним из ведущих руководителей по созданию Ускорительно накопительного комплекса (УНК) для ускорения протонов на 3 ТэВ в Институте физики высоких энергий в Протвино – амбициозного советского проекта, который так и не был реализован), Есин Сергей Константинович с женой Линой (вскоре Есин уехал в Ереванский физический институт, где он работал потом – я не знаю), и я с женой Зоей, почти кандидатом философских наук¹⁰⁰ (мы как приехали в Ново-Иваньково, так и остались здесь навсегда). Самыми «богатыми» среди нас были Мызниковы – они везли с собой «фамильный шкаф» и еще какую-то мебель, самой «бедной» была моя семья – у нас на двоих был один чемодан с вещами и два ящика с книгами. В Ново-Иваньково, в ТДС-533 меня «завербовал» Блинов Кузьма Иванович, исполнявший у Векслера

Моя жена - З.П. Исаева (Кириллова), 4 апреля 1952 г.

¹⁰⁰ Зоя защитила кандидатскую диссертацию на психологическом отделении философского факультета МГУ 24 октября 1952 г.

обязанности главного инженера. Он пообещал мне оклад 130 рублей в месяц и двухкомнатную квартиру сразу, как только я приеду в Ново-Иваньково! Для меня это было непостижимым счастьем. Семь месяцев – с 15 февраля по 4 сентября 1952 года, я с женой жил в Москве, [на Преображенском валу](#), в квартире в половине маленькой комнатенки, перегородженной старенькой ситцевой занавеской, в другой – располагалась сама хозяйка комнаты. День 4 сентября был солнечный, яркий. Из Москвы мы выехали около пяти часов вечера. Ехали долго, куда – не знали. Проехали Дмитров. Дорога шла на север, казалось, она опускается все ниже и ниже. Места пошли сырые, болотистые. Лес, окружавший дорогу, становился все более мрачным. В низинах на дороге в рост человека стоял туман.

К Ново-Иваньково подъехали с фарами. Дорогу перекрывал шлагбаум. Часовой, проверив документы, разрешил машине въехать

На ночь мне с женой выделили в маленьком двухэтажном домике пустую комнату с двумя кроватями. А на другой день всем приехавшим сказали: «Рядом стоят двенадцать пустых кирпичных домов, в каждом от двенадцати до двадцати четырех пустых квартир. Идите и выбирайте себе любую квартиру».

Первые месяцы жизни в Ново-Иваньково прошли почти в пустую. На строительной площадке ТДС-533 возводился фундамент, строились служебные помещения. Физикам, приписанным к ТДС-533, работать было негде. В ГТЛ нас не пускали, а Москва – в 120 км от нас. Библиотеки не было. Делать совершенно нечего... . Пришли мы, молодые специалисты, к Кузьме Ивановичу Блинову и устроили скандал: «Либо дайте нам работу, либо мы уезжаем отсюда!». Он с сочувствием посмотрел на нас и сказал: «Какие же вы молодые – дураки! Вы еще будете жалеть об этом времени... Деньги вам платят, квартиры у вас есть. Погода хорошая. Волга рядом ... И вы не знаете, что вам делать? Подождите, придет время и у вас будет работы невпроворот!»

В маленьком деревянном магазине продавался хлеб, кое-какая крупа. Все полки до потолка в магазине были забиты дешевыми консервными банками с крабами. Пробовали мы их тогда есть, но они показались нам пресными и невкусными. Теперь-то мы знаем, что они вкусные, но нет уже тех банок и тех цен. Продавалась черная икра вразвес – ее мы перемешивали с картошкой и так ели. Черную икру теперь вообще невозможно купить в простых магазинах даже на зарплату главного научного сотрудника, а мы тогда были простыми «мнс-ами». По утрам, рано-рано, окрестные деревенские жители ходили по нашим квартирам, стучали в двери и кричали: «Картошку надо? Рыбу надо? Молоко надо? Гуся надо?».

Рыба была свежая, превосходная – только судаки и лещи, по 2-3 кг каждая рыбина! Осенью ходили за грибами – они были рядом, в лесу. Грибов было много: чистые крупные белые, подосиновики, подберезовики. Опят было слишком много – все пни были усыпаны опятами. Их брали для засолки и с картошкой хороши, и закуска под водочку отличная. Волга лежала от нас в каких-нибудь 200–300 метрах. Между нашими домами и Волгой стояли деревянные бараки, в которых жили заключенные, строившие наш «объект». Деревенские жители, ново-иваньковцы, говорили, что строится «атомный завод», – все ведь было засекречено и люди многого не знали. Кто только не отсиживал в лагере для заключенных свой срок – даже прибалтийские проститутки, обслуживающие немецких солдат и офицеров во время Отечественной войны. Познакомились мы с одним из бригадиров, работавших с заключенными, – Рожковым (имя и отчество я забыл). Он сам был из заключенных, женился на женщине из заключенных, был счастлив, был веселым, находчивым, но достаточно строгим. Мы с женой не раз бывали у него в гостях. Много он рассказывал о жизни и работе заключенных: и тяжелое, и смешное, и трагическое, и жестокое. Между бараками и Волгой лежала полоска густого леса, тянувшегося вдоль самого берега реки. Здесь, в лесу, стоял деревянный дом генерала Лепилова – это он возглавлял строительную организацию на нашем объекте. Примерно через

три года после описываемого времени Александр Павлович Лепилов трагически погиб в ночной автомобильной катастрофе при возвращении из Москвы домой.

Через некоторое время нам разрешили посещать площадку ГТЛ, и я – теоретик по специальности из ТДС-533, познакомился с теоретиками из ГТЛ: Б.М.Барбашовым, Н.А.Черниковым, В.Г.Соловьевым, Л.И.Лapidусом, С.М.Биленьким, Р.М.Рындиным и рядом других молодых людей.

В октябре 1954 года ТДС-533 была переименована в Электрофизическую лабораторию АН СССР (ЭФЛ АН СССР), и всех сотрудников ТДС-533 «на автомате» перевели в ЭФЛ АН. К этому времени в ЭФЛ АН, кроме меня, уже числились другие теоретики: И.В.Полубаринов, М.И.Широков, В.И.Огиевецкий, Б.Н.Валуев, Р.А.Асанов, Л.Г.Заставенко. Теоретики обеих лабораторий вели активную творческую деятельность, работали в тесном содружестве с экспериментаторами.

К теоретикам ГТЛ часто приезжали из Москвы Я.П.Терлецкий, А.Я.Сморodinский, И.Я.Померанчук. Наведывался Л.Д.Ландау. В 1951 – 1952 гг. в ГТЛ несколько месяцев провел В.А.Фок. Теоретическая группа ЭФЛАНa работала под руководством М.А.Маркова (член корр. АН СССР с 1953 г., академик с 1966 г.). Нам, молодым теоретикам, приходилось много учиться. Наша квалификация росла на решениях конкретных задач, при обсуждении работ на семинарах, при разборе теоретических статей, опубликованных в американском журнале «Physical Review». Английский язык учили по этому журналу (в школе до войны и в Университете преподавали немецкий язык). В 1953 или 1954 году в Москву стал ходить небольшой автобус, вмещавший человек 25, в котором мы ездили на московские семинары один-два раза в неделю. Зима, снег, мороз, автобус не отапливается, не освещается, сидячих мест на всех не хватает. Уезжали утром, чтобы успеть на послеобеденный семинар, а возвращались из Москвы поздно вечером. Отовсюду: и в двери, и в окна – пробивается снежная пыль и сквозит морозный воздух. Многие из нас в холодных ботинках. Мерзли

страшно, но все равно смеха и шуток было много. Сегодня, сидя в безостановочном экспрессе Дубна-Москва, теплом, прекрасно освещенном, с мягкими креслами и откидными столиками, даже трудно вообразить: как же мы могли по такому морозу ездить в Москву и еще там работать?

На Московских семинарах мы часто встречались с выдающимися теоретиками XX-ого века И.Е.Таммом, Н.Н.Боголюбовым, Л.Д.Ландау, Д.И.Блохинцевым и некоторыми другими.

В 1953 – 1956 гг. в ЭФЛАНе наступили горячие времена, сбылись предсказания Кузьмы Ивановича Блинова. Инженеры, техники, лаборанты сутками не уходили с рабочих мест. Были огромные технические трудности, были неудачи, возникали проблемы, которые казались неразрешимыми, но были успехи и творческие удачи, которые приносили огромную радость и удовлетворение. Были поистине анекдотические случаи. Одним из заместителей Векслера в ЭФЛАНе был доктор физ.-мат. наук Валентин Афанасьевич Петухов ([смотри выше фотографию нашего выпуска](#)). Уверенным баритоном он читал нам на Физическом факультете МГУ лекции по теоретическим основам ускорителей. Был он коренаст, четок в движениях, ходил быстро, размашисто, пальто нараспашку. Своим внешним видом и поведением он несколько напоминал артиста М.Ульянова в роли маршала Жукова. К нему пришли молодые инженеры жаловаться на плохие бытовые условия, на то, что жилищно-коммунальное управление в течение длительного времени не ремонтирует отопительные батареи. Злой Валентин Афанасьевич поднимает трубку и резко спрашивает у пришедших инженеров:

– Номер телефона ЖКУ?

Сразу набирает номер. Слышно как на другом конце ему отвечают:

– Курицын слушает.

– А-а-а... Курицын! С Вами говорит Петухов! Так вот слушайте, Курицын, ...

– Вы что, смеетесь надо мной? Я не позволю!

– Нет позвольте! Я действительно Петухов, и если Вы, Курицын, к вечеру не сделаете...

Это – быль! Все делалось быстро, решительно, в стиле хорошо отлаженной административно-командной системы.

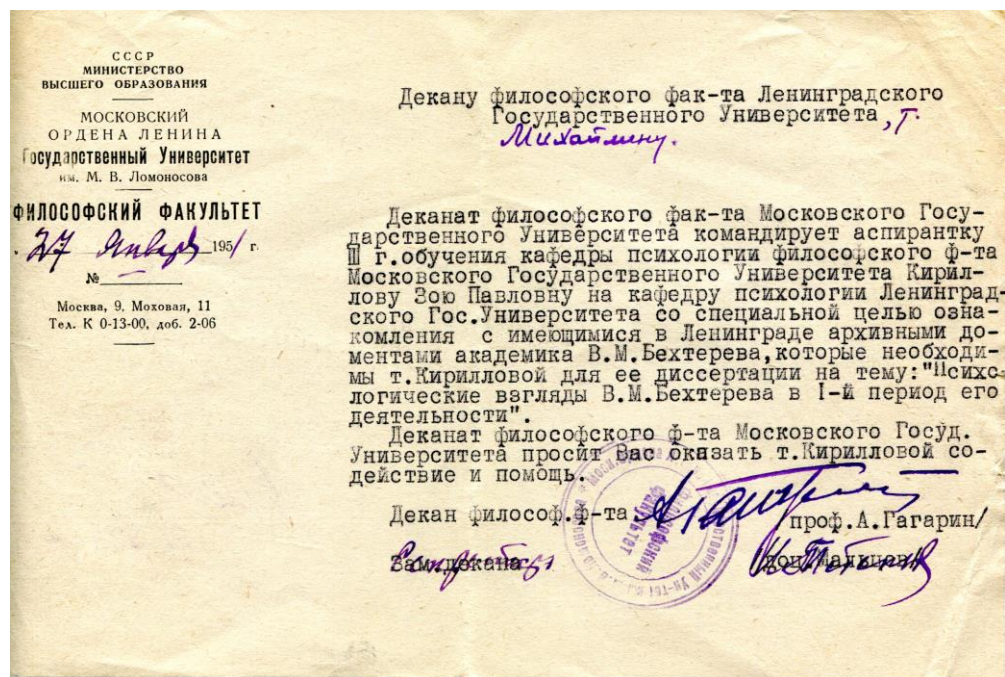
Были энтузиазм, самоотверженность, горение – все то, что сопровождало жизнь нашего поколения, поколения победителей. Материальные недостатки, неудобства, бытовые неурядицы и неустроенность отступали на второй план перед уверенностью, что мы сможем решить любую поставленную задачу, перед верой в будущее нашей науки и духовным величием совершаемого.

Таковыми пришли сотрудники ИЯП АН СССР и ЭФЛАН СССР к 1956 году. В марте 1956 года на базе двух крупнейших институтов Советского Союза – ИЯП АН СССР и ЭФЛ АН СССР, располагавшихся в Ново-Иваньково, по решению правительства СССР был образован Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ), призванный объединить усилия всех социалистических стран по исследованию и изучению свойств атомных ядер и элементарных частиц. Объединенный институт был образован в ответ на создание Европейского центра ядерных исследований (CERN), расположенного рядом с Женевой, на границе Швейцарии и Франции, и объединившего исследования ученых всех западноевропейских стран. С этого момента начиналась новая эпоха в изучении элементарных частиц и физики микромира. Начиналась новая эпоха и в жизни жителей поселка Ново-Иваньково, который, вместе с левобережной «Тридцаткой», с момента образования ОИЯИ стал называться городом Дубна.

Три письма в Кимрский роддом.

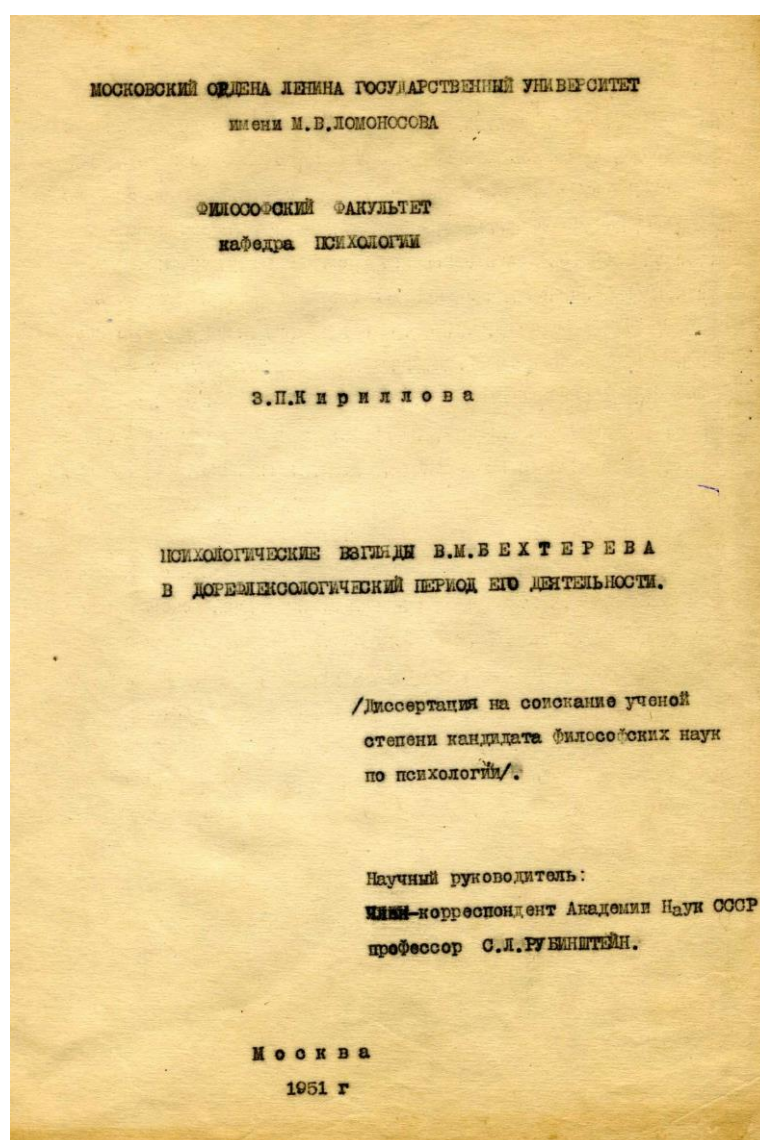
(конец февраля – начало марта 1953 г.)

Моя жена – Исаева Зоя Павловна (урожденная Кириллова) училась на психологическом отделении философского факультета МГУ и закончила его в 1948 г. Выбор специальности во многом был сделан под влиянием ее родного дяди – Ивана Степановича Кириллова (1887 – 1962), известного московского врача-психиатра, одно время работавшего с П.Б.Ганнушкиным. Первое время Зоя проживала в небольшой московской квартире Ивана Степановича, где жили еще его жена – Елизавета Петровна (тетя Лиза, как ее называла Зоя) и их второй сын – Вячеслав (первый их сын, Владимир, погиб под Сталинградом). Позже, в 1953 году, Иван Степанович, как заслуженный врач РСФСР, получил квартиру в высотном доме на Котельнической набережной. Кажется на втором курсе, в 1944-ом году, Зоя переехала жить к своей сестре Нине Павловне в знаменитый «Дом на набережной»¹⁰¹. Муж Нины Павловны – Владимир Васильевич Стефанихин до 1945 года был представителем Карело-Финской ССР при Совете министров СССР в Москве. Вскоре Стефанихины вернулись в Петрозаводск и Зоя получила место в университетском общежитии на Стромынке.

¹⁰¹ Комплекс сооружений на Берсеевской набережной Москвы-реки на Болотном острове.

После окончания МГУ Зоя продолжала учебу в аспирантуре на кафедре психологии и писала кандидатскую диссертацию «Психологические взгляды Бехтерева в дорефлексологический период его деятельности». Ее наставниками были известные профессора психологии МГУ – Борис Михайлович Теплов (его сын – Игорь Теплов был моим сокурсником по физическому факультету МГУ) и Сергей Леонидович Рубинштейн. Руководителем диссертации был С.Л.Рубинштейн¹⁰², но в декабре 1951-ого года он серьезно заболел, и Зоя в конце аспирантуры фактически осталась без научного руководителя. С этим связано то, что ей потребовалось

¹⁰² В конце 40-х годов Рубинштейн стал одной из первых жертв послевоенных идеологических кампаний борьбы с космополитизмом.

еще полгода для завершения диссертации, которую она успешно защитила 27 октября 1952 года (в это время мы уже жили в Ново-Иваньково). В одной из ее записок, недавно мною обнаруженной, написанной карандашом, она писала:

«Уважаемый Федор Васильевич!

Диссертация моя обсуждалась на кафедре 23 января и была вынесена на защиту. После обсуждения я ее правила и Вы, уж, пожалуйста, извините меня, что на предварительный отзыв я ее Вам даю в таком виде. 12 мая 1952 года. С приветом, З.Исаева (б. Кириллова)»

Эта записка дорога для меня тем, что в ней Зоя уже подписывается моей фамилией – мы поженились 15 января 1952 года. 26 февраля 1953 года у нас родилась дочь, которую мы называли Елизаветой (в честь тети Лизы). В то время в Ново-Иваньково роддома еще не было и всех рожениц возили в соседний районный центр – Кимры, который находился в 30 километрах. Ниже я привожу три мои записки, которые я писал Зое в роддом, из которых видно насколько сложно было в те времена добраться от Дубны до города Кимры.

Записка 1.

Зоя,

Как твое самочувствие? Направляю тебе продукты:

1. Шпроты, масло сливочное, финики

2. Колбаса, сахар

Хлеба нет. Я дома поел все куски. И сегодня хлеба нет. Я постараюсь сейчас поискать в Кимрах. Если найду, то принесу. Звонил два раза Кирилловым – вчера и сегодня – говорил со Славой¹⁰³. Все ему подробно рассказал. Сегодня позвоню еще, вечером. Слава и Валя¹⁰⁴ сдали экзамен на

¹⁰³ Вячеслав Иванович Кириллов (25.03.1926 – 26.06.2013) – двоюродный брат Зои, доктор философских наук, профессор. В 1964 — 1977 гг. и в 1984 — 2008 гг. был зав. кафедрой философии Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. Член союза писателей России.

¹⁰⁴ Валентина Андреевна Кириллова (Карлова) – жена В.И.Кириллова, кандидат филологических наук, преподавала на Филологическом факультете МГУ.

"отл". Меня в пятницу, в 7 часов вечера, ученики пригласили дать сеанс *игры в шахматы*. Сообщи, что тебе нужно, каковы претензии к врачам – я, если надо, поговорю с главными людьми.

Крепко обнимаю и целую. Твой Петр.

Записка 2.

Дорогая Зоя,

Теперь, когда я все тебе передал, я пишу более спокойную записку. Во-первых, не голодает ли Лизочка? Во-вторых, мне до сих пор не удалось взять справку о рождении Лизочки – нет бланков. Сейчас от тебя я еще раз зайду в Кимровский ЗАГС.

А теперь, пока есть время, опишу как я сегодня добрался до тебя. Вышел пешком из Иванькова в 11ч 30 минут. Спустя 1 км меня догнал гусеничный трактор, на который я немедленно сел, ибо спешил быстрее попасть на Большую Волгу, к автобусу, который ходит до 30-ого завода.

Приехал на Б.Волгу, а автобуса еще нет. Смотрю, идет машина. Я на нее – и поехал, думаю все же быстрее автобуса. Но, не доезжая до электростанции – есть тоннель. Там проверяют пропуска, а у нашей машины его нет. И машину не пустили дальше. Я на полпути. Теперь, думаю, автобус уже пришел на Б.Волгу и пойдет дальше, мимо меня, а я здесь. Смотрю, навстречу идет машина. А наш шофер просит, чтобы его пустили без пропуска. Что делать? Вернуться назад на встречной, и, может быть, успею захватить автобус, или ждать, может быть здесь пустят без пропуска? Я сижу в кузове первой машины и смотрю на шлагбаум. Встречная машина идет близко от меня и очень медленно. Решаю перелезть на ходу в кузов встречной – и перелез. В этот момент шофер первой машины пытается проехать под шлагбаум. Я из кузова встречной машины прыгаю на первую машину. Но смотрю, шлагбаум закрывается и машина останавливается. А встречная все еще ползет мимо. Я снова на ходу прыгаю из кузова первой машины в кузов встречной и теперь уже еду к Б.Волге,

назад. Только подъехал к остановке – и автобус подходит. Мгновение – и я в автобусе. Добрался до Подберезья (это 30-ый завод), а машин на Кимры нет. Жду час – нет. Нас собралось уже человек 8. Смотрим, подкатывает грузовая, которая в Кимры не идет, но шофер колеблется, и согласен за деньги завернуть "налево". Пока торгуемся, я вижу, как подкатывает "Победа". Я бегом к ней. "В Кимры?" – Да! "Поехали!" И через 15 минут, то есть в 2ч 30 минут я у тебя! Как поеду обратно – не знаю, но, наверное, подвезет и здесь.

Итак: пешком, трактор, 2-е грузовых, автобус и "Победа"! Только на лошади не ездил, да на самолете не летал. Вот как я тебя люблю!

Ну, ничего. Скоро снова будем вместе. Береги Лизу, береги себя – и скорее домой, а то я скучаю по вас. Сегодня вечером, если успею, позвоню Кирилловым, или завтра утром, в 9. Если удастся, то сообщу и Сердцевым.

Вот, пока и все. Твой Исаев (подпись).

Записка 3.

Дорогая Зоя,

Мне до сих пор не удалось взять справку о рождении Лизы, так как нет бланков о рождении. Как будут – немедленно все сделаю. Доехал я благополучно. Правда на дороге большие заносы и нам часто приходилось откапывать свою машину из снега. Знаешь ли ты о смерти Сталина? С нетерпением жду вашего выхода. Напиши мне пару слов, и я поеду.

Исаев (подпись).

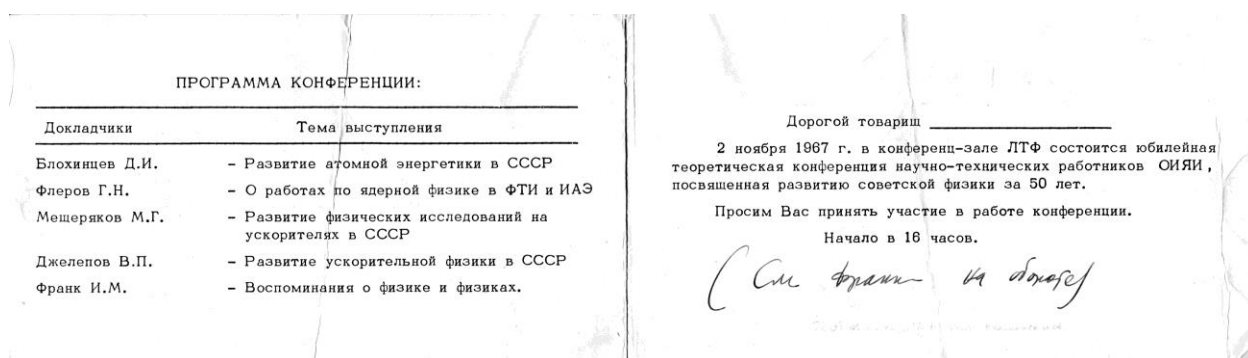
Конспект выступлений на юбилейной теоретической конференции "Развитие советской физики за 50 лет"

2 ноября 1967 года в конференц-зале Лаборатории теоретической физики ОИЯИ состоялась юбилейная теоретическая конференция научно-

технических работников Объединенного института, посвященная развитию советской физики за 50 лет.

Программа конференции:

1. Блохинцев Д.И. Развитие атомной энергетики в СССР.
2. Флеров Г.Н. О работах по ядерной физике в ФТИ и ИАЭ
3. Мещеряков М.Г. Развитие физических исследований на ускорителях в СССР
4. Желепов В.П. Развитие ускорительной физики в СССР
5. Франк И.М. Воспоминания о физике и физиках

Пригласительный билет на конференцию "Развитие советской физики за 50 лет".

Конференция началась в 16-00. Ниже отрывки из выступлений докладчиков.

1. Д.И. Блохинцев

Две идеи рожденные Октябрем: а. идея плана; б. идея мира.

Развитие: Атомные станции – Воронежская, Белоярская; атомный ледокол; атомные подводные лодки.

Первая атомная станция в Обнинске – стала Университетом для подобных направлений

Слова Н.Бора: "Я поражаюсь выдержке и мужеству людей, которые взялись за это дело и провели его до конца" (о создании ускорителя в ЛВЭ на 10 ГэВ).

2. Г.Н. Флеров

Если с наукой знакомиться по статьям, то покажется, что ее делают боги. Читая, видишь, как автор прямо идет к цели, и не видно его заблуждений и исканий. И только после знакомства с автором можно узнать и о сомнениях и о заблуждениях ученого.

3. М.Г. Мещеряков

Мысовский¹⁰⁵ проник к министру просвещения Бубнову и выпросил деньги на первый метровый циклотрон (1932 - 1934?). В него не верили. В частности Иоффе был скептиком. И этот циклотрон – единственный в мире, был поставлен вертикально, может быть подойдет для исследований космических лучей?

Я помню Хлопин¹⁰⁶, Курчатов, Мысовский составляли какое-то письмо на имя Жданова, чтобы их не зажимали, ибо отношение к ядерным работам было хуже скептического (надо было варить сталь, изучать уголь и т.д.).

В 1944 году я поехал в Ленинград и развил там бурную деятельность. Я был арестован. Сутки держали голодным. Мне это надоело, я стукнул кулаком по столу и потребовал связать меня с одним высоким человеком. Они переглянулись и стали обсуждать между собой, бить меня сразу или потом. Потом я назвал телефон одного высокого человека в Москве, который был знаком с другим высоким человеком, который потом плохо кончил. Меня заставили еще поголодать 8 часов. Наконец, милиция меня освободила. Меня привели в столовую и дали сразу три порции милицейского питания. Но тут уж я сказал, что без водки есть не буду. Тут уж ленинградская милиция пошла на капитуляцию.

¹⁰⁵ [Смотри примечания в конце этой главы](#)

¹⁰⁶ [Смотри примечания в конце этой главы](#)

25 марта 1947 г. – переезд в Дубну. Ускоритель удалось переместить на 12,5 градусов вправо (на первоначально запланированном заболоченном месте для ускорителя сейчас находятся огороды). В ночь с 13-ого на 14-ое декабря 1949 г. машина была пущена.

4. В.П. Желепов

По поводу Октябрьской Революции, кроме того, что сказал Д.И.Блохинцев, следует добавить еще два тезиса:

- а. органически возникла необходимость развития фундаментальных наук,
- б. в науку пришли люди из толщи народа.

Среда, в которой мы работали – это люди одержимые. Их подготовил царский режим и в частности министр Витте.

Курчатов вызвал меня и сказал, что предлагает мне переехать в другое место.

- Далеко?
- Два с половиной часа езды.
- А все-таки где?
- Секрет, неужели сам не понимаешь?

Совещание:

Было предложено три места¹⁰⁷: Москва, Турист и Иваньково.

Минц¹⁰⁸ возражал. Берия с акцентом:

- "Вы, тов. Минц, не верите в Советскую власть".
- Но там нет железных дорог!
- Тов. Бещев¹⁰⁹, через 6 месяцев провести туда железную дорогу.

¹⁰⁷ Имеется ввиду место строительства ГТЛ АН СССР (место будущего города Дубна).

¹⁰⁸ Смотри примечания в конце этой главы

¹⁰⁹ Смотри примечания в конце этой главы

- Но нет шоссейной дороги!
- Вы, тов. Минц, не верите в Советскую власть. Я руковожу этим. Через 3 месяца будет шоссейная дорога!
- Но там нет мостов!
- Мосты будут!
- И в заключении с акцентом:
- Как видно из обсуждения, лучшим местом является Иваньково!

Истинная правда, середина 1949 г.:

Мне, вместо отсутствующего Мещерякова, было предложено доложить план работы на ускорителе ГТЛ АН СССР. Мещерякова часто вызывали наверх. Важная кабинетная обстановка – длинные столы, зеленое сукно.

Я кандидат наук. И.В.Курчатов – не в центре, а немного сбоку. Сначала – генералы, потом – академики, а потом "прочие". Долго говорил. Генералы и председатель хмурились. Потом Ванников¹¹⁰ встал и говорит:

- А овес от вашей машины будет?
- В Вашем смысле – нет!
- Это как же так, Игорь Васильевич. Это правда?

Курчатов молчит.

- Так будет овес или нет?

Игорь Васильевич молчит. Тогда встает Алиханов¹¹¹:

- Нет не будет!
- Это правда, Игорь Васильевич?

Тогда Курчатов бороду в руку и, поглаживая ее, ответил:

- Вот так, не будет!

5. И.М. Франк

¹¹⁰ [Смотри примечания в конце этой главы](#)

¹¹¹ [Смотри примечания в конце этой главы](#)

О роли науки в обществе. Интернационализм в науке. Авторитет ученого.

Я приехал со съезда, посвященного Марии Складовской-Кюри. Там я почувствовал, как силен авторитет нашей науки:

а. ускоритель в Серпухове; б. посадка спутника на Венеру.

И я думаю, что для сидящих здесь, в зале, демократов, все это звучит чудесно.

Патриотизм, вера в науку – наши учителя воспитали в нас это! И эти люди не были большевиками – это люди с высокой гражданственностью. Это – Иоффе, Вернадский, Хлопин, Рождественский, Лазарев, Мандельштам; в свое время все они были объявлены идеалистами. Их ругали за отсутствие связи с практикой – они действительно не занимались «утилитаризацией» науки. Они умели экстраполировать в будущее.

Примечания редактора.

¹⁰⁵ [Лев Владимирович Мысовский](#) (1888 — 1939) — русский и советский физик, доктор физико-математических наук. Первый заведующий физическим отделом Радиевого института в Ленинграде, где проработал 17 лет.

¹⁰⁶ [Виталий Григорьевич Хлопин](#) (1890 — 1950) — русский, советский радиохимик, один из основоположников советской радиохимии и радиевой промышленности; получил первые отечественные препараты радия (1921); один из основателей Радиевого института в Ленинграде; один из ведущих участников советского атомного проекта, основатель школы советских радиохимиков; академик АН СССР (1939).

¹⁰⁸ Александр Львович Минц (1895 – 1974) — советский ученый, один из создателей синхрофазотрона в Дубне, протонного синхротрона с сильной фокусировкой на 7 ГэВ (ИТЭФ), Серпуховского протонного синхротрона У-70 на 70 ГэВ (ИФВЭ). Академик АН СССР (1958). Сын известного в Ростове-на-Дону фабриканта. Вступил в Красную Армию в начале 1920 г. Во время Гражданской войны командовал радио-дивизионом в составе Первой конной армии, принимал участие в рейдах и боях на Кавказском, Польском и Крымском фронтах. После окончания Гражданской войны откомандирован в Высшую военную школу связи, где в 1922 году создал первую в Красной армии ламповую радиотелеграфную станцию "АЛМ". Под руководством А.Л.Минца была спроектирована и построена под Москвой радиостанция мощностью 100 кВт, названная именем ВЦСПС. Она была введена в эксплуатацию осенью 1929 года и была в то время самой мощной в мире.

Арестован в феврале 1931 года по делу о контрреволюционной организации в Военно-техническом управлении РККА. 18 июля того же года постановлением коллегии ОГПУ А.Л.Минц досрочно освобожден, так как было принято решение о строительстве новой длинноволновой радиовещательной станции неслыханной тогда мощности в 500 кВт (в то время самая крупная станция в Америке имела мощность всего 50 кВт, а в Европе — 120 кВт). После зарубежной командировки в США, 7 мая 1938 года А.Л.Минц был снова арестован как участник антисоветской правотроцкистской организации и шпионаж в пользу одного из зарубежных государств. В 1941 г., уже после начала ВОВ, постановлением Президиума Верховного совета СССР А.Л. Минца во второй раз досрочно освободили от наказания со снятием судимости.

В августе 1943 года Минц возглавил Лабораторию спецтехники (8 отделение) 4 спецотдела НКВД. За достигнутые успехи в октябре 1944 года он получил воинское звание инженера-полковника, в 1946 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, стал лауреатом Сталинской премии 1-й

степени и возглавил лабораторию №11 в составе Физического института АН СССР по созданию ускорителей заряженных частиц.

С этого времени круг научных интересов А.Л.Минца круто изменился. Начинался век атомного оружия, и Минц должен был решить поставленную перед ним задачу по созданию циклических ускорителей элементарных частиц высоких энергий для исследований в области ядерной физики. Радиотехнические проблемы по созданию высокочастотного питания для синхроциклотрона (ускорителя протонов), который сооружался в 1949 году в Подмоскowie (ныне город Дубна), казались большинству ученых непреодолимыми. Но А.Л.Минц справился с ними блестяще.

В 1951 году Минц возглавил созданную Радиотехническую лабораторию АН СССР (РАЛАН), которой предстояло заниматься созданием системы противовоздушной обороны столицы. И уже через четыре года зенитная ракетная система ПВО (С-25), созданная коллективом ученых под руководством А.Л. Минца, была принята на вооружение Советской Армии.

РАЛАН в 1957 году была преобразована в Радиотехнический институт АН СССР. Минц стал его директором. (По статье В. Звягинцева "Академик Минц - то белый шпион, то красный кавалерист...").

¹⁰⁹ Борис Павлович Бещев (1903–1981) – с 1948 по 1977 гг. министр путей сообщения СССР.

¹¹⁰ Борис Львович Ванников (1897— 1962) – советский государственный деятель, трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954). Генерал-полковник инженерно-технической службы (1944).

Родился в пригороде Баку в еврейской семье рабочего. В 1918-19 служил в Красной армии. В 1919 вступил в РКП(б). В 1919-20 находился на подпольной работе в Баку, а затем в Тифлисе.

В 1933—1936 — директор Тульского оружейного завода. В 1936—1937 годах — начальник Главного артиллерийско-танкового, в 1937 году —

танкового управления Наркомата оборонной промышленности СССР. С декабря 1937 года — заместитель народного комиссара оборонной промышленности СССР. В январе 1939 года — июне 1941 года — народный комиссар вооружения СССР. 7 июня 1941 был арестован. 20-го июля 1941 года освобождён и назначен заместителем народного комиссара вооружения.

С 16 февраля 1942 года — народный комиссар Наркомата боеприпасов СССР. Организовывал обеспечение РККА и ВМФ всеми видами орудий, миномётов, боеприпасов всех видов и калибров.

В 1945—1953 — начальник Первого Главного управления при СНК (с 1946 — при Совете министров) СССР, которое осуществляло организацию всех исследований и работ по созданию в СССР атомной бомбы, а затем и производства ядерного оружия. Руководил этими работами вместе с И. В. Курчатовым. Один из участников «атомного проекта» Н. Н. Головин позднее вспоминал: «Б.Л.Ванников и И.В.Курчатов как нельзя лучше дополняли друг друга. Курчатов отвечал за решение научных задач и правильную ориентацию инженеров и работников смежных областей науки, Ванников — за срочное исполнение заказов промышленностью и координацию работ».

В 1953—1958 — первый заместитель министра среднего машиностроения СССР (ведало производством атомного оружия).

В 1954 году за руководство при создании водородной бомбы он был удостоен третьей Золотой Звезды. С 1958 — на пенсии.

¹¹¹ Абрам Исаакович Алиханов (20 февраля (4 марта) 1904 — 8 декабря 1970) — советский физик. Один из основоположников ядерной физики в СССР. Один из создателей первой советской атомной бомбы. Член-корреспондент (1939), а затем академик (1943) Академии наук СССР; трижды лауреат Сталинской премии. Принимал участие в создании первых советских ядерных реакторов, был руководителем тяжеловодного направления в ядерных реакторах. В 1945 организовал Институт

теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ), директором которого был до 1968 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

65 лет спустя, после окончания Великой Отечественной войны оказалось, что война против России, против моего Отечества продолжается. Но врагов у моей Родины теперь стало два – помимо всегда существующего давления внешнего мира (экономического, политического, дипломатического, военного, научного, культурного) появился враг местный, более замаскированный, враг внутренний – его можно было бы назвать информационно-духовным. Некоторые средства массовой информации, определенные общественные круги внутри страны, начиная с момента распада Советского Союза, направляют огромные усилия на развенчание победы в Великой Отечественной войне, на уничтожение русского менталитета, нашей самобытности, пытаются внушить нам интеллектуальную отсталость России, разрушают экономику страны, духовно ущемляют народ, порождают нищету российских людей, разрушают мораль, навязывают чуждые нашему народу духовные ценности.

Наиболее яркие устремления подобного рода демонстрируют оплаченные большими деньгами «деятели-однодневки» из области политики, истории, культуры, искусства, часто налагающие на себя звание духовного лидера России.

Безыдейщина, попытки вычеркнуть из истории нашей Родины героические достижения народа в годы Советской власти, т.е. попытки вычеркнуть из истории нашей страны существование и вдохновенный труд

двух-трех поколений людей, создавших великую державу, совершаются сегодня в огромных масштабах.

Достижения нашей Родины в период 1920-1990 гг. хорошо известны всему миру в области экономики, просвещения, науки, литературы, искусства, спорта и здесь не нуждаются в перечислении.

Нам, живым участникам Великой Отечественной войны, живым свидетелям подвига и самоотдачи народа тех лет, снова приходится выходить на передний край теперь уже идеологической борьбы, чтобы защитить завоевания наших поколений, защитить интересы народов нашей Родины, живших в те годы.

Становится страшно от того, что какой-то 40-60-летний «знаток» – журналист, историк, писатель, деятель искусства, представитель духовенства, пытаясь восстановить события 50-100 летней давности, занимается искажением фактов, демонстрируя незнание исторической обстановки (или сознательно искажая ее), а то и просто обманывая читателя, спекулирует на фактах, цитирует документы старых лет, и все это в отрыве от той обстановки, в которой происходили эти события и принимались решения.

Приведу одни из наиболее известных тезисов такого рода. Пишут, что победы Советской Армии в годы Великой Отечественной войны достигались ценой огромных потерь наших солдат и при этом называют конкретные цифры.

Но давайте вспомним, что немецко-фашистским войскам не удалось достигнуть ни одной стратегической военной цели.

Ленинград не был взят немецко-фашистскими войсками, Москва не была взята, Сталинград не был взят, Курско-Белгородская битва проиграна немцами.

Для того, чтобы наступательная операция была успешной, даже 3-4-кратное численное превосходство в войсках не всегда бывает достаточным

для победы. Подобное численное превосходство должно быть обеспечено в артиллерии, в танках, в авиации.

Почему же Германия проиграла все вышеперечисленные битвы, если, по мнению «знатоков», наши потери в войсках были огромными, а немецко-фашистские войска останавливались в двух шагах от победы и терпели поражение?!

Ведь во всех вышеперечисленных операциях численность немецких войск и техники никогда и нигде не были **значительно** меньше численности солдат и наличия техники в наших войсках. В чем же дело?

А дело в том, что в ходе этих немецких наступательных операций немецко-фашистские войска несли огромные потери в людях и технике, **иногда** превосходившие наши потери, и к концу соответствующей боевой операции враг «выдыхался» - потери немцев оказывались невосполнимыми, и они терпели поражение. Кстати, заметим, что с Советским Союзом тогда воевала не одна Германия – силы **практически** всей **континентальной** Европы были мобилизованы на завоевание России, и **общая** численность немецких войск не уступала численности наших войск.

Потери врага всегда были настолько велики, что немецко-фашистское командование **так и не смогло** выиграть ни одного **решающего** военно-стратегического сражения. А после Белгородско-Курской битвы у немецко-фашистского командования вообще не оказалось никаких резервов – ни на фронте, ни в тылу*.

Таким образом, Советская Армия одержала победу над немецко-фашистскими войсками не числом, а мужеством **и умением**, и тем, что военная техника нашей армии, особенно к концу войны (стрелковое оружие, артиллерия, танки, самолеты), оказалась **на уровне высших мировых стандартов** (в частности, наш танк Т-34 признан военными экспертами всех стран мира лучшим **средним** танком второй мировой войны). «Знатокам»,

* См. Эрих фон Манштейн. «Утерянные победы», Москва, «Вече», 2010.

пишущим мемуары о Великой Отечественной войне, следует придерживаться именно этой, единственно справедливой точки зрения на ход и исход военных операций.

Я уже не говорю о моральном духе солдат нашей армии – он был намного выше морального духа солдат немецкой армии. Наше моральное превосходство было очевидным: мы любили свою Родину, мы защищали ее и свой народ от истребления. А дух «захватничества» немецкой армии после ее поражений под Москвой, Сталинградом и Курском иссяк довольно быстро.

24 мая 1945 года тов. Сталин выступил с тостом на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии. Я привожу полный текст его выступления.

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской Республики, покидала потому, что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы

поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.

Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом!

За здоровье русского народа!»

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

Сталин, жизнь которого в годы Великой Отечественной войны зависела от успехов солдат Красной Армии на фронте, отлично знал, кто выиграл эту войну, и по достоинству оценил подвиг народа, советского солдата и, в особенности, русского солдата в этой войне.

А как смотрит на подвиг советского народа в войне против фашизма Русская Православная церковь? На мой взгляд Русская Православная церковь, следуя своим догматам, по-своему обесценивает победный подвиг наших солдат и нашего народа в Великой Отечественной войне.

В газете «Вести Дубны» (№ 29, 29 июля 2010 г.) я опубликовал статью «Почему молитва появилась так поздно?». Привожу полный текст моей статьи.

В газете «Вести Дубны» (№ 19 от 20.05.2010 г.) на странице 16 под заголовком «Благая весть» опубликована заметка «Патриарх Кирилл написал молитву ко Дню Победы, которая будет ежегодно читаться 9 мая». У меня нет полного текста молитвы, но те отрывки, которые приведены в газете, вынуждают меня высказать свое отношение к ее содержанию.

«Молитвы хороши во имя правды и по делу». Патриарх Московский и всея Руси Кирилл написал молитву в память об избавлении народов России от гитлеровского нашествия в 1941-1945 гг. В основу текста он положил молитву святителя Филарета Московского, написанную в честь победы

русской армии над Наполеоном в 1812 году. Почему же молитва патриарха Кирилла появилась так поздно, на 65-ю годовщину Победы? Сочли, что такое великое историческое событие, как победа Советского Союза в войне с фашистской Германией, не могло произойти без участия в нем Русской Православной Церкви (РПЦ), ибо, как говорит русская поговорка, «Без Бога – не до порога». Молитва призывает помнить, что победа в Великой Отечественной войне «совершалась при участии Божественной воли». Сама по себе война была испытанием, которое Господь «по милости своей» посылает людям, чтобы избавить «от высших мук». «Это испытание надо воспринимать как дар божественной любви, не роптать, а в покаянии склонять голову перед Богом». «Если мы забудем о духовном и религиозном измерении победы, это будет кощунством по отношению к Богу». Но во всех этих словах правды меньше половины. Да, «духовное измерение» в войне было – это была историческая проверка двух идеологий: гуманной коммунистической и человеконенавистнической идеологии расового превосходства немецкой нации над всеми другими народами мира. Религиозного в войне не было – не католики воевали против православных, а фашисты против коммунистов. Это была война за захват русской земли, на которой немцы были бы господами, а русские – рабами.

По отношению к миллионам погибших мужчин, женщин, стариков и детей, отдавших жизни ради спасения России и всего человечества от фашистского рабства, приписывать победу «милости Божией», а не воле народов России – кощунство. Получается, что то, что немцы убивали наших солдат и мирных граждан – это была любовь и милость Божья, перед которой нас призывают склонять голову. Что может быть кощунственнее по отношению к народам России?

Когда в вас стреляют из пушек и пулеметов, когда вас бомбят самолеты и давят гусеницы танков, а вы, отбивая атаки, идете вперед, презирая смерть, и побеждаете, говорить, что это не вы победили, а победил Господь Бог своей милостью, подаренной вам за ваши грехи (которых вы не

совершали), - кощунство. Ничего хуже по отношению к своему народу и его жертвам в этой войне придумать невозможно!

Превращать в НИЧТО подвиг миллионов людей! Это как же надо унижать и презирать свой народ, чтобы произносить такие слова вслух! Сам Господь Бог не примет такую неправду на свой счет. А пока коммунисты и комсомольцы, а их в армии было более половины всего состава, сражались на фронте, их отцы и матери, жены, дети и любимые девушки отдавали все силы в тылу, работая в нечеловечески трудных условиях. И это тоже подвиг народа, а не божье наказание за грехи. За какие грехи? Какой грех совершали женщины и дети, помогая солдатам бороться за жизнь и свободу народов России?

Сегодня не 1812 год, не времена святителя Филарета Московского, и народ России не уступает служителям церкви ни в знаниях, ни в святости. Не только им дал Господь Бог право оценивать подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне.

После окончания ВОВ появилось большое число книг выдающихся военачальников (в том числе и немецких) и рядовых участников войны, посвященных боевым действиям Красной армии. Но ни в одной из них вы не найдете ничего об участии Русской Православной Церкви в войне или о влиянии православного духа на победу. Чего не было – того не было.

Конечно, можно найти единицы, десятки, сотни солдат Красной армии, которые скажут, что они воевали с именем Бога в сердце. Но были миллионы солдат, которые беззаветно просто сражались за свою родную землю, за будущую счастливую жизнь людей, ее населяющих. Именно эти миллионы были главной силой нашей армии, именно они во имя спасения России совершали беспримерные подвиги, проявляли массовый героизм, именно они одержали победу над фашизмом, а не сотни православных верующих.

Вклад был: на средства Церкви были созданы одна или две танковые колонны, состоящие из десятка танков. По сравнению с десятками тысяч

танков, участвовавших в Великой Отечественной войне, этот вклад имеет символический, но не реальный смысл.

Всем хорошо известно, что вклада Русской Православной Церкви не было ни в битве за Москву в 1941 году, ни в битве за Сталинград, ни в битве на Курской дуге, ни в битве за Белоруссию в 1944 году, ни в битве за Берлин. Не было вклада РПЦ в годы войны ни на колхозных полях, ни на заводах и фабриках, ни в обучении детей в школах. А если призывы к победе слышались в церквях России, то коммунистические призывы отдать все силы для победы над фашизмом звучали тысячекратно сильнее на собраниях трудящихся, по радио, в советской печати. Я процитирую тексты двух посланий Президента США Ф.Д.Рузвельта Председателю Совета народных комиссаров СССР И.В.Сталину. Первое послание получено в Москве 5 февраля 1943 года: «В качестве главнокомандующего Вооруженными Силами США я поздравляю Вас с блестящей победой ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим верховным командованием. 162 дня эпической борьбы за город, борьбы, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славой оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех объединенных наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага».

Второе послание Президента США Председателю СНК СССР получено 6 августа 1943 года: «В течение месяца гигантских боев Ваши Вооруженные Силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко

идущие последствия. Искренние поздравления Красной армии, народу Советского Союза и лично Вам по случаю великой победы под Орлом. Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами». (Советско-американские отношения во время ВОВ 1941-1945 гг. Т.1. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – С.283, 358).

Так были восприняты современниками победы Красной армии в мировом сообществе Объединенных наций, и так прямо названы источники наших побед. Об этом, во-первых, следовало бы знать сегодня всем гражданам России, и, во-вторых, никому не пытаться задним числом опорочить и исказить историческую правду. Так о какой божьей воле и благодати, о каком религиозном измерении победы может сегодня идти речь, когда мы говорим о войне 1941-1945 гг.?

Я не против Русской Православной Церкви, но я против оскорбления священного мужества, достоинства и самопожертвования, проявленного народами нашей страны в годы ВОВ, спекулируя святым именем Бога.

П.С.Исаев, участник ВОВ

В том же номере газеты был напечатан ответ на мое письмо, написанный отцом Александром – священником дубненского храма великомученика и целителя Пантелеимона.

Уважаемый Петр Степанович!

Редакция попросила меня ответить на Ваше письмо, которое публикуется в этом номере. Много в нем привлекает своей искренностью, любовью к Родине и неформальным стремлением к правде. Огромное уважение вызывает и сам тот факт, что автор является участником ВОВ. Относительно же Вашего возмущения молитвой, которую написал Патриарх, я думаю, что оно скорее является следствием недоразумения и не имеет под собой реальных оснований. О молитве ведь в принципе невозможно спорить. Молитва – это не публицистическая статья. Она

может иметь смысл только для верующего человека. Православную же веру человек может принимать или не принимать – это его полное право, но изменить ее невозможно. Православие, действительно, обращает взгляд человека на себя самого и именно этим открывает ему путь покаяния и веры. Поэтому верующий человек всегда видит настоящую причину своих бед не во внешних обстоятельствах, а в своих грехах, и оправдывает праведные суды Божии во всем том, что они ему посылают. Причем относится эта мысль не только к отдельному человеку, но и к народу в целом. Ее мы постоянно встречаем в Ветхом Завете, описывающем историю древнего Израиля. С христианской точки зрения, так же понимается и русская история. Ни у кого на православной Руси, например, не было сомнения в том, что татарское иго явилось следствием именно наших грехов, а не чего-то другого.

Понятно, что неверующий мир думает наоборот и причину своих проблем, как правило, полагает в людях, которые эти проблемы создают, и вообще во внешних обстоятельствах жизни. Это тоже правда – но правда лишь внешняя. Относительно же настоящих причин наших проблем никакого повода для спора быть не может. Здесь ничего нельзя навязать или доказать человеку. Каждый видит в своей совести то, что он видит, а судьей человеческому сердцу может быть только Бог. Можно только заметить, что понимание своих грехов совсем не противоречит усилиям исправить и изменить внешние обстоятельства жизни, а если говорить о войне, то покаяние и вера совсем не отменяют ратного подвига солдата или героического труда ради защиты своей Родины в тылу. Поэтому никакой обиды фронтовикам от покаянной молитвы верующих людей не существует.

Если сокровенную жизнь человеческого сердца может судить только Бог, то внешние исторические события остаются такими, какие они есть. Поэтому я согласен с Вами в том, что нельзя переписывать историю и утверждать то, чего нет. Лозунги, под которыми воевали и трудились в

тылу русские люди, конечно, говорили о Сталине и Ленине, а отнюдь не о православной вере. Поэтому, с точки зрения политики и идеологии, можно говорить о противостоянии коммунизма и фашизма. Однако для верующего человека очевидно, что одновременно существуют и более глубокие основания для трагических и героических событий русской истории XX века. Вера ведь возрождается сегодня – хотя трудно объяснить, откуда она берется после стольких безбожных десятилетий. Ведь еще Хрущев обещал показать по телевизору последнего попа. Но оказывается, что она всегда была жива, и даже постоянно напоминала о себе, особенно в самые трагические годы ВОВ. Ведь оказалось, что войну никак по-другому нельзя назвать, кроме как Священной. Да и Вы в своей статье говорите, например, о священном мужестве и протестуете против спекуляции святым именем Бога. То есть и в Вас, участнике ВОВ, вера не умерла. По-видимому, недоразумение в большей мере заключается в отсутствии взаимопонимания, которое, к сожалению, стало очень характерным признаком современной жизни. Поэтому и рассуждения о вере часто приводят лишь к разногласиям, и даже вражде. Бывает, что причиной этому становятся неловкие слова или ошибки нас, священников, да и вообще верующих людей. Но хотелось бы верить, что общими усилиями со временем все встанет на свои места, ибо к миру призвал нас Господь.

С уважением, протоиерей Александр Любимов

Я уважаю вышеизложенное мнение священнослужителей РПЦ. Но как непохожа оценка героических усилий советских солдат и советского народа в годы Великой Отечественной войны, данная и признанная мировой общественностью, на церковные проповеди об участии Бога в этой войне, по сути сводящие к нулю мужество и стойкость наших солдат и нашего народа.

Я еще раз подчеркиваю, что я не против Русской Православной Церкви. По отношению к РПЦ я разделяю точку зрения Литтре: «Я слишком хорошо убедился, что человеческая жизнь полна страданий и трудностей, и поэтому

не могу лишать кого бы то ни было тех убеждений, которые поддерживают его в различных испытаниях» (ссылка взята из «Дневника» А.С.Суворина, Изд-во «Новости», 1992, с.421).

Тем не менее, я считаю необходимым, хотя бы в кратком виде, изложить историческую роль РПЦ в судьбе моей Родины, так как я вижу ее.

Наивно связывать проблему духовного возрождения России с той свободой деятельности, которую получила Русская Православная Церковь после 1990 г., после развала Советского Союза. Единственный видимый результат «возрождения» деятельности РПЦ в России – это открытие большого количества действующих церквей во всех уголках России. В телевизионной передаче Анны Прохоровой «В центре событий», состоявшейся 7 декабря 2008 г., было сказано, что количество церквей выросло в 30 раз, а мораль в стране упала в 30 раз.

Патриарх Алексей II говорил, что «Если народ не найдет Бога, он не найдет ни благополучия, ни покоя, ни счастья...».

Миллионы людей России живут сегодня ниже черты бедности, верят в Бога, но у них нет ни покоя, ни благополучия, ни счастья.

Ни морального, ни культурного, ни экономического подъема жизни трудового народа за последние 20 лет в нашей стране нет. В книге А.Вдовина «Русские в XX веке. Факты. События. Люди» делается весьма актуальный и ныне вывод: «... осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе империи, утрачивающей способности к выражению и защите его национальных интересов и ценностей...». Деятельность РПЦ и ее роль ни в последние десятилетия до 1917 года, ни после развала Советского Союза не была полезной, если их рассматривать с точки зрения защиты национальных интересов и ценностей русского народа.

В течение тысячелетия РПЦ была духовным лидером России и ее определяющий вклад в становление русского государства остается неоспоримым. Но, что РПЦ принесла народам России, начиная с 18-ого столетия?

В передаче «Слово пастыря» патриарх Московский и всея Руси Кирилл сделал заявление: «Научная оценка того, что могла и что не могла сделать церковь не имеет никакой силы. Человеческий критерий недостаточен для оценки деятельности церкви. Чтобы критерий был безошибочен, его надо воспринимать через пророчества...».

Я не буду проводить никакого научного анализа деятельности Русской Православной Церкви на протяжении тысячелетия. Сама история России дала ответ владыке Кириллу: в 1917 году произошел коренной поворот власти в России и крушение религиозного мировоззрения в целом. Я могу привести лишь ряд фактов, демонстрирующих беспомощность РПЦ в истории моей Родины.

Россия до 1917 г. была страной сплошной безграмотности народа, бесправия народа, крепостного права и церковных проповедей, призывающих народ к послушанию и покаянию. И сегодня, в предвыборные дни 2012 года, владыка Кирилл призывает людей: «Православные на демонстрации не ходят». «В 30-е годы (XIX в.) было у нас даже время, когда чтение книг и увеличение знания считалось не особенно ценным занятием и морально осуждалась жажда просвещения...». (Н.А.Бердяев. «Философская истина и интеллигентская правда». Сборник статей «Вехи», Москва, «Молодая гвардия», 1991, с.26). Не правда ли, что сегодня это звучит весьма современно, как будто бы мы вернулись на 200 лет в прошлое!

Первый университет в России был открыт в Москве в 1755 г. при активном содействии М.В.Ломоносова. В Западной Европе университеты появились в XII веке (Италия, Испания, Франция). В России не было даже всеобщего начального образования. Между III-ей (1907 г.) и IV-ой (1912 г.) Государственными Думами этот вопрос обсуждался, но решение так и не

было принято. 2 (15) марта 1917 года царь Николай II отрекся от престола. «Заслуга» большевиков (коммунистов) в этом, как мы сейчас знаем, минимальна. Почему же РПЦ ничего не сделала для сохранения монархии, и вместе с этим, не спасла уваровскую триаду «Православие. Самодержавие. Народность», провозглашенную графом Уваровым в начале XIX века? РПЦ своим бездействием привела Россию к октябрьскому перевороту 1917 г.

Нам сегодня настойчиво внушают мысль, что наша национальная идеология генетически связана с идеалистическими и религиозно-мистическими течениями русской философской мысли, но, очевидно, что тысячелетнее господство Православной Церкви душило в России светское просвещение и свободу мысли, и ничего иного в такой обстановке русская философская мысль породить не могла.

Религия, только одна религия, даже если она очень хорошая, не увеличивает ни объем знаний, ни техническую мощь страны, а, следовательно, не увеличивает духовного и материального богатства страны, и поэтому Российская Православная Церковь не имеет никаких оснований претендовать на звание духовного лидера государства. Религия здесь бессильна. Только наука, философия, культура являются подлинными, неоспоримыми духовными лидерами нации. Только государственная поддержка развития фундаментальных наук, философии и культуры могут обеспечить расцвет России. Поражение уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность» было исторически неизбежно из-за технической, научной, философской и в целом культурной отсталости царской России.

И только после Октябрьской революции 1917 года, когда народы России освободились от духовного владычества религий, когда народ получил доступ к образованию и управлению своим государством, Россия в течение 30-40 лет совершила гигантский рывок в своем развитии. Всеобщее среднее образование, доступность высшего образования. Победа в Великой Отечественной войне, индустриализация страны, завоевание космоса,

электрификация всей страны, создание сотен и тысяч новых заводов, фабрик, детских учреждений, школ, ВУЗов, мировые достижения в области науки, литературы, искусства, спорта – вывели советскую Россию в число общепризнанных лидеров среди всех стран мира. Все эти успехи были достигнуты без участия в них Русской Православной Церкви. Конечно, за это была заплачена слишком высокая цена, и поэтому наша задача сейчас сделать так, чтобы эти достижения были сохранены и не растрачены впустую.

Сегодня люди, проповедующие религиозное мировоззрение – священники и муллы – это люди из народа, учились в советских школах, они пока не создают ни материальных, ни духовных ценностей – все они не в состоянии заменить духовную мощь миллионов интеллектуально развитых людей в России и, в принципе, не могут стать духовными вождями миллионов образованных людей России.

Сегодня некоторые представители духовенства и ряд средств массовой информации пытаются замолчать и очернить экономические, духовные и культурные достижения Советского Союза.

Зачем? Во имя чего? Зачем рвут связь поколений, ругают историю своей страны и сами ничего полезного не вносят в ее жизнь, пытаются разрушить Россию как единое государство?

Как ни печально, как ни прискорбно, но «Послесловие» приходится заканчивать словами, что все это делается ради того, чтобы снова и снова эксплуатировать экономически наш народ, чтобы избранная кучка людей жила за счет его обнищания и его духовного угнетения. Я не вижу других причин этих усилий.